

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОБЪ.

**И Н О Р О Д Ц А Х ъ
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.**

СОЧИНЕНІЕ

В. А. СБОЕВА.

КАЗАНЬ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА ДУБРОВИНА.

1856.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

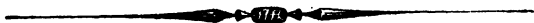
ОБЪ

ИНОРОДЦАХЪ

КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ВАСИЛІЯ СБОЕВА.

КАЗАНЬ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА ДУБРОВИНА.

1856.

Печатать позволяется, съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 30-го Апрѣля 1855 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Въ типографіи Университета.

ЗАМѢТКИ О ЧУВАШАХЪ.

(Письма къ Редактору Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей).

И.

Исполняю данное Вамъ, почтеннѣйшій Ал. Ив., обѣщаніе: пишу къ Вамъ изъ темной глуши, изъ среды народа, едва вышедшаго изъ дикаго состоянія. Прежде всего, я думаю, вы ждете отъ меня жалобъ на томительную скуку жизни среди полудикарей: на скуку эту обрекали меня и тѣ изъ моихъ товарищей, которые знали о моемъ намѣреніи побывать въ Петровскій Постъ въ чувашской сторонѣ. Вышло напротивъ. Я превесело развѣзжаю по чувашскимъ селамъ и деревнямъ и едва-ли даже воспользуюсь убѣжищемъ отъ хандры, которое добрый товарищъ нашъ Н. В. Рат..... благосклонно приготовилъ мнѣ въ Цивильскѣ. Дѣло въ томъ, что Чуваши — мои старые знакомцы. Назадъ тому глѣть двадцать пять я имѣлъ и случай, и обязанность изучать ихъ языкъ и ихъ бытъ. Прожить четверть столѣтія — не поле перейти; много воды утекло въ это время; многія изъ моихъ свѣдѣній о Чувашихъ успѣли ускользнуть изъ моей памяти; во многомъ Чуваши сами могли перемѣниться. Вотъ почему особенно пріятно для меня теперь возобновить мое знакомство съ ними, прислу-

паться къ ихъ языку, вникнуть въ ихъ настоящій бытъ, вспомнить прежнее, бывшее и сравнить его съ теперешнимъ состояніемъ этого народа. Можетъ быть, замѣтки, наблюденія и сличенія мои не вовсе будутъ лишены интереса и для нѣкоторыхъ изъ читателей Вашей газеты: если такъ, то можете тиснуть ихъ. Я выписываю Вамъ ихъ изъ моего дорожнаго журнала, гдѣ впечатлѣнія, быстро схваченныя, также быстро и записывались, и гдѣ не помѣстились только мои воспоминаванія, имъ же нѣсть конца. Начинаю съ начала, а конецъ отнесу къ концу.

Вступивъ въ предѣлы чувашской земли, я былъ пріятно изумленъ перемѣною, которую всего меньше надѣялся въ ней встрѣтить. Вообразите: въ Петровки, т. е., въ то время, когда язычествовавшая чувашская земля праздновала одно изъ важнѣйшихъ своихъ торжествъ и приносила богамъ наибольшіе жертвы, — въ это время я видѣлъ богослуженіе съ поклонами въ христіанской церкви; видѣлъ значительное число говѣльщиковъ и особенно говѣльщицъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ, напр. въ Кошкахъ, въ каждую недѣлю поста число ихъ простиралось отъ 40 до 60 человекъ. Мнѣ объяснили при томъ, что говѣющіе исполняютъ долгъ христіанскій богѣ по произвольнымъ и внутреннимъ, чѣмъ по внѣшнимъ побужденіямъ, что во всю недѣлю Великаго Поста въ чувашскихъ церквахъ совершается непрерывная служба и число говѣющихъ бываетъ вдвое болѣе, чѣмъ въ Петровки, что къ Господинкамъ неприобщившихся Св. Таинъ на 10000 человекъ остается не болѣе 20 или 30 и что наконецъ нынѣ между Чувашами небывшій у исповѣди и Св. Причастія болѣе 2 лѣтъ считается рѣдкостью, явленіемъ необыкновеннымъ.

Но съ какимъ расположеніемъ весь этотъ людъ приступаетъ къ Таинствамъ? спрашиваете Вы. На этотъ вопросъ я Вамъ ни-

чего не отбѣчу отъ себя, а заставлю отвѣчать самихъ Чувашъ. Разъ, выходя изъ одной сельской церкви послѣ вечерней службы, я обратился къ двумъ шедшимъ за мною старикамъ, и сказалъ имъ: »говѣете, друзья, но отъ мясного вѣрно не отказываетесь; вѣдь теперь вашъ праздникъ *Синзе*.« — Ай, не такъ говоришь, бачка,—отвѣчали мнѣ. Ёсть скоромное, когда говѣешь и когда постъ, — *силыхъ боле* (грѣхъ будетъ). Кромѣ хлѣба, ничего не ѣдимъ, домой не ходимъ; всю недѣлю здѣсь вочуемъ. Праздники наши не Синзе и не другіе прочіе, а тѣ же, что и у васъ.« Подошедшій къ намъ священникъ подтвердилъ ихъ слова, сказавъ, что прежнія суевѣрія у Чувашъ брошены, что изъ 49 видимыхъ мною говѣльщиковъ только трое сельскіе, всѣ же прочіе изъ приходскихъ деревень, и на недѣлю размѣщены по квартирамъ у священно-церковнослужителей. Въ одномъ изъ стариковъ я узналъ своего давняго знакомаго. Нѣкогда онъ былъ мужикъ пьяный, задорный, клузникъ, коштанъ. Онъ частенько колачивалъ свою мать, старуху сварливую и безалаберную, и почти всякій разъ расплачивался за то въ волостномъ правленіи. «Ну, Семенъ, сказалъ я ему, — а поколотить старуху-мать, или кого-нибудь изъ родныхъ и знакомыхъ, вѣдь *силыхъ-маръ* (не грѣхъ)? — Какъ не грѣхъ, бачка? — Большой грѣхъ! Теперь мы знаемъ, что грѣхъ. Прежде знали только, что *эта больно дорою стобитъ*, приговилиъ онъ со вздохомъ.

Само собою разумѣется, что семена лучшихъ понятій о важнѣйшихъ истинахъ христіанства насаждены въ Чувашахъ попечительностію духовенства. Они саміи начинаютъ чувствовать, чѣмъ обязаны своимъ пастырямъ. Прежнія скандальныя ихъ тяжбы и жалобы на священниковъ выводятся и безъ сомнѣнія скоро ведутся вовсе послѣ того какъ послѣдніе, получая отъ казны окладное жалованье и будучи обезпечены въ исправномъ доставле-

ни имъ руги, поставлены въ совершенную независимость отъ своей паствы. Для священниковъ уже нѣтъ причины потворствовать слабостямъ своихъ духовныхъ дѣтей и смотрѣть сквозь пальцы на ихъ проступки; а паства не имѣетъ причины ни негодовать на поборы, ни жаловаться на любостяжаніе пастырей. Слѣдствія этого взаимнаго между ними отношенія и теперь уже начинаютъ обнаруживаться въ уваженіи паствы, въ ея послушаніи и готовности исполнять основанныя на религіи требованія священниковъ. Я думаю, что очень и очень недалеко то время, когда служитель алтаря будетъ и повѣреннымъ другомъ, и наставникомъ, и утѣшителемъ, и защитникомъ своихъ духовныхъ дѣтей. *Nos in votis.*

Частыя сношенія съ Русскими, усиленіе торговой и промышленной дѣятельности также измѣнили во многихъ отношеніяхъ понятія Чувашъ. Монополія Русскихъ на чувашскихъ базарахъ исчезла: большею частію Чуваша сами какъ заготавливаютъ или закупаютъ въ Казани и уѣздныхъ городахъ, такъ и продаютъ на своихъ базарахъ нужныя для домашняго обихода вещи. Многіе изъ Чувашъ скупаютъ или вымѣниваютъ на что-либо у своихъ соплеменниковъ — сало, кожи, яйца, медъ, хмѣль и проч., и привозятъ для продажи большею частію въ Казань. Хмѣль игралъ прежде особенно важную роль въ быту Чувашъ: у каждаго изъ нихъ и теперь непременно есть *хумла-карды* (хмѣльники). Хмѣль продавали они прежде оптовымъ торговцамъ или на винокуреньныхъ заводахъ по 50 и даже по 60 рублей за пудъ; и такимъ образомъ каждый изъ Чувашъ на одномъ этомъ продуктѣ могъ выручать все, что нужно ему было для уплаты податей и для удовлетворенія первѣйшимъ жизненнымъ потребностямъ; а деньги, получаемыя отъ продажи хлѣба, онъ откладывалъ на черный день, или на *бѣду*, т. е. на случай, если попадетъ подъ *судъ* (*судъ* и *бѣда* у Чувашъ — синонимы). Нынѣ цѣна на хмѣль упа-

ла очень ниско: его продають уже по 3 или много по 4 рубля ассигнаціями за пудъ. Послѣ того естественно долженъ былъ усиливаться сбытъ хлѣба. И дѣйствительно многіе Чуваши торгуютъ скупаемымъ у соплеменниковъ хлѣбомъ на довольно значительныя суммы. У нѣкоторыхъ есть свои росшивы, на которыхъ они доставляютъ свой хлѣбъ въ Рыбинскъ. Эти торговцы составляютъ цвѣтъ, высшую аристократію, сливки чувашскаго племени. Они обыкновенно говорятъ не только съ Русскими, но и между собою не иначе, какъ по-русски; живутъ въ чистыхъ, просторныхъ избахъ и угощаютъ своихъ досовъ*) и пріятелей не сивухой, не

*) *Досомъ* называетъ Чувашенинъ человѣка, которому далъ обѣтъ неразрывной дружбы. Надобно думать, что первоначально досащіеся, давая обѣтъ дружбы, дарили другъ друга тѣмъ, что каждый имѣлъ у себя лучшаго, и тѣмъ символически выражали свою готовность жертвовать для доса всѣмъ. Такимъ образомъ взаимные дары составляли обрядъ при заключеніи дружбы. Подъ вліаніемъ Русскихъ, умѣвшихъ какъ изъ дурныхъ, такъ и изъ хорошихъ свойствъ Чувашъ извлечь свои выгоды, обрядъ этотъ потерялъ свое первоначальное значеніе. Русскій купить бывало какую-либо бездѣлку, напр., плюсовую шапку, шелковый кушакъ, либо двухрублевый армякъ, и спѣшитъ съ этимъ подаркомъ къ богатому Чувашенину; а тотъ въ простодушной увѣренности, что эта самая лучшая вещь у его друга, даритъ ему одинъ или два лучшіе улья пчелъ, лошадь, корову или какую-нибудь другую цѣнную собственность. Наконецъ Чуваши увидѣли, что Русскіе ихъ пріатели вовсе не досы, что они подъ священнымъ именемъ дружбы скрываютъ корыстные виды, и стали воздавать имъ *al pari*, или вовсе не доситься съ ними. Такимъ образомъ досы существуютъ теперь только по имени; и я убѣжденъ, что знаменитая фраза: *друзья мои! нѣтъ болѣе друзей на свѣтѣ*, первоначально произнесена была на чувашскомъ языкѣ какимъ-нибудь разочарованнымъ Васиіемъ Ивановичемъ, и произнесена слѣдующимъ образомъ: *«досы мои! ни въ цивильскомъ, ни въ ядринскомъ, ни въ буинскомъ, ни въ курмышинскомъ, ни даже въ чебоксар-*

мартовскимъ пивомъ, не моренымъ медомъ, но чаемъ, бѣлымъ виномъ, французской и кизлярской водкой. Последній предѣлъ, къ которому стремятся ихъ честолюбіе, составляютъ родственныя связи съ Русскими. Отдать дочь за Русскаго, или женить сына на Русской — это верхъ благополучія для Чувашенина-аристократа. Высшее, бонтовное чувашское общество, какъ и всякая аристократія въ мірѣ, находитъ себѣ подражателей въ нисшихъ классахъ народа, который, если теперь не имѣетъ еще ни возможности пить чай, ни расположенія мѣнять забористую сивуху и крѣпкое пиво на виноградное вино, то по крайней мѣрѣ изъ подражанія своему первообразу и для большого удобства въ частыхъ сношеніяхъ съ Русскими старается изучить русскій языкъ. Дѣйствительно теперь весьма немногіе изъ Чувашъ вовсе не знаютъ нашего языка. Многіе объясняются на немъ такъ свободно, что только привычное къ ихъ говору и разборчивое ухо можетъ признать въ нихъ Чувашъ. Даже *хирь-арымъ*, женскій полъ, все еще чуждающіеся Русскихъ и весьма мало имѣющіе съ ними сношеній, не совсѣмъ чужды нѣкоторыхъ познаній въ нашемъ языкѣ.*)

скомъ уяздѣ — нѣтъ болѣе досовъ! Русскіе истребили, уничтожили, стерли ихъ съ лица земли.»

- *) Справедливость требуетъ однако же замѣтить, что Чувашки только затверживаютъ русскія слова, но соединяютъ ихъ по своему, потому-что наше словосочиненіе имъ вовсе не дается. Отъ того понимать ихъ иногда бываетъ очень трудно. Съ недѣлю тому назадъ я заѣхалъ въ одну чувашскую деревню къ знакомой мнѣ старухѣ, у которой нѣкогда крестилъ сына. Напившись чаю, я вздумалъ было разогрѣть свой завтракъ. Но едва я приблизился къ печи, какъ моя кума съ испуганнымъ видомъ закричала: *»стой оксажъ* (т. е. хромой. Такъ зовутъ здѣсь Вашего покорнаго слугу, потому-что въ молодости я разбилъ себѣ ногу, упавши съ лошади подымость, и болѣе 2 лѣтъ ходилъ на клюпкахъ), *стой! Въ печечи народъ мною. И твоя будетъ.* Слова за исключеніемъ моего прозвища всѣ русскія, но взять ихъ въ толкъ! По

Такимъ образомъ само время готовится окончательно рѣшить бывшій во дни существованія библейскаго общества предметомъ сильнаго спора вопросъ: можно-ли совершенно обрусить Чувашъ, Черемисъ и другіе не большіе народцы, живущіе въ Россіи и уже исповѣдующіе христіанскую вѣру? Въ настоящее время не иначе уже можно отвѣчать на этотъ вопросъ, какъ утвердительно; можно, т. е. предполагать, что нѣкогда они совершенно забудутъ и свой языкъ, и свой образъ жизни, тѣмъ болѣе что элементы этой жизни и сами по себѣ скудны, и не имѣютъ нимагѣйшей связи ни съ настоящею ихъ религіею, ни съ историческими ихъ воспоминаніями. Что такой метаморфозъ дѣло сбыточное — доказательствомъ служатъ многіе примѣры. Приведу изъ нихъ одинъ. Въ тетюшскомъ уѣздѣ есть село *Каратаи*. Жители его — Мордва; но во всемъ селѣ ни одинъ человѣкъ аза въ глаза не знаетъ по-мордовски; мужчины говорятъ по-татарски и по-русски, а женщины — по-татарски. Если Мордвѣ, живущей близъ Татаръ, можно было отатариться; то почему же Чувашамъ и Черемисамъ нельзя обрусѣть?

крайней мѣрѣ я поваялъ смыслъ ихъ только тогда, когда разглядѣлъ, что печь дѣйствительно полна всякаго рода и вида *пашалу*, (лепешками) и пирогами, заготовляемыми къ наступающему сельскому празднику. *И твоя будетъ*. Это значить, что доброй хозяйкѣ хотѣлось, чтобы и я позавтракалъ ея стряпнею. — Въ другой разъ я спросилъ по-чувашски одну бойкую, черноглазую Чувашку, жену дряхлаго старика, сколько ей лѣтъ. Она видимо обидѣлась тѣмъ, что ее Русскій спрашиваетъ по-чувашски, и горделиво отвѣтила мнѣ: *полтина лѣтъ послышъ*, т. е., ей около 50 лѣтъ. Такъ точно говорили прежде и мужчины. Недостатокъ этотъ происходитъ, по моему мнѣнію, отъ того, что они стали учиться по-русски уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Можно и должно надѣяться, что молодое женское поколѣніе избавится отъ этого барбаризма также, какъ теперь избавилось отъ него молодое поколѣніе мужское.

Говоря о чувашской аристократіи, я и забылъ напомнить Вамъ, что въ настоящее время рядомъ съ нею возникаетъ новая, *ученая* аристократія, юная *Чувашиландія*, долженствующая сильно дѣйствовать на возрожденіе и образованіе своего племени. Она состоитъ изъ молодыхъ людей ученыхъ, т. е., кончившихъ курсъ въ одномъ изъ сельскихъ приходскихъ училищъ и прямо съ ученической скамьи поступившихъ въ должностныя и начальственные лица средней руки, преимущественно въ дѣлопроизводители, или, если угодно, въ писаря въ сельскихъ расправахъ. Число грамотныхъ Чувашъ теперь уже довольно значительно; оно постоянно увеличивается выпускомъ изъ училищъ новыхъ грамотѣевъ. Главными учебными заведениями, свѣтилами чувашскаго просвѣщенія въ чебоксарскомъ уѣздѣ считаются копкинское и аттиковское училища, въ которыхъ учащихся бываетъ отъ 20 до 30 человекъ. Въ нихъ учатъ чтенію, письму, закону Божію, ариметикѣ. Но достопочетный священникъ, завѣдывающій копкинскимъ училищемъ, И. В. Золотницкій, кромѣ этихъ предметовъ въ свободные часы преподаетъ желающимъ и богѣ другихъ смѣшленнымъ мальчикамъ основныя начала русской грамматики и краткую географію, приучая притомъ своихъ учениковъ къ черченію картъ. Мы показывали географическую карту, начерченную однимъ Чувашленкомъ очень удовлетворительно. Чувашята, какъ и Русскіе мальчики, принимаются за книгу не охотно, но за то чуть-ли не скорѣе Русскихъ привыкаютъ къ ней. Черезъ годъ они приучаются бѣгло читать и свободно объясняться по-русски. Но когда мы говоримъ здѣсь о навыкѣ свободно объясняться, то отнюдь не разумѣемъ способности чисто и правильно говорить: это двѣ разныя вещи. Чувашенинъ никогда не приучится совершенно чисто и правильно произносить наши слова. Какъ ни бейтесь съ нимъ, вы никогда не заставите его правильно произнести, напр., русское *о*, особенно въ началѣ слова; у него всегда выдетъ *т*. Я знаю вну-

ка обрусѣшаго Чувашенина; онъ не разумѣетъ ни слова изъ языка своего дѣда, но роковое *д* все-таки произносить, какъ *т*. Видно у Чувашъ орудія слова (*organa loquatae*) имѣютъ особенное устройство. Отъ того, можетъ быть, во всемъ ихъ языкѣ не болѣе трехъ словъ, начинающихся съ *д* (*двадта* — четыре, *десъ* — говорить, *досъ* — другъ), произносимаго притомъ съ грѣхомъ пополамъ; между тѣмъ какъ словъ, начинающихся съ любимаго Чувашами *т*, въ немъ болѣе 350. Кромѣ того Чувашенинъ, говоря по-русски, разѣвааетъ ротъ цѣломудреннѣе и экономнѣе даже Англичанина. Отъ того буква *в* весьма часто переходитъ у него въ *ф*, *б* — въ *п*. — Нужно-ли впрочемъ сказывать, что все это недостатки ничтожныя, ничуть не препятствующіе Русскому понимать Чувашенина, а Чувашенину — Русскаго?

Оставляя мелочи эти, порадуемся тому, что черты, въ которыхъ преимущественно обнаруживались дикость, варварство, грубость Чувашъ, теперь или совершенно сгладились, или видимо сглаживаются. Къ прежнимъ религіознымъ вѣрованіямъ своимъ они питаютъ отвращеніе и презрѣніе. Священныя роцци (жеремети) всѣ повырублены такъ, что и слѣдовъ ихъ не осталось. О варварскомъ обычаѣ *тащить непріятелю сухую бѣду*, т. е., вѣшаться во дворѣ своего врага, не слышно болѣе. Чувашенинъ уже не смотритъ болѣе кретиномъ. Онъ не видитъ въ каждомъ Русскомъ своего повелителя, *олбута* (господина). Чиновниковъ Земской Полиціи, равно-какъ окружнаго начальника и его помощниковъ, онъ не считаетъ уже людьми, выше и больше которыхъ нѣтъ ничего на свѣтѣ. Онъ знаетъ уже дорогу въ Казань; знаетъ также, что у него есть *Патша* (царь), защитникъ и покровитель всѣхъ угнетенныхъ, за котораго онъ молится въ церкви и на службу котораго идетъ охотно даже безъ очереди, въ замѣнъ женатаго родственника или только пріятеля: случай нѣсколько разъ, какъ

миѣ сказывали, повторившіяся въ Чебоксарахъ въ послѣдній рекрутскій наборъ. Глубокое легковѣріе и безсмысленная простота Чувашъ теперь уже болѣе преданіе, чѣмъ дѣйствительность. Наученный прежними многочисленными опытами Чувашенинъ теперь болѣе всего страшится быть обманутымъ и сдѣлаться посябшищемъ своихъ знакомыхъ; его простота измѣнилась въ самую чуткую осторожность.

Не то было назадъ тому лѣтъ 25 и болѣе. . . .

Керемети существовали тогда въ каждомъ почти селѣ, и въ нихъ открыто приносились языческія жертвы. Чуваша хромали на обѣ плеснѣ и глезнѣ, были плохими язычниками и весьма плохими Христіанами. Въ кереметахъ приносили кровавыя жертвы только съ корыстными цѣлями, т. е., либо въ случаѣ несчастія, постигавшаго то или другое семейство, либо въ то время, когда надобно было испросить у боговъ обильный урожай хлѣба, хорошій приплодъ скота и т. п. Обращенные въ христіанство (около 106 лѣтъ тому назадъ) не силою убѣжденія, но по принужденію, они не имѣли ни малѣйшаго понятія объ истинахъ нашей религіи. Они крестились сами, крестили дѣтей своихъ, въ случаѣ болѣзни исповѣдывались и приобщались Св. Тайнъ, вовсе не понимая, что дѣлаютъ. Обыкновенно они бывали въ церкви только три раза въ жизни, т. е., когда ихъ крестили, когда женили, когда отпѣвали.*). . . . Они видѣли въ священникахъ доносчиковъ, враговъ, преслѣдователей своихъ; и самыя законныя дѣйствія ихъ они перетолковывали по своему, давали имъ другой смыслъ.

*) Изъ этого положенія изъемяются Чуваша отдаленныхъ отъ селъ деревень. Они бывали только разъ въ церкви. Ихъ крестили и отпѣвали гуртомъ, чохомъ въ то время, когда священнику случалось быть въ деревнѣ.

Надобно впрочемъ сказать, что вообще Русскіе съ самаго покоренія здѣшней стороны вѣроятно очень не кротно обходились съ чувашами. Отъ того послѣдніе старались, сколько возможно, удалиться отъ вниманія побѣдителей. Они селились какъ можно далѣе отъ большихъ дорогъ, отъ судоходныхъ рѣкъ, у какого-либо грязнаго ручья и все непременно по скатамъ двухъ ложбинъ. Почти каждое чувашское село расположено такъ, что Вы приѣдете его тогда только, когда носомъ уткнетесь въ него. Скрывать отъ Русскихъ дорогу къ селамъ и деревнямъ чувашскимъ считалось долгомъ, дѣломъ чести каждаго Василя Ивановича.*) Вы ѣдете бывало проселочною чувашскою дорогою; русскій ямщикъ Вашъ, дѣйствительно небывавшій въ этой глуши, не знаетъ дороги. Вы запутались. Вотъ идетъ Чувашенинъ. Ачамъ (молодецъ)! гдѣ проѣхать въ N° деревню? — *Тюракъ кай* (прямехонько ступай), — отвѣтитъ онъ Вамъ непременно. Если Вы такъ неопытны, что послѣдуете этому совѣту, то васъ непременно завезутъ либо на мельницу, либо къ болоту, либо въ дѣсь, въ которомъ еще не проложено безопасныхъ ѣзжалыхъ дорогъ.

*) *Василій Ивановичъ* — у Русскихъ почетная кличка каждаго Чувашенина, какъ *князь* — почетный титулъ Татарина. Съ чего Русскіе вздумали называть Чувашъ Василіями Ивановичами? Есть преданіе, что іеромонахъ Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ (въ послѣдствіи митрополитъ казанскій), преосвященнымъ Лукою Конашевичемъ посланный съ нѣсколькими духовными лицами обращать Чувашъ въ Христіанство, крестилъ ихъ цѣлыми толпами, при чемъ любилъ имъ давать свое свѣтское имя *Василій*, а воспріетникомъ былъ діаконъ Иванъ Афанасьевъ, получившій потомъ мѣсто священника въ одномъ изъ чувашскихъ селъ. Можетъ быть впрочемъ эта кличка происходитъ и отъ-того, что священники первоначально давали новорожденнымъ Чувашлятамъ общеупотребительнѣйшія и извѣстнѣйшія имена. А какое имя употребительнѣе *Василія* и *Ивана*?

Но вотъ послѣ многихъ остановокъ, объѣздовъ, переѣздовъ и заѣздовъ, Вы попали наконецъ въ деревню, черезъ которую лежитъ Вамъ путь. Едва Вы переѣхали за околицу, какъ ребятишки, игравшіе на улицахъ, стремглавъ бросаются по домамъ, съ крикомъ: *вырасс! вырасс!* (Русскій! Русскій!). Въ одно мгновеніе всѣ ворота заперты, всѣ двери затворены, нигдѣ не видно души человѣческой; вся деревня точно вымерла отъ моровой язвы. Дѣлать нѣчего: Вы обращаетесь къ разрѣшителю всѣхъ чувашскихъ грѣховъ—къ выборному; у него Вы останавливаетесь и покупаете корму для лошадей. Выборный свачала принялъ Васъ, какъ Русскаго, съ достоюлжнмъ почтеніемъ. Но Вы не потребовали отъ него мірскихъ лошадей, не сѣли у него дарового обѣда, не поколотили его ни за что, ни про что; Вы даже заплатили ему за кормъ лошадямъ, — и онъ съ презрѣніемъ смотритъ на Васъ, какъ на выродка, какъ на урода, съ позволенія сказать. Это значить, что Вы не умѣете ѣздить по чувашскимъ селамъ.

Научитесь этому искусству у выгнаннаго изъ службы подканцеляриста Брагина, который ѣдетъ теперь *) въ пресловутый градъ Козьмодемьянскъ, чтобы партикулярно поскрыпѣть перушкомъ въ тамошнемъ земскомъ судѣ. Вотъ его грозная персона влетѣла во дворъ выборнаго на лихой тройкѣ. Лошадей!—кричитъ хриплымъ басомъ, и ни съ того ни съ сего, вмѣсто: здорово живешь, даетъ выборному двѣ горячія оплеухи. Тотъ съ глубокимъ уваженіемъ, съ низкими поклонами провожаетъ гостя въ домъ. Тамъ Брагинъ приказываетъ подать себѣ — вина, пива, яицъ, *лишу* (супъ) изъ курицы, и съ избыткомъ вознаграждаетъ свое чрево за долговременный постъ въ Казани. Между тѣмъ лошади готовы. Уконтентованный даровымъ обѣдомъ Брагинъ выходитъ изъ дому, пошатываясь изъ стороны въ сторону. Ему подана только

*) т. е. бывало.

пара мірских лошадей, да и тѣхъ выборный едва отыскалъ, потому-что лошади всѣ въ работѣ, на сѣнокосѣ. Какъ? — восклицаетъ Брагинъ — только пара? Не хочу: вези это самъ; — и съ этимъ словомъ онъ вынимаетъ изъ кармана рукописный пѣсенникъ, сборникъ образцовыхъ стихотвореній извѣстѣйшихъ авторовъ, какъ-то: Баркова, В. Пушкина и т. п., да двѣ, три черновыя просьбы, написанныя имъ въ Мокрой для Татаръ, за пятиалтынный. Все это онъ энергически разбрасываетъ по двору выборнаго и быстрыми шагами идетъ въ околицѣ, очень хорошо зная, что пѣшкомъ недалеко придется ему идти. Осторожный выборный бережно собираетъ разбросанныя бумаги, велитъ ямщику пристегнуть свою собственную лошадь, кладетъ въ кофунъ синюю бумажку и самъ отправляется въ слѣдъ за сердитымъ господиномъ. Какъ онъ тамъ умоляетъ Брагина не погубить его съ ребятишками, какъ кланялся ему въ ноги, а въ руки будто насильно всучилъ синюю ассигнацію, — объ этомъ молчитъ исторія. *Вотъ какъ въ старину пѣдали* по Чувашиамъ чиновные люди и приобрѣтали себѣ всюду уваженіе и почтеніе.

Но это почтеніе ничто въ сравненіи съ тѣмъ раболѣпствомъ, съ тѣмъ благоговѣніемъ, которымъ Чуваши окружали свое домашнее чиновное лицо, своего волостного писаря. Онъ былъ въ собственномъ смыслѣ деспотомъ въ своей волости: налагалъ поборы, брилъ лбы, сажалъ въ цѣпь своего волостного голову, судилъ, рядилъ, наказывалъ, однимъ словомъ дѣлалъ все, что хотѣлъ. Чтобы показать Вамъ значеніе писаря въ старинной Чувашляндіи, разскажу Вамъ анекдотъ, за достовѣрность котораго ручаюсь. » Попадья торгуетъ у Чувашенина на андревскомъ базарѣ *саяранъ полъ* (вертящуюся, бѣшеную рыбу). Продавецъ запрашиваетъ слишкомъ дорого. Попадья горячится, бранится; Чувашенинъ не уступаетъ. — Побойся ты Бога, чувашская лопатка, — восклицаетъ на-

конецъ попадѣя—вѣдь это неслыханная цѣна.—*Эхъ, мачка*, отвѣчаетъ раздосадованный Чувашенинъ, — *что Бога болятся: вѣдь Богъ — не писарь.*» — Такъ вотъ что значить писарь! — Откуда брались эти писаря, — не знаемъ. Знаемъ только, что конецъ ихъ служебнаго поприща обыкновенно былъ двойной: прослуживъ три, четыре года, они или отправлялись пѣшеходяще на Востокъ, или переписывались изъ мѣщанъ въ купцы 2 - й гильдіи.

Какое же значеніе имѣлъ для Чувашъ самъ капитанъ - исправникъ, — объ этомъ ужъ не говорю между прочимъ и потому, что усталъ. До слѣдующаго письма.

III.

.....Если нравственная жизнь Чувашъ теперь, благодаря просвѣщенной заботливости свѣтскаго и духовнаго начальства, во многихъ отношеніяхъ измѣнилась въ лучшему: то это не можетъ еще служить доказательствомъ, что и внѣшній, матеріальный бытъ всей массы чувашскаго народа измѣнился. Большинство Чувашъ съ какимъ-то подобострастнымъ уваженіемъ придерживается образа жизни предковъ.....Между тѣмъ, чтобы оставить прежній образъ жизни и измѣнить его на лучший, — для этого теперь у нихъ, надобно сказать по справедливости, средствъ и способовъ несравненно больше, нежели сколько было прежде.

Но за всѣмъ тѣмъ внѣшній, матеріальный бытъ Чувашъ улучшается не въ желанной степени. Они вообще скупы для себя по привычкѣ; имъ все еще мерещится, какъ страшный призракъ, возможность бѣды, т. е. столкновенія съ судомъ. По этому предразсудку чувашское плебейство не заботится объ улучшеніи своего матеріальнаго быта. И вотъ что еще странно: Чувашевинъ очень хорошо понимаетъ выгоды и удобства быта зажиточныхъ русскихъ крестьянъ и мѣщанъ. Останавливаясь на ночлегъ или для корму лошадей въ русскихъ постоялыхъ домахъ, онъ прихотничаетъ, капризничаетъ, жалуется на чадъ и сырость въ комнатахъ, на недостаточность обѣда, либо ужина, который состоитъ изъ

двухъ сытныхъ блюдъ и за который онъ либо платитъ 5 копѣекъ серебромъ съ своего рыла, либо даже не платитъ и вовсе ничего, потому — что за покупкою сѣна и овса для лошадей обѣдъ или ужинъ для самаго возницы идетъ уже не въ-счетъ абонимента.^{*)} Но тотъ же Чувашенинъ, возвратясь восволеси, рѣшительно забываетъ всѣ претензіи на комфортъ — и живетъ чисто по-чувашки.

Безпорядочная постройка чувашскихъ селъ и деревень вошла у русскихъ людей въ пословицу. И въ казанской, и въ симбирской губерніяхъ мнѣ неоднократно случалось слышать, что русскіе люди всякую безпорядочную постройку навываютъ *чувашскою*. Села чувашскія не разбросаны такъ, какъ черемисскія, часто тянушіяся на нѣсколько верстъ, съ большими перерывами и промежутками. Напротивъ онѣ обыкновенно представляютъ нѣсколько болѣе или менѣе обличенныхъ между собою группъ домовъ, расположенныхъ — Аллахъ вѣдаетъ — по какому плану. Послѣ этого Вы, почтеннѣйшій Ал. Ив., ужъ и разумѣйте, что улицы тутъ нѣтъ, да и быть не можетъ. Есть только между дворами проѣзды, прихотливо извинаящіеся и болѣе или менѣе тѣсные. Въ нихъ очень легко можно заблудиться, заѣхать во дворъ, принимая его за улицу, потомъ въ другой, третій и т. д., пока не уткнетесь носомъ либо въ карду, либо въ гумennyй заборъ. — Ученые антикваріи и археологи не только русскіе, но даже чувашскіе, обяза-

^{*)} Не думайте впрочемъ, чтобы это со стороны содержателей русскихъ постоянныхъ домовъ было раззорительнымъ великодушіемъ. Эти господа въ извѣстное время года разъѣзжаютъ по чувашскимъ селамъ и съ тѣхъ изъ Чувашъ, которые занимаются извозомъ или которые вообще нерѣдко останавливаются у нихъ, собираютъ препорядочную контрибуцію *натурою*, на пр. рожью, овсомъ и т. п. За все это они потомъ берутъ потомъ съ тѣхъ же Чувашъ втридорога.

снимают эту безпорядочность постройки предположеніемъ, что Чуваши въ этомъ случаѣ подражали Татарамъ. Смѣлѣйшіе и отважнѣйшіе изъ нихъ (т. е., не изъ Татаръ и Чувашъ, изъ которыхъ первые очень смѣлы, а послѣдніе — вовсе не отважны) выводятъ даже изъ этой безпорядочности домыслостройки мысль, будто Чувашаи суть народъ не финскаго, какъ доселѣ думаютъ ученые, но тюркскаго происхожденія, потому—что тюркскія племена обыкновенно строятъ свои села и города точно такимъ же образомъ. Я падаю до вѣгъ предъ археологіею вообще и чувашскою въ особенности. Но мнѣ кажется, что не здѣсь должно искать оправданія мысли о тюркскомъ происхожденіи этого народа. Безпорядочность ихъ селъ и деревень есть простое и весьма естественное слѣдствіе и теперь еще продолжающагося у нихъ отношенія главы семейства къ его членамъ. Глава семейства обыкновенно селился на избранномъ имъ или отведенномъ ему мѣстѣ и загораживалъ себя подъ домъ довольно обширное пространство. Семейство его множилося; дѣти его обзаводились своими семействами и строили себя дома въ той же загородкѣ, въ которой такимъ образомъ являлось по нѣскольку избъ, а родоначальникъ жилъ въ кругу своей семьи, составляя центръ этого круга. Если два брата — родоначальника устроивались такимъ образомъ, то мало-по-малу предѣлы ихъ поселеній сближались между собою, сливались въ одно; еще долго каждое изъ нихъ носило свое названіе, по большой части происходившее отъ имени родоначальника, пока наконецъ то или другое съ теченіемъ времени не забывалось или, что все-го чаще случалось, пока оба названія не дѣлались безразличными. Между тѣмъ съ увеличеніемъ этихъ селеній и по мѣрѣ ослабленія родственныхъ связей между ея жителями, открывалась потребность колонизацій, — потребность выселиться изъ заштѣтной дѣдовской или прадѣдовской загородки. Отдѣлявшіеся отъ метрополии селились либо рядомъ съ нею, либо въ значительномъ отда-

леніи отъ нея. Въ первомъ случаѣ селенія ихъ носили названіе околотковъ (*сирмы*, *) напр., *Иръ-сирмы*, *Оба-сирмы*, *Шаба-сирмы* и проч.); въ послѣднемъ случаѣ онѣ получали названіе либо отъ имени родоначальника, т. е., главы выселившихся семействъ, либо отъ какихъ-нибудь особенностей заселенной мѣстности съ прибавлениемъ словъ *лль* или *касси* (на пр., *Гарань-лль*, *Ибрай-лль*, т. е., Гаврилова, Абрамова деревня, — *Анаткасси*, *Хоракасси*, *Алиш-касси*, *Вурманкасси*, т. е., верхняя, черная, по рѣкѣ Анишу расположенная, лѣсная деревня). Эти выселки или колоніи сначала были конечно не многочисленны; дома новой колоніи были населены членами одной семьи, людьми, близкими другъ къ другу по крови **); но эти *касси* и *лль* съ теченіемъ времени распространялись и увеличивались, такъ что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ теперь считается до 200 домовъ ***). — Со времени обращенія Чувашъ въ христі-

*) *Сирмы* до слова значить *овраги*. Чувашскія села и дѣйствительно большею частію расположены, какъ я замѣтилъ еще и выше, по оврагамъ. — Для любопытныхъ привожу въ переводѣ названія этихъ околотковъ: *Иръ-сирмы* — Богатый Оврагъ, *Оба-сирмы* — Волчій Оврагъ, *Шаба-сирмы* — Ягушчій Оврагъ.

**) Здѣсь находится причина несправедливаго мнѣнія А. А. Фукса, которая въ своихъ *Запискахъ о Чувашахъ* (на стр. 26), рассказываетъ, будто Чуваша почитаютъ за *ирль* брать себѣ женъ изъ одной деревни. — Конечно въ малыхъ деревняхъ всѣ жители между собою болѣе или менѣе близкая родня: тутъ ужъ законъ христіанскій воспрещаетъ жениться на дѣвушкѣ изъ одного села. . . . Но въ большихъ селахъ женихъ всего чаще выбираетъ себѣ невѣсту изъ односенокъ и вовсе не считаетъ этого за грѣхъ.

***) Совершенно не понимаю, съ чего взяла Г-жа Фуксъ, будто чувашскія деревни не бываютъ очень велики, будто самыя большія изъ нихъ состоятъ изъ 25 30 и 40 дворовъ, будто наконецъ единственное исключеніе составляетъ деревня Норваши, гдѣ 90 дворовъ (Зап. о чув. стр. 96). — Это не правда. Были и есть чувашскія деревни и въ 200 дворовъ, на пр. Акташева (большая) и многія другія.

анство являлась при каждомъ селѣ особая, отдѣленная отъ чувашскаго селенія либо лѣскомъ, либо оврагомъ слобода, состоявшая изъ домовъ священно- и - церковнослужителей; близъ или въ срединѣ ея устраивалась церковь. Слобода церковная носитъ опять особое названіе, по большой части заимствованное отъ мѣстнаго храмоваго праздника, какъ-то: *Введенское* (село), *Успенское*, *Троицкое*, *Покровское* и проч. и проч. Духовные, а въ слѣдъ за ними и чиновники земской полиціи въ своихъ оффиціальныхъ бумагахъ именуютъ эти села чувашскими названіями, но какъ бы для поясненія присовокупляютъ къ нимъ: *Введенское*, *Успенское*, *Троицкое*, *Покровское* и пр., съ неизбежнымъ тожъ....

Такимъ образомъ у одного и того же села бываетъ по-нѣскольку кличекъ. Покрайней мѣрѣ въ чебоксарскомъ уѣздѣ большая часть селъ кромѣ церковнаго имѣетъ еще по два и даже по три названія. Такъ село *Яндашево* называется также — *Шардани*, *Шореассы*, *Карамышево* — *Бигильдино*, *Яльчики*, *Кошки* — *Чурашево*, *Бичурино* (родина знаменитаго нашего синолога . о. Іакинѣа) — *Шивери*, *Акулево* — *Шемжери*, *Кармалы* — *Шутнереву*, *Тогасово* — *Наратьялы*, *Кучкен* — *Темирчи*, *Янцибулово* — *Водакасы* и проч. Присовокупите къ тому, что иногда деревни носятъ одно и тоже названіе съ селами, — и вы поймете неприятности, въ которыя легко можетъ попасть путешественникъ, незнающій здѣшной стороны и поставленный въ необходимость ѣхать проселочными дорогами. Да и знающій легко можетъ попасть въ просакъ по пословицѣ: и на старуху бываетъ проруха. Я довольно хорошо знакомъ съ чебоксарскимъ уѣздомъ, но въ пылѣшнюю мою поѣздку два раза имѣлъ неудовольствіе быть мистифицированнымъ сходными названіями селъ и деревень. Меня утѣшали по крайней мѣрѣ тѣмъ, что другихъ вводило это въ несравненно большее заблужденіе, чѣмъ меня. И за то спасибо!

Дома чувашскіе обыкновенно строятся дверью на востокъ, куда Чуваша въ язычествѣ обращались съ молитвами къ богамъ. Сѣней у нихъ не бываетъ; мѣсто ихъ на правую сторону отъ двери устроивается чуланчикъ, называемый *булдыръ*. На лѣвой сторонѣ отъ двери въ каждомъ чувашскомъ домѣ непременно находится волоковое окно. Въ старину Чуваша приглашали къ нему во время поминокъ усопшихъ и другихъ религиозныхъ церемоній восковыя свѣчи. Войдя въ избу чувашскую, вы увидите тянущіяся по южной и западной ея части *сманъ*, — ниронія ниръ съ подпольемъ. Эти *сманъ* — очень длинныя, почти въ ростъ человѣческій, служатъ и лавками, и ложемъ для всего семейства. На сѣверной сторонѣ избы-обыкновенно находится битая изъ глины печь (*куманъ*), съ вымавшимися, значительно углубленнымъ очагомъ, на которомъ варится каша. На той же сторонѣ дѣлается волоковое окно для выпуска дыму. Въ южной стѣнѣ, недалеко отъ кивоти съ иконою иногда вырубается большое окно, заставляемое рамою; мѣсто стеколъ въ немъ весьма часто занимаетъ коревій пузырь. Избы бѣдныхъ или нетороватыхъ Чувашъ томятся по-черному; ежедневно два раза — утромъ и вечеромъ онѣ бываютъ наполнены дымомъ. И вотъ причина, почему многие Чуваша преждевременно слабѣютъ зрѣніемъ!

За домомъ чувашскимъ обыкновенно устроиваются скотные дворы, называемые *карда* (слово, которое употребляютъ и русскіе въ казанской и симбирской губерніяхъ). Къ юго-восточной сторонѣ отъ дома обыкновенно стоятъ амбары, надѣ одно-этажные и иногда двухъ-этажные. Въ нихъ вѣсело помѣщаются между прочимъ и *ирисы*, что-то въ родѣ чувашскихъ пенатъ. Въ Запискахъ о Чувашахъ А. А. Фуксъ три раза толкуется объ *ирисахъ*. На стр. 93 г-жа Фуксъ говоритъ: „*ирисъ* — кусочекъ оло-ва, прилепленный къ рябиновой ветки, которую великой юды мѣня-

ютъ, а старую ириха съ вѣткою бросаютъ въ рѣку“. — Далѣе, на 97 страницѣ говорится, что „ириха не простой кусокъ олова, но маленький идолъ, съ руками, ногами, глазами и величинею въ вершокъ(?)“. — На страницѣ 141 о томъ же предметѣ повѣствуется: „ириха, или вѣточки, селзанныя изъ рѣбины, съ каждымъ домъ(?) надъ дверьми(?) находившіяся, служатъ Чувашамъ для удаленія недоброжелательнаго духа, вредящаго, какъ они думаютъ, достиженію супружеской цѣли(???)“. — Всѣ эти сказанія, явно противорѣчащія одно другому, совершенно несправедливы. Ирихи были просто кадки или кузовья, поставлявшіеся или вѣшавшіеся въ углу амбаровъ и наполнявшіеся костями принесенныхъ въ жертву животныхъ. Очень явно, что въ „Запискахъ о Чувашахъ“ принята случайная принадлежность предмета за самый предметъ. Точно надъ кузовьями съ костями жертвенныхъ животныхъ ставились иногда вѣтки, но къ нимъ привѣшивался не одинъ кусочекъ олова, а многія блестящія, а у богатыхъ Чувашъ — и серебряныя деньги. Ни объ идолообразномъ устроеніи ириха, ни объ разсказываемой „Записками о Чувашахъ“ церемоніи бросанія старую ириха въ воду я ни прежде, ни теперь не слыхалъ ни слова. Можетъ быть, я какъ нибудь и соберусь написать Вамъ, любезнѣйшій другъ, о старинномъ, языческомъ вѣроученіи Чувашъ: тогда объясню Вамъ и мои понятія о догматическо-религіозномъ значеніи ириховъ. Теперь же продолжаю мой разсказъ о матеріальномъ бытѣ Чувашъ.

Обыкновенную пищу ихъ составляютъ: ржаной либо ячменный хлѣбъ и *лишка* (супъ, который готовится у богатыхъ изъ крупы и говядины, а у бѣдныхъ — либо изъ одной крупы, либо съ борщевникомъ или сытѣю и съ молочною забѣлкою); обыкновенное же питье у нихъ: вода. *Путу* (каша), *мичч**) (приготовленный

*) А не *сируним*, какъ названо въ *Запискахъ о Чувашахъ*, кото-

изъ творага сыр), *пашалу* (лепешки), *слерак-пале* (бѣшеная рыба), *сыра* (пиво), *эреэ* (вино), — это роскошь, которую позволяетъ себѣ не-торговый и слѣд. небогатый Чувашенинъ только тогда, когда у него бываютъ гости или когда онъ празднуетъ что-либо особенное.

Празднуются у Чувашъ съ особеннымъ торжествомъ и роскошью: Пасха и мѣстные храмовые праздники. Но еще большими ликованіями Чуваша сопровождаютъ дни брачныя, поминованія усопшихъ, моленія объ урожаѣ и за урожай.

Къ Пасхѣ и мѣстнымъ храмовымъ праздникамъ Чуваша варятъ пиво и готовятъ вышеназчисленные лакомыя кушанья. Процессъ празднованія этихъ дней совершается почти также, какъ и у русскихъ простолюдиновъ: пьютъ, ѣдятъ, и опять ѣдятъ, и опять пьютъ и т. д. а гдѣ пиво, тамъ у Чувашъ — пляска. Вотъ и является доморощенный виртуозъ съ *пузыремъ*; — подъ его довольно однообразные звуки молодежь начинаетъ плясать; остальное общество шумить, топаютъ ногами, бьютъ въ ладоши. Соблюдая долгъ справедливости, я долженъ замѣтить, что у Чувашъ иначе начинается празднованіе этихъ дней. Русскіе *сначала* принимаютъ къ себѣ духовенство со крестомъ и потомъ уже предаются весельямъ. Чуваша напротивъ тотчасъ по окончаніи обѣдни, сами предваряютъ визитъ духовныхъ, толпами ходятъ по домамъ священно-и-церковнослужителей, и домой возвращаются, такъ сказать, только допраздновать или положить начало празднеству на слѣдующій день.

Остальнымъ изъ исчисленныхъ мною празднествъ совершаются у Чувашъ совершенно оригинальнымъ образомъ, съ особенными церемоніями. А. А. Фуксъ праздника эти (т. е. только

ры, мимоходомъ сказать, очень не церемонно обращаются съ болѣею частию Чувашскихъ словъ и выраженій.

два первых) описала частью невѣрно, частью неполно. При сей вѣрной оказіи я считаю нужнымъ изъяснить Вамъ, почтеннѣйшій Ал. Ив., мою душевную благодарность за присылку *Записокъ о Чувашахъ*: онѣ прибыли ко мнѣ какъ не лѣзя болѣе въ пору. Признаюсь, что въ нихъ я нашелъ много дѣльнаго, но еще болѣе невѣрнаго, неточнаго, неполнаго, ложнаго. Что это правда, — Вы увидите изъ слѣдующаго за симъ моего письма, предметомъ котораго главнымъ образомъ будетъ по возможности подробное описаніе оригинальныхъ праздниковъ чувашскихъ. Описаніемъ этимъ не замедлю.

III.

Принимаясь за перо для изображенія чувашскихъ оригинальныхъ праздниковъ, я прежде всего считаю нужнымъ сказать Вамъ, А. И., что буду писать частію какъ самовидѣцъ, какъ *testis oculatus*, частію какъ *testis auritus*, или, говоря по-крещеному, какъ человѣкъ, заимствовавшій многія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ изъ разсказовъ достовѣрныхъ людей и особенно изъ сказаній И. Ст. Протопопова, который долгое время былъ сельскимъ священникомъ и благочиннымъ въ чебоксарскомъ уѣздѣ. Я начну мое описаніе съ самаго веселаго праздника, — съ обрядовъ, которыми у Чувашъ сопровождаются брачныя торжества.

Чувашлята женятся въ самой ранней юности, тотчасъ какъ выдутъ имъ положенныя для того закономъ лѣта. Чувашскія красотки напротивъ засиживаются въ дѣвкахъ очень долго. Вотъ причина: каждая изъ нихъ, съ двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, уже болѣе или менѣе порядочная хозяйка: она няньчится съ младшими братьями и сестрами, ходитъ по воду, стряпаетъ яшку, блюдетъ за чистотою и опрятностію своей хаты, участвуетъ въ семейныхъ трудахъ при уборкѣ сѣна, при жнитвѣ и молотбѣ хлѣба. Отецъ цѣнитъ ея работу и не торопится выдавать въ чужой домъ. Чѣмъ трудолюбивѣе и способнѣе къ работѣ дѣвка, тѣмъ выше ея достоинства въ глазахъ Чувашъ. На лѣта ея, на красоту

тутъ не обращается вниманія. Будь ей двадцать пять и даже тридцать лѣтъ, будь она *неуклюжею смертною женщиною*, да только приобрѣти себѣ славу хорошей работницы, — у нея никогда не будетъ недостатка въ женихахъ; за нею непременно станутъ ухаживать нѣсколько отцовъ семействъ, проча дорогую работницу за своихъ сынковъ, хоть бы послѣдніе годились ей чуть не въ дѣтки. До обнародованія нынѣ дѣйствующаго узаконенія о лѣтахъ, какія должны имѣть женихъ и невеста, пятнадцати-лѣтніе мальчишки сплошь да рядомъ женились на тридцати-лѣтнихъ дульчиновкахъ. Не подумайте однакоже, чтобы при этихъ случаяхъ могли имѣть у Чувашъ какое-нибудь значеніе извѣстные стихи:

. Умивается мальчишка

Варугъ старушкиной казны... и проч.

За чувашскою невестою никогда не дается въ приданое ни копейки деньгами. Напротивъ женихъ или отецъ его долженъ по татарскому обычаю платить отцу ея маммы, простирающійся иногда до 200 рублей и болѣе, смотря по достоинствамъ невесты.

Но само собою разумѣется, не каждый Чувашенинъ столько богатъ, чтобы вдругъ найти у себя нужное количество денегъ и для уплаты калыма, и на свадебныя издержки, а каждому нужна въ домашнемъ быту помощница. Что прикажете дѣлать въ этомъ случаѣ? какъ пособить горю? — Отвѣтъ очень простой: *украсть невесту*. И дѣйствительно кража невестъ съ незапамятныхъ временъ употребительна у Чувашъ. — Церемоніи, которыми сопровождается брачное торжество, когда женихъ заплатитъ калымъ за невесту и когда невеста бываетъ краденая — совершаются неодинаково. Чѣмъ первыя начинаются, тѣмъ послѣднія оканчиваются. — Но прежде, чѣмъ стану описывать эти церемоніи, считаю ну-

жнымъ сказать Вамъ нѣсколько словъ о такъ называемомъ воровствѣ невѣстъ, чтобъ Вы, соблазняясь словомъ кража, не подумали, что здѣсь совершается нѣчто въ родѣ ловли африканскихъ дикарей, или, пожалуй, въ видѣ классическаго похищенія Сабинянокъ. Бога ради, не думайте этого. Здѣсь не бываетъ даже и того, что совершается въ просвѣщеннѣйшемъ Великобританскомъ государствѣ, въ пресловутой деревнѣ *Гретла-Гринъ*, гдѣ какой-нибудь кузнецъ, либо трактирщикъ, пользуясь мракомъ одной статьи шотландскаго каноническаго права, вѣнчаетъ молодыхъ людей безъ согласія ихъ родителей, вѣнчаетъ, не требуя на то законныхъ свидѣтелей и поручителей и не имѣя ни малѣйшихъ правъ совершать одно изъ таинствъ христіанской церкви. — Чуваши, говоря собственно, воруютъ не невѣстъ, но калыма, который должны бы заплатить за нихъ*) На нарушеніе правъ калыма, какъ чисто татарскаго обычая, и свѣтское, и духовное наши начальства доселѣ смотрятъ безразлично. И это совершенно справедливо; потому-что и въ русскихъ свадьбахъ дѣло рѣдко обходится безъ кунли. Чувашскіе женихи покупаютъ невѣсту; но за то, увы! русскія невѣсты очень и очень часто покупаютъ себѣ жениховъ. Очевидно, это крайности, равно унижительныя, какъ для прекраснаго, такъ и для не прекраснаго пола.

Притомъ прошу Васъ замѣтить, что ни одинъ Чувашенинъ не рѣшится на кражу невѣсты безъ согласія своихъ родителей или (если ихъ уже нѣтъ) ближайшихъ родственниковъ. И Чувашка не позволитъ украсть себя безъ предварительныхъ переговоровъ и статей. Слѣдовательно у жениха и невѣсты въ этомъ случаѣ

*) Да и то не *весь*. Послѣ брака молодой непременно заплатить хоть половину калыма, если намѣренъ получить все приданое, какое отецъ предназначилъ своей украденной дочери.

« вечера бываетъ дѣло смячено. Всего удобнѣе уладить это дѣло весною и лѣтомъ, когда родители и родственники находятся въ поѣзѣ, на работѣ, а сами дѣвушки имѣютъ притомъ особенныя обязанности, исключаютія ихъ изъ участія въ полевой работѣ. Дѣвка, на пр., идетъ въ лѣсъ за снитью, либо за борщовникомъ, либо за ягодами, отдѣляется отъ своихъ подругъ, заходитъ въ глушь, гдѣ ожидаетъ себѣ богатой добычи. Тогда является предъ нею издали слѣдившая за нею сваха, заводитъ рѣчь о достоинствахъ и богатствѣ жениха, котораго она хотѣла бы избрать для нея, бранить родителей ея за то, что они долгое время удерживаютъ ее отъ счастливаго замужства единственно для своихъ выгодъ и въ надеждѣ получить за нее большой калымъ, и наконецъ со всѣмъ краснорѣчіемъ московской просвири изображаетъ, какъ было бы выгодно нашей красавицѣ вступить въ бракъ съ такимъ-то женихомъ, какъ богата его семья, какъ онъ самъ работаецъ и торопачъ. Рѣдко случается, чтобы чувашскія дульцинен, особенно зрѣлыя, не увлекались этимъ краснорѣчіемъ. Большею частію они даютъ tacitum consensum, но съ возможною внимательностію слушаютъ свахъ, когда тѣ назначаютъ время и мѣсто, гдѣ жениху хотѣлось бы видѣть свою избранную и поговорить съ нею о дѣлѣ. Избранная идетъ на предложенное ей любовное свиданіе. Но мѣсто любовныхъ объясненій женихъ и его товарищи, скрытно поджидавшіе ее въ назначенномъ мѣстѣ, схватываютъ бѣднужку безъ церемоній и сажаютъ въ кибитку, запряженную лихою тройкою и до того времени спрятанную гдѣ-либо въ захоlustѣ. Женихъ надѣваетъ тогда приличный случаю костюмъ, садится съ нѣкоторыми изъ товарищей на приготовленные для того нарочито верховыя лошади и конвоируетъ поѣздъ своей невѣсты. — Между тѣмъ отецъ его и заранѣе подобранные для спроса поручители съ рукоприкладчикомъ хлопочутъ уже на селѣ о составленіи обыска. Сваденно-церковнослужители вельма рѣдко имѣютъ возмо-

жность прежде совершенія брака*) догадаться, краденая ли неvě-
 ста, или купленная. Большою частію это обнаруживается уже по-
 слѣ брака, когда отецъ и родственники неvěсты, узнавъ объ ея
 похищеніи, прискачутъ въ село. Тутъ начинается у нихъ побой-
 ще съ жениховыми родственниками и поѣзжанами. Но неопасай-
 тесь за его слишкомъ вредныя послѣдствія: развасять носа два-
 три, вставить съ обѣихъ сторонъ нѣсколько фонарей подъ глаза,
 махнуть по-разу другъ друга подъ мышечку, — и баста! это толь-
 ко церемонія. По окончаніи ея, обѣ враждебныя партіи дружно
 отправляются въ питейный домъ и упиваются тамъ до бѣсмертія,
 какъ выразился мнѣ одинъ эно-дьячекъ, Николай Дмитрічъ, про-
 жившій 70 лѣтъ среди Чувашъ, и едва не отвыкшій отъ русска-
 го языка.

— Не ужели же тѣмъ дѣло и кончается? — спросилъ я у
 Николая Дмитріча, который, надобно сказать правду, всегда при-
 сутствуетъ при подобныхъ случаяхъ, чтобы поживиться даровыми
 станачникомъ...

— Ахъ тада (вотъ еще)! Вѣдь эти мошенники (провагъ бы
 ихъ взять!) — горланять и дерутся только для виду. Ну, выпь-
 ютъ по нѣсколку добрыхъ красоулей, да учредатъ, какъ свадьбѣ
 быть по ихнему, какъ соблюсти старые законы и обычаи и на-
 чнутъ съ благопристойнаго начала чувашской свадьбы. Украшій
 неvěсту вмѣсто обычнаго сватовства, договаривается съ отцомъ ея

*) Считаю нужнымъ замѣтить, что если бы родственники неvě-
 сты пріѣхали и прежде совершенія обыска и брака, то и
 тогда ровно ничего не сдѣлали бы и ни подъ какимъ пре-
 длогомъ не рѣшились бы отнять похищенную красотку. Уве-
 сти неvěсту отъ церкви по мнѣнію Чувашъ значить лишить
 ее добраго имени.

о части калыма, какую может ему взнести, и какъ дѣло уладится, свадебное торжество пойдетъ своимъ порядкомъ.

Благопристойное, по выраженію Николая Дмитрича, начало свадебныхъ церемоній и празднествъ есть *сватовство* и *поѣздъ*. Для перваго Чуваши не прибѣгаютъ подобно Русскимъ къ пособію свахъ. Обыкновенно отецъ, или, если его нѣтъ въ живыхъ, ближайшій родственникъ жениха отправляется къ отцу невесты договариваться о калымѣ и приданомъ. Въ случаѣ согласія сватья даютъ другъ другу руки, отецъ невесты получаетъ задатокъ калыма, назначается день брака и свадебнаго поѣзда. Обѣ стороны объ этомъ счастливомъ рѣшеніи извѣщаютъ родственниковъ и ближайшихъ знакомыхъ, прося ихъ принять участіе въ предстоящемъ торжествѣ. И невестинъ и жениховъ отцы варятъ въ изобиліи пиво, покупаютъ вино, стрипаютъ лакомыя чувашскія кушанья.

Въ настоящее время брачный поѣздъ совершается не вездѣ одинаково: индѣ бываютъ поѣзды *малый* и *большой*, — дѣленіе, которое прежде было вовсе неизвѣстно. Малый поѣздъ есть просто поѣздъ жениха и невесты со свидѣтелями въ церковь для бракосочетанія, поѣздъ тихій, скромный, трезвый, несопровождающійся никакими особенными церемоніями. По окончаніи бракосочетанія, молодая ѣдетъ въ свой домъ, а женихъ — въ свой. Я думаю, что наше православное духовенство особенно содѣйствовало и благопріятствовало учрежденію этого *малю* поѣзда, замѣтивъ въ *большомъ* нѣкоторые слѣды язычества и не желая, чтобы таинство христіанское совершалось надъ пьяными и при пьяныхъ свидѣтеляхъ. Это отдѣленіе христіанскаго обряда и таинства отъ шумныхъ оргій дѣлаетъ честь попечительности и заботливости духовенства о своей паствѣ.

Впрочемъ и теперь безъ большаго поѣзда чувашская свадь-

ба не может обойтись. Чувашенину отказаться отъ него или отъ какой-нибудь употребительной церемоніи значить ялшить себя чести въ глазахъ всей чувашландіи. Большой поѣздъ обыкновенно бываетъ черезъ три, четыре, пять и даже болѣе дней послѣ малаго. Я опишу его такъ, какъ многократно видалъ его назадъ тому лѣтъ 25, когда еще малый поѣздъ только-что начиналъ входить кое-гдѣ въ употребленіе.

Въ назначенный день въ дома жениха и невѣсты собираются гурьбою родственники и знакомые. Женихъ наряжается въ лучшее свое верхнее платье, на голову надѣваетъ теплую шапку, хоть бы то было въ самое жаркое время, на шею — бисерное ожерелье; безъ рукавицъ ему также нельзя обойтись, а безъ уфѣсистой нагайки — и подавно. По окончаніи всѣхъ церемоній онъ выходитъ со свитою изъ избы, садится на лошадь и распоряжается укладкою гостинцевъ или, лучше сказать, угощеній для невѣстиной родни. На особую телегу ставятъ бочку пива ведеръ въ восемь или много въ десять^{*)}, около полведра вина и кожаную суму, наполненную лакомыми чувашскими яствами. Дружка, свахи, родственники, товарищи жениха и неизбежный пузырщикъ (*шмырзе*) встаютъ въ кибитки и отправляются вслѣдъ за женихомъ. Если Вы на селѣ или въ полѣ встрѣтите группу всадниковъ и нѣсколько кибитокъ, въ которыхъ мушны и женщины ѣдутъ не сидя, а стоя, при оглушительномъ звонѣ колокольчиковъ, съ гайканьемъ, съ пѣснями подъ игру на пузырѣ, знайте: это большой свадебный поѣздъ.

Между тѣмъ, предваря пріѣздъ жениха, невѣста посѣщаетъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ и поетъ для нихъ импровизи-

*) Но ужъ ни какъ не въ сорокъ, какъ утверждаетъ Г-жа Фуксъ. Столь почтенной величины бочекъ никогда не бывало у Чувашъ.

рованныя прощальныя пѣсни. А отецъ или ближайшіе ея родственники готовятся къ приему жениха и его свиты: выставляютъ на дворъ скамьи и столъ*) съ питейными и съѣстными припасами. Приѣзжаетъ женихъ. *Хыйматлы*, т. е., посаженный отецъ и вмѣстѣ дружка, спрашиваетъ у отца невесты позволенія вѣхать на дворъ. Дѣло рѣдко обходится безъ намѣренныхъ и, разумеется, притворныхъ сопротивленій; но наконецъ рѣшается — раствореніемъ воротъ на-стѣшь. Женихъ и его родные тоекратно объѣзжаютъ назначенный для нихъ почотный столъ, каждый разъ кланяясь выпешдшимъ изъ избы почотнымъ невестинымъ гостямъ; въ послѣдній объѣздъ женихъ трижды ударяетъ нагайкою по назначенному для него мѣсту въ твердой увѣренности, что средствомъ этимъ отгоняетъ нечистаго (шойтана) отъ пиршества. Когда женихова свита усядется вокругъ стола, начинается угощеніе.

Въ то время въ избѣ невесты совершается особая церемонія. Невѣста, окончивъ прощальныя визиты, снова начинаетъ оплакивать каждого изъ своихъ гостей. Не утаю, что мнѣ нерѣдко удавалось видѣть при такихъ случаяхъ непритворныя слезы невесты и замѣчать неподдѣльное, глубокое чувство въ этихъ импровизированныхъ элегическихъ напѣвахъ дѣвушки, прощающейсѣ съ своими родными. Жаль только, что изліянія этой *Naturpoësie* оканчиваются возліяніями вовсе не эстетическими и со стороны невесты весьма не безкорыстными. Оплакавъ всѣхъ гостей, она подноситъ каждому изъ нихъ по ковшу пива, становясь притомъ на одно колѣно и оставаясь въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока подчуемый не опуститъ въ *корна* (ковшъ) денегъ, сколько ему заблагоразсудится или сколько можетъ. Это очевидно уже проза.

*) Чувашскія свадьбы почти исключительно бываютъ весною и лѣтомъ, осенью же и зимою — весьма рѣдко.

Послѣ того, какъ невѣста угостить всѣхъ, находящихся на лицо родныхъ и знакомыхъ и соберетъ съ нихъ приличную дань, *хыйматлы* входитъ въ домъ невѣсты, которая быстро облачается тогда покрываломъ и уходитъ за занавѣсъ, гдѣ сидятъ ея подруги. *Хыйматлы* проситъ у отца и родныхъ невѣсты позволенія войти въ избу жениху и его свитѣ. Получивъ на то согласіе, поѣзжане въ - слѣдъ за женихомъ входятъ въ избу съ открытыми головами: одинъ женихъ не снимаетъ ни шапки, ни рукавицъ. Нѣкоторые, нарочно для того назначенные поѣзжане тотчасъ же вносятъ въ избу гостинцы жениха, т. е., всѣ привезенныя имъ съѣстные и питейныя снадобья, и ставятъ ихъ на находящійся близъ двери столъ, вокругъ котораго женихъ и его свита по прежнему обходятъ трижды, каждый разъ кланяясь роднымъ невѣсты. Тогда женихъ начинаетъ угощать всѣхъ присутствующихъ своими питьемъ и яствами. Впрочемъ тутъ особенной съ его стороны хлопотливости не требуется; гости сами подчуютъ другъ друга; одинъ черпаетъ ковшъ пива и подходитъ съ нимъ къ другому, говоря: *тава сана*, т. е., здравствую тебѣ, или лучше: здоровье твое, потомъ выпивзетъ самъ ковшъ и тотчасъ же подноситъ другой ковшъ тому, за здоровье котораго пилъ, и который, какъ бы ни былъ пьянъ, не можетъ отказаться отъ потчиванья.

Во время этихъ оргій невѣста оканчиваетъ свой туалетъ и свои сборы, свахи — такъ же. Последнія надѣваютъ на себя снѣжные сукожные кафтаны, а черезъ плечо — перевязь (*теветъ*), которая у богатыхъ украшается бисеромъ и серебряными деньгами, какъ - то: полтинниками, четвертаками и гривенниками, а у бѣдныхъ — *тухланками*, т. е., тонкими оловянными или мѣдными кружечками, издали похожими на золотыя и серебряныя монеты. По окончаніи всѣхъ приготовленій, гости выходятъ и располагаются въ своихъ экипажахъ, или садятся верхомъ на лошадей. На-

конецъ свахи выводятъ изъ избы невѣсту. *Хыйматлыи* беретъ ее въ охапку и сажаетъ верхомъ на лошадь, въ сѣдло. Весь поѣздъ трогается. За воротами невѣстина дома, если она односельская съ своимъ суженымъ, а если нѣтъ, то за сельскою, или деревенскою околицею, женихъ подѣзжаетъ къ невѣстѣ и, распахнувъ ея покрывало, зорко смотритъ ей въ лицо, а потомъ трижды очень плотно ударяетъ ее нагайкою. Это есть символическое дѣйствіе, выражающее ту мысль, что женихъ будетъ глядѣть въ глаза своей суженой, т. е., любить ее, но что за непослушаніе будетъ разыскивать съ нея строго, какъ ея господинъ и повелитель.

Если малый поѣздъ уже былъ, то вся кавалькада отправляется въ домъ жениха, куда везутъ и все приданое невѣсты. Если же не былъ, то всѣ гости за женихомъ и невѣстою ѣдутъ въ церковь для бракосочетанія, по окончаніи котораго надъ молодою совершается обрядъ *окручиванія*. Свахи расплетаютъ ей косу и вмѣсто дѣвичьяго головнаго украшенія — *тохы* *) — надѣваютъ на нее полноувѣсную *хошму* **) и потомъ весь поѣздъ отправляется

*) *Тохя* — это татарская тюбетейка, конусообразная и притомъ съ двумя ремнями, застегивающимися подъ подбородкомъ. Верхнія части его бываютъ вышиты шерстью и бисеромъ, а нижнія — украшены серебряными деньгами. *Тохя* — исключительно дѣвичій нарядъ.

**) *Хошла* — головной уборъ замужнихъ. Это кожаный колпакъ, имѣющій цилиндрическую форму, безъ верхней покрывки. Къ хошпѣ, также какъ и къ тохѣ, пришивается по бокамъ два ремня, которые какъ у солдатскихъ киверовъ застегиваются подъ подбородкомъ. Къ задней части хошпы притягивается узкая мѣдными бляхами и разноцвѣтнымъ бисеромъ ремень, шириною въ четверть, а длиною онъ долженъ быть ниже пояса Чувашки. Верхъ хошпы унизывается у бѣдныхъ Чувашекъ пятью или четырьмя рядами тухлянокъ и однимъ рядомъ мелкихъ серебряныхъ денегъ: у богатыхъ же вся хошла бываетъ унизана шестью рядами сере-

въ домъ жениха. *Хыйматлыг* и свахи вводятъ въ избу молодыхъ, которые, переступивъ черезъ порогъ, стоятъ съ преклоненною головою. Нарочно приглашенный старикъ, *юмси**) (колдунъ, ворожея, мудрецъ), вооружившись подобно всѣмъ прочимъ гостямъ ковшомъ пива и, взявъ шапку подъ мышку, говоритъ привѣтствіе наклонившимся предъ нимъ новобрачнымъ, желая имъ мира, согласія, богатства и вообще всякаго добра. Выслушавъ то привѣтствіе, молодые отходятъ къ печкѣ; новобрачная, все еще находящаяся подъ покрываломъ, дѣлаетъ ей нискій поклонъ, привѣтствуя въ ней будущее поприще главнѣйшихъ своихъ занятій. — Затѣмъ начинается церемоніалъ снятія съ молодой покрывала. Ближайшій родственникъ новобрачнаго**) беретъ въ руки суковатую вѣтвь***) и съ нею при музыкѣ, при единоголасномъ всѣхъ гостей гайканьѣ и хлопаньѣ въ ладоши, пляшетъ отъ порога до переднихъ наръ въ присядку, и, подошедъ къ молодой, дотрогивается этой вѣткой

бряныхъ денегъ, сначала гривенниками, потомъ пяти-алтынными, двугривенниками и т. д., до цѣлковыхъ, которыми оканчивается шестой и послѣдній рядъ. Ремни хопшы, идущіе къ подбородку, также украшаются серебряными монетами.

*) *Юмси* есть необходимая принадлежность чувашскихъ свадебъ, подобно тому какъ наши колдуны, кудесники, знахари приняты за необходимую принадлежность свадебныхъ пиршествъ у нашего простонародья. *Юмси* — выродеки древняго языческаго жречества. Имъ Чуваши отдають необыкновенный почетъ, потому-что и теперь еще вѣрятъ въ ихъ сверхъ-естественное могущество, полагая будто въ ихъ власти извести молодого или молодую, воспрепятствовать имъ въ достиженіи супружеской цѣли, лишить ихъ вообще мирнаго сожитія, довольства, счастья и проч.

**) А не *дружка*, какъ говоритъ А. А. Фуксъ.

***) У А. А. Фукса эта вѣтвь превратилась въ *палку саженной величины*. (Зап. о Чув. стр. 66). — Да такой палкой пляшущій и бѣснущійся родственникъ новобрачнаго могъ бы и молодой и многимъ изъ гостей выколотъ глаза.

до ея покрывала; повторять ту же операцію въ другой разъ; наконецъ въ третій разъ, зацѣпивъ покрывало сукомъ вѣтки, скрываетъ его съ невѣсты и на время выходитъ съ нимъ изъ избы. — Тогда новобрачныхъ ведутъ за столъ и покрываютъ ихъ головы войлокомъ; на столъ ставятъ горячую яшку: каждый изъ гостей подходитъ къ этому кушанью, и, почерпнувъ полную ложку яшки, да чуть прихлѣбнувъ, бросаетъ остальное на головы новобрачныхъ. Замѣьте, что гости порядочно уже подгуляли: иной махнетъ и такъ, что попадетъ прямо въ лицо молодой либо молодому, которые морщатся, кривляются, бранятъ въ тихомолку тѣхъ изъ гостей, которые разятъ имъ яшкой прямо въ лицо; но несчастные не смѣютъ выйти изъ за-стола, пока вся яшка на нихъ не разбросана.

Затѣмъ слѣдуетъ новая церемонія. Молодая беретъ коромыслъ съ ведрами и, предводимая сестрою новобрачнаго^{*)}, идетъ по воду. Подошедъ къ рѣчкѣ или ключу, изъ котораго мѣстные обыватели пользуются водою, она кланяется рѣчкѣ или ключу и, почерпнувши воду, ставитъ ведра на землю; а золовка, толкнувъ ихъ ногою, проливаетъ воду. Та же церемонія и въ другой разъ. Наконецъ, зачерпнувъ воды въ третій разъ, она даритъ золовку либо деньгами, либо какою нибудь цѣнною для молодой Чувашки вещью. Умилостивленная этимъ золовка не препятствуетъ уже снохѣ нести ведра до дому новобрачнаго^{**)}.

Имѣетъ ли какое-либо особое значеніе и назначеніе принесенная новобрачною вода, — этого я не знаю. Знаю только, что непосредственно за принесеніемъ воды, молодыхъ отводятъ въ кѣтъ на брачное ложе.

*) А если нѣтъ у новобрачнаго замужней сестры, то ближайшая его родственница заступаетъ ея мѣсто.

**) У А. А. Фуксъ все это разсказано совершенно превратно. Гдѣ у нея стоитъ: *молодая*, тамъ читай *золовка*; а гдѣ — *золовка*, тамъ читай *молодая*. Такихъ qui-pro-quo въ ея описаніи чувашскихъ свадебъ очень не мало. (См. Зап. о Чув. стр. 66, 67).

Гости пируютъ между тѣмъ въ избѣ, а свахи поютъ и пьютъ около кѣти, гдѣ положены новобрачные. Какъ скоро деревянная, довольно хитро устроенная запорка кѣти отопрется, свахи, дружка и подружье входятъ къ молодымъ. Если молодая оказалась невинною, то подружье тотчасъ же беретъ *signa* ея *innocentiae*, торжественно вноситъ ихъ въ избу и съ отчаяннымъ удаливствомъ пляшетъ, показывая эти *signa* всѣмъ роднымъ молодого и молодой*). Спусти нѣсколько времени, является и новобрачная въ сопровожденіи свахъ; лѣвая рука ея обвита холстомъ, на правой лежатъ подарки для ближайшихъ родныхъ молодого: вышитыя мелкимъ бисеромъ или разноцвѣтными шерстями рубахи и сарпаны**). Вошедъ въ избу, молодая какъ бы въ доказательство того, что она лицо домашнее, становится у печки, уже не кланяясь ей. Одна изъ свахъ наливаетъ въ ковшъ пива и передаетъ его молодой, а та съ вискиемъ поклономъ подноситъ его сперва свекру, а потомъ и прочимъ гостямъ. Въ то же время она раздаетъ всѣмъ роднымъ своего мужа приготовленные для нихъ дары. Всѣ не только одаренные молодою, но и удостоившіеся чести получить отъ нея

*) Еще *Миллеръ* (въ своемъ »Описаніи живущихъ въ Казанской губерніи народовъ«) замѣтилъ, что »изъ всѣхъ здѣшнихъ инородцевъ, одни Чуваши цѣную дѣвственность новобрачной.« — *Миллеру* сказывали даже, что если невеста чувашская оказывалась *несохранною*, то дружка, взявши ковшъ, провѣрчивалъ на дыръ его дыру и, зажавъ ее пальцемъ, подносилъ въ ковшъ гостямъ пиво, а у тѣхъ — въ ротъ текло, да ни попало.« — Все это, я полагаю, было справедливо лѣтъ больше чѣмъ за-сто назадъ, когда знаменитый нашъ академикъ посѣтилъ Казань, возвращаясь изъ камчатской экспедиціи. Но нынѣ — совсѣмъ не то. Теперь все чувашскія, какъ и всякія другія выходящія за мужъ дѣвушки — безпорочны.

**) *Сарпанами* называются рѣдко вытканныя полотенца, которыми Чувашки, если не надѣваютъ хошпы, обвязываютъ свои головы.

ковшъ съ пивомъ, кладутъ въ него по нѣскольку монетъ^{*)} мѣдныхъ или серебряныхъ. Потомъ на нѣсколько дней начинается пиръ на весь мѣръ, уже не въ одномъ жениховомъ, но въ нѣсколькихъ, родственныхъ ему домахъ.

Описывать эти пиры нѣтъ никакой надобности: Чуваши пьютъ, ѣдятъ и потомъ спятъ, и потомъ опять ѣдятъ, пьютъ и спятъ.... Я лучше расскажу Вамъ одинъ анекдотъ. Одинъ изъ нашихъ близкихъ и любезнѣйшихъ товарищей, человекъ очень ученый и любознательный, разъ какъ-то проездомъ остановился въ чистопольской чувашской деревнѣ. Дѣло было въ *середу* и нашъ другъ за неимѣніемъ никакой другой провизіи приказалъ для обѣда сварить себѣ нѣсколько яицъ. Въ то время, какъ онъ занимался потребленіемъ ихъ, возвратившіеся съ работы домохозяева начали преаппетитно хлѣбать молоко. Другъ нашъ съ своею собственною ему набожностію напомнилъ Чувашамъ, что тогда былъ день постный — *середа*, и что грѣхъ ѣсть скоромное въ постные дни. — А ты самъ что ѣшь? спросилъ его одинъ изъ нихъ. — Да я Нѣмецъ, — отвѣчалъ онъ. — А мы Чуваши! — Ученый и любознательный другъ нашъ сталъ въ тупикъ и ничего немогъ возразить на этотъ весьма уважительный аргументъ.

Анекдотъ этотъ я рассказываю Вамъ, почтеннѣйшій А. И., для того, чтобы Вы въ своихъ поискахъ и поѣздкахъ по здѣшней губерніи для собранія свѣдѣній о мѣстныхъ нравахъ и обычаяхъ не попались въ просакъ. А попадетесь, увѣряю Васъ, попадетесь, если не послушаетесь меня и станете въ тупикъ съ квадратомъ. Вотъ на прим. Вы прѣѣзжаете въ чувашское село и оста-

*) А. А. Фуксъ вовсе несправедливо говорить, будто молодая кладетъ въ ковшъ съ пивомъ свекору и гостямъ деньги. Напротивъ!

навливаются въ домъ, гдѣ, положимъ, недѣли двѣ тому назадъ была свадьба. Если тамъ есть еще *юлашки* (остатки свадебнаго праздника), то молодая съ преклоненною головою, и даже ставъ на одно колено, непременно поднесетъ Вамъ ковшъ съ пивомъ. Пиво Вы выпьете, я это знаю. А молодая, какъ Вы ни вертитесь, все будетъ стоять предъ Вами, и чѣмъ дольше будетъ стоять, тѣмъ больше будутъ хохотать ея домашніе. Видите, что Вы въ критическомъ положеніи. Угодно ли, чтобъ я вывелъ Васъ изъ него и преподамъ Вамъ одно изъ моральныхъ правилъ? — Извольте: положите въ *корну*, ковшъ, поднесенный Вамъ молодою, нѣсколько денегъ, да поцѣдуйте ее, если она хороша. Вотъ и все! Видите какой я нравственно-совѣтательный человекъ! Поищите такой морали у Шейермахера, у Гегеля, у Шеллинга, у Ронге: право, не найдете!

Принявъ къ свѣдѣнію и приложивъ къ сердцу сообщенное мною Вамъ правило нравственной философіи, Вы, надѣюсь, не осердитесь на меня за то, что я описаніе другихъ чувашскихъ праздниковъ отлагаю до слѣдующаго письма, тѣмъ болѣе, что настоящее посланіе мое, какъ видите, довольно обширно. Въ слѣдующемъ письмѣ я поговорю между прочимъ о Чувашахъ, какъ хлѣбопашцахъ.

IV.

Прежде, нежели стану описывать Вамъ, почтеннѣйшій Ал. Ив., чувашскій праздникъ *Тора тыражинъ чукулесъ*, т. е., моленіе объ урожаѣ и за урожай хлѣба, я считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько сельскохозяйственныхъ замѣчаній, могущихъ объяснить и причину, по которой тотчасъ за окончательной уборкой хлѣба наступаетъ самый свѣтлый и разгульный праздникъ для всей Чувашландіи.

Кто бывалъ въ чувашской сторонѣ, тотъ не могъ не замѣтить, что Чуваша смѣшленные, усердные, отличные земледѣльцы. Почти ни у одного изъ нихъ не останется неудобреннымъ его участокъ; ни одинъ изъ Чувашъ не потерпитъ, чтобы хлѣбъ у него былъ сжатъ, свезенъ на гумно и обмолоченъ несвоевременно. Въ этомъ отношеніи они далеко выше здѣшнихъ русскихъ крестьянъ *). Заранѣе вижу Вашу улыбку, любезнѣйшій Ал. Ив.,

*) Сами русскіе крестьяне не только сознаются въ этомъ, но даже вѣрятъ, будто Чуваша и Черемисы одарены чудною способностію еще осенью предсказывать, каковъ долженъ быть урожай слѣдующаго года. И дѣйствительно у Чувашъ отъ одного поколѣнія къ другому въ точности передаются наблюденія падъ прилѣтами и условіями бывшаго въ тотъ или другой годъ урожая или неурожая. Собраніе этихъ наблюденій и составляетъ ихъ агрономическую теорію. Иногда

вижу Ваше дружеское желаніе обвинить меня въ пристрастіи къ своимъ полу-дикиимъ пріятелямъ.... Но погодите: сначала заслу-

эта теорія оказывается замѣчательно вѣрною. Приведу примѣръ. Лѣтъ патнадцать тому назадъ пріѣхалъ въ одно чувашское село исправникъ, человѣкъ образованный и почти наизусть выучившій всѣ бывшіе тогда въ ходу русскіе курсы науки Сельскаго Хозяйства. Онъ созвалъ къ себѣ стариковъ, пожурилъ ихъ за то, что у нихъ доселѣ незасѣяны озими, попросилъ на сходку мѣстнаго священника, показалъ ему какую-то брошюру, въ которой время посѣва ржи опредѣлялось съ математическою точностію, и пригласилъ его перевести во услышаніе стариковъ нѣкоторыя мѣста изъ этой брошюры. Чуваша со вниманіемъ слушали переводъ священника и комментарій ученаго начальника, и, покачивая головами, твердили: *смыла, смыла* (такъ, такъ!) Въ заключеніе исправникъ объявилъ, что онъ на обратномъ пути изъ Казани опять заѣдетъ въ это село и строго взыщетъ съ тѣхъ лѣнтяевъ, у которыхъ поля останутся незасѣянными. Священникъ самъ снималъ около 40 десятинъ земли. Вѣра всему печатному, и, можетъ быть, желая подать примѣръ своимъ духовнымъ дѣтямъ, онъ тотчасъ принялся за посѣвъ. — Исправникъ, возвращаясь изъ Казани, дѣйствительно заѣхалъ въ то же село, и, узнавъ, что Чуваша все еще не принимались за посѣвъ, снова собралъ стариковъ, разбранилъ ихъ въ прахъ за явное неуваженіе къ его агрономическимъ теоріямъ, назвалъ варварами, болванами, неспособными даже къ тому, чтобы желать себѣ добра. — Какъ, бачка, себѣ добра не хотѣтъ? Мы потому до сихъ поръ и не сѣяли, что добра себѣ хотѣли. — Какъ? что? спросилъ исправникъ. — Сѣять-то бачка, нельзя; по солнцу бы и можно; да примѣта дурная есть: бѣда выдетъ. — Какая примѣта? — Да много примѣтъ есть; не хорошо будетъ, если теперь посѣемъ. — Да какія же, говорю я, примѣты? — Да вотъ тѣ, что еще старики наши отъ своихъ стариковъ слышали. — Напрасно исправникъ старался узнать эти таинственныя примѣты; на всѣ его распросы Чуваша отвѣчали ему: такъ, бачка, знаемъ, что не хорошо будетъ; отцы наши и отцы отцовъ нашихъ такъ говорили! Пораженный увѣренностію, съ какою Чуваша настаивали на своемъ, онъ пересталъ ихъ поуждать. Спустя около недѣли по отъѣздѣ исправника изъ

шайте, а потомъ уже бросайте въ меня камень осужденія... Что Чуваши, какъ земледѣльцы, усердіе, дѣятельнѣе, а, главное, смышленіе здѣшнихъ русскихъ крестьянъ, — въ этомъ удостовѣрить Васъ уже и то обстоятельство, что послѣдніе, т. е., русскіе крестьяне, не понимая своихъ выгодъ и даже вопреки предписаніямъ начальства, ежегодно дѣлятъ между собою земли на посѣвъ ярового и ржаного хлѣба. » *Авось, думаетъ себѣ русскій человѣкъ: — на нынѣшній годъ достанется мнѣ загонъ поближе къ селу.* « —

села, они принялись за посѣвъ, который по позднему времени и по многимъ другимъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, казалось, не обѣщалъ ничего добраго. — Но что же вышло? у Чувашъ взошли озими чудесныя, а у священника зерно поѣлъ червь. — Множество примѣровъ подобной смѣтливости этихъ полудикарей рассказываютъ живущіе среди нихъ Русскіе. Какъ люди, близкіе къ природѣ, Чуваши, подобно американскимъ дикарямъ, инстинктивно, *чутьемъ* понимаютъ ее и нерѣдко предугадываютъ въ ней такіа перемѣны, которыхъ ни какъ не можетъ предвидѣть образованный человѣкъ, несмотря на изобрѣтенныя имъ для того искусственныя средства. Въ нынѣшнюю мою поѣздки въ Чувашландію, мнѣ указывали на одного Чувашенина Айдаровской волости, по имени *Кирка Михалы* (т. е., Михаила Кирилова), которому общее мнѣніе Русскихъ приписываетъ удивительную способность наканунѣ предсказывать ведро или ненастную погоду слѣдующаго дня. Нѣсколько разъ я пытался повѣрять эту способность и спрашивалъ его, каковъ завтра будетъ день? Михалка посмотритъ на небо, на дѣсь, втянетъ въ себя носомъ нѣсколько разъ воздухъ и отвѣтитъ: *завтра будетъ ясная, хорошая погода* (хотябы во время этого рѣшительнаго предсказанія все небо покрыто было облаками), или: *завтра будетъ сильный дождь и зрѣнь* (хотябы наканунѣ небо было чистое и безоблачное), или: *завтра будетъ не большой дождь съ утра до обѣденной поры и т. п.*, — Къ удивленію моему эти предсказанія каждый разъ исполнялись съ совершенною точностію. Но Чуваши не находили въ этомъ ничего удивительнаго. Онъ узналъ это отъ матери; у него мать была юмеса, говорили они мнѣ, полагая, что въ этихъ словахъ заключается самое удовлетворительное разрѣшеніе дѣла.

Достаться-то, можетъ быть, и достанется, да что толку въ этомъ? Не зная, кому какой участокъ долженъ выпасть по жеребью, русскіе крестьяне и не думаютъ удабривать свои поля навозомъ; они обыкновенно свозятъ его съ дворовъ своихъ въ ближайшіе къ селамъ овраги, отъ чего въ русскихъ селеніяхъ воздуха въ извѣстныя времена года начиненъ бываетъ такими благоуханіями, что и не дохнешь. — Напротивъ Чуваши дѣлятъ свою землю на участки только послѣ народной переписи и пользуются ими уже до слѣдующей ревизіи, если только въ томъ или другомъ семействѣ не произойдетъ убыли. Такимъ образомъ Чувашининъ смотритъ на однажды доставшійся ему участокъ, какъ на свою по крайней мѣрѣ двадцатилѣтнюю неотъемлемую собственность, и всегда тщательно удобряетъ его навозомъ, который нерѣдко даже покупаетъ у сосѣднихъ русскихъ крестьянъ, свозить съ своего загона камня, продѣлываетъ на межахъ канавки для стока воды, если загонъ расположенъ по низменному или покатоу мѣсту. Очень естественно, что такая заботливость всегда за исключеніемъ обще-неурожайныхъ годовъ оканчивается счастливыми послѣдствіями и что у Чувашъ хлѣбъ вообще родится лучше и въ большемъ изобиліи, чѣмъ у Русскихъ.

Еще больше дѣятельности и рвенія оказываютъ Чуваши въ уборкѣ хлѣба. Къ половинѣ Сентября хлѣбъ у нихъ уже свожень съ полей на гумна. Въ исходѣ Сентября и въ Октябрѣ мѣсяцѣ, который по чувашски называется *авинь-оикъ*, т. е., овинный мѣсяцъ, уже начинается и быстро идетъ у нихъ къ концу сушка и молотба хлѣба, для которой они спѣшатъ пользоваться каждымъ яснымъ днемъ, каждою свѣтлою, безоблачною ночью. Овины чувашскіе устраиваются, какъ и у Татаръ, *шишами*, которые для безопасности отъ пожаровъ обставляются съ той стороны, откуда дуетъ вѣтеръ, широкими лубьями. У многосемейныхъ, или

засѣявшихъ большое количество земли Чувашъ бываетъ на гумнахъ по два, по три овина, и въ многочленныхъ семействахъ весьма часто въ одинъ день оканчивается трехъ-овинная молотьба. Къ исходу Ноября каждымъ, даже самымъ лѣнивымъ и маломощнымъ Чувашениномъ эта операція уже непременно бываетъ окончена: хлѣбъ весь смолоченъ и убранъ въ амбары. А это и есть эпоха, съ которой начинается *кюръ-сыры*, т. е., осеннее пивовареніе и розговѣнье новымъ хлѣбомъ. Конецъ Ноября и весь Декабрь мѣсяцъ изстари предназначены были у Чувашъ для благодарственного богамъ жертвоприношенія (*чукъ*) за разныя ихъ благодѣянія, отъ чего Декабрь и доселѣ называется по-чувашски *чукъ-оикъ* *).

*) Замѣчательно, что чувашскія названія мѣсяцовъ (*оикъ*) указываютъ на работы и занятія, какія приличны тому или другому времени года. Исключеніе изъ этого правила составляютъ только три первые мѣсяца по нашему счету, а именно Январь называется у Чувашъ *муль-кырлачъ* (отъ *муль*, большой и татарскаго слова *ккырылаккы*, все ниспровергать, низлагать, приводить въ оцѣпненіе, т. е., мѣсяцъ, приводящій природу въ сильное оцѣпненіе), Февраль — *кизиль-кырлачъ* отъ *кизиль*, меньшій и того же татарскаго глагола, т. е., менѣе оцѣпняющій, менѣе морозный) Мартъ — *норусъ-оикъ* (отъ древне-персидскаго слова *наурусъ*, новый годъ, который, какъ извѣстно, начинался у Персовъ съ нашего 9-го Марта). Но именования слѣдующихъ затѣмъ мѣсяцовъ заключаютъ въ себѣ, такъ сказать, программу періодическихъ занятій Чувашъ. Апрель называется у нихъ *пожа-оикъ* (отъ *пожа*, незанятый, свободный, мѣсяцъ неземледѣльческій, свободный отъ земледѣльческихъ работъ), Май — *ана-оикъ* (отъ *анасъ*, сѣять, мѣсяцъ сѣянія ярового хлѣба), Іюнь — *сю-оикъ* (отъ *сю*, лѣто, лѣтній мѣсяцъ), Іюль — *хиръ-оикъ* (отъ *хиръ*, дѣвица, мѣсяцъ дѣвичій, мѣсяцъ свадебъ, которыя и дѣйствительно у Чувашъ бываютъ большею частію въ Іюлѣ) или также *уда-оикъ* (отъ *уда*, сѣно, мѣсяцъ сѣнокоса), Августъ — *сіорла-оикъ* (отъ *сіорла*, серпъ, мѣсяцъ жатвъ) Сентябрь — *видинъ-оикъ* (отъ *видинъ*, лѣнь, мѣсяцъ, въ который собира-

Далеко не так дѣлательны Русскіе и Татары въ уборкѣ хлѣба. У нихъ обыкновенно по три, по четыре года и даже болѣе хлѣбъ лежитъ на гумнахъ немолоченный, въ копнахъ, отъ чего, разумеется, и сырость много портитъ его, и мышь не мало истребляетъ. Не думайте впрочемъ, что я хваля Чувашъ и ихъ земледѣльческія достоинства, основываясь на какихъ-либо частныхъ случаяхъ, или на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ мною только въ нѣкоторыхъ чувашскихъ и русскихъ деревняхъ, или въ предѣлахъ одного какого-либо уѣзда. Нѣтъ, дѣлность и мѣлность русскихъ крестьянъ и Татаръ въ уборкѣ хлѣба и рѣшая въ этомъ отношеніи дѣлательность Чувашъ составляютъ ихъ общія относительныя, характеристическія свойства. Эти свойства могутъ послужить Вамъ признакомъ, по которому Вы легко отличите чувашское жилие отъ русскаго и татарскаго. Я не шучу. Еще въѣзжая въ село или деревню, Вы и въ казанской, и въ симбирской, и оренбургской губерніяхъ заранѣе можете опредѣлить, кто въ этомъ или въ этой деревнѣ, Русскіе-ли, Татары-ли, или Чуваши: Вамъ стоитъ только взглянуть на гумна. Если Вы въ исходѣ Ноября или Декабря не замѣтите на гумнахъ ни одной хлѣбной копны, а только увидите воткнутый на верхушкѣ каждого овиннаго шиша необмолоченный снопокъ;*) то смѣло заключайте отсюда, что это селеніе

ютъ лень), Октябрь — *авынъ-омъхъ* (овинный мѣсяцъ или мѣсяцъ молотбы) Ноябрь — *юба-омъхъ* (отъ *юба*, поминки, мѣсяцъ поминовенія усопшихъ), Декабрь — *чукъ-омъхъ* (мѣсяцъ жертво-приношеній, чукленья). — Годъ чувашскій начинается съ 15 Ноября, такъ, что послѣдняя половина Ноября и первая Декабри — *чукъ-омъхъ* и т. д., Такимъ образомъ *кюръ-сыры* или праздникъ *Тора тыражымъ чуклессъ* совпадаетъ у Чувашъ съ правдованіемъ *ихъ* новаго года.

*) Съ незапамятныхъ временъ у Чувашъ ведется обычай, окончивъ молотбу, оставлять на шишахъ по одному необмолоченному снопу. Это жертва птицамъ небеснымъ и вмѣстѣ знакъ, что хозяинъ гумна кончилъ свои тяжкія работы и

чувашское, а не татарское, и не русское. Если же на одних гумнах замѣтите копны немолоченного хлѣба, а на другихъ одну солому и неизбѣжный снопъ на верхушкѣ пшща; то примите это за несомнѣнный знакъ, что тутъ вмѣстѣ съ Чувашиами живутъ либо Русскіе, либо Татары....

Само собою разумѣется, что спѣшная уборка хлѣба требуетъ со стороны Чувашъ напряженныхъ усилій, труда неустоимимаго. И дѣйствительно весьма часто случается, что Чуваши, пользуясь хорошею погодою, по-двое и даже по-трое сутокъ сряду проводить въ работѣ на гумнѣ, почти не смыкая глазъ и едва успѣвая перекусить кое-что въ немногія минуты выдающагося имъ досуга; за то по общему ходу дѣлъ человеческихъ чѣмъ больше маяты и труда, тѣмъ больше радости по его счастливымъ и успѣшнымъ окончаніи. И Чувашенинъ естественно предается шумному веселью, окончивъ свои земледѣльческія работы и наполнивъ сусѣки своихъ амбаровъ разнаго рода житомъ. Это веселье онъ обнаруживаетъ разгуломъ и попойками на праздникѣ чукленья хлѣба.

Каждый »Василій Ивановичъ«^{*)} считъ бы себя величайшимъ грѣшникомъ, если бы сталъ употреблять новыи хлѣбъ и новое пиво, не совершивъ предварительно чукленья или моленія о хлѣбѣ. Это моленіе Чуваши производятъ не всѣ вдругъ, но по-очередно и по предварительному взаимному соглашенію^{*)}. Къ заранѣ назна-

что добрый гость не будетъ ему въ тягость, а напротивъ доставить ему случай и удовольствіе выпить съ дорогимъ »досомъ«^{*)} или любезнымъ знакомцемъ лишній ковшъ пива, съ обычнымъ доброжелательнымъ восклицаніемъ: *таву сана* (здоровье твое!) —

^{*)} Въ *Запискахъ о Чувашихъ* (стр. 71) говорится, что въ хлѣбородные годы Чуваши начинаютъ хлѣбъ молить въ деревнѣ

ченному дню определенное семейство из нового солода и хмѣля въ большомъ количествѣ варить пиво, покупаетъ вино, — печетъ изъ новой муки хлѣбъ, изъ новой крупы варить кашу, заготавливаетъ прочіе съѣстные припасы преимущественно изъ того, что родилось въ этотъ именно годъ, созываетъ изъ своей и другихъ деревень родныхъ, досовъ и пріятелей. Всѣ приготовленныя яства ставятся на большой столъ, посреди котораго горделиво красуется весьма почтенной величины кадка съ пивомъ, называемая *пымк ланымъ*. Какъ скоро соберутся всѣ родные и всѣ приглашенные знакомые, то старшій въ семействѣ беретъ со стола каравай хлѣба и, держа его въ правой рукѣ, а въ лѣвой подъ мышкою — шапку, обращается къ нарочно растворяемой на этотъ случай

все въ одинъ день. — Это не правда. Кто не пригласитъ къ себѣ на чукленье своихъ досовъ и пріятелей тотъ и самъ не будетъ приглашенъ. А у Чуваши безъ досовъ и пріятелей и праздникъ не въ праздникъ: хлѣбъ въ кадкѣ остановится, пиво и вино не войдетъ въ горло. — Да и сама наша почтенная писательница немножко противорѣчитъ себѣ. На тойже страницѣ она говоритъ, что для моленья хлѣба, *вся родня собирается въ избу къ старшему въ семействѣ*. А вѣдь весьма часто случается, что въ цѣлой деревнѣ нѣтъ ни одного чужого человѣка: всѣ родня между собою. По моему мнѣнію такую непоследовательность въ повѣствованіи можно объяснить только предположеніемъ, что А. А. Фуксъ описывала чувашское чукленье со словъ своего толмача почтеннаго, какъ она говоритъ, іомси Андрея Васильича, который между тѣмъ былъ большой мастеръ, по знаменательному выраженію Чуваши, *сол-солъ* (лгать съ цѣлію обмануть, надуть). Еслибы онъ не былъ обманщикъ, то не захотѣлъ бы нашу писательницу и ея читателей привести къ нелѣпому заключенію, будто цѣлая деревня, въ которой всѣ родня между собою, можетъ ограничиваться чукленьемъ въ одномъ домѣ. Хорошъ былъ бы праздникъ, да не чувашскій!... При томъ, сама же А. А. Фуксъ говоритъ, что *во всякомъ домѣ нарастятъ изъ новаго хлѣба солоду, наварятъ пива* — для чукленья (ст. 71). — Какъ же тутъ можно *всѣмъ* въ деревнѣ *молить* въ одинъ день??

двери и открытому волоковому окну. Его примѣру слѣдуютъ и всѣ присутствующіе. Глава семейства читаетъ благодарственную за урожай хлѣба молитву Господу Богу и проситъ, чтобы Господь и на будущій годъ благословилъ труды ихъ обиліемъ, чтобы умножилъ ихъ скотъ, чтобы ниспосылалъ имъ во время и въ мѣру дождь и свѣтъ и чтобы даровалъ бѣдному своему народу миръ и тишину. Потомъ трижды осѣнивъ избу хлѣбомъ, глава семейства разрѣзываетъ его на кусочки, которые и предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ. Каждый обязанъ взять кусочекъ, одну половину его съѣсть, а другую бросить на печь. Та же исторія повторяется съ иггечами (сырцами), а затѣмъ съ кашею, съ тѣмъ только преимуществомъ въ пользу каши, что каждый съѣдаетъ цѣлую ложку ея, а на печь не бросаетъ. Въ заключеніе всѣ по примѣру старшаго въ семействѣ черпаютъ изъ лянгысы пиво и съ ковшами въ рукахъ опять обращаются на востокъ съ тѣми же благодареніями и молитвами къ Господу Богу, къ Божіей Матери и къ ангеламъ-хранителямъ, произнося въ началѣ и въ концѣ каждой молитвы: *пиринь слымызане кайзарь, Тора, анбраи, сир-лазъ*, т. е., остави намъ, Господи, грѣхи ваши, спаси и помилуй! Потомъ каждый, отливъ немного пива въ лянгысъ изъ ковши, надъ которымъ совершалъ молитвословіе, выпиваетъ оставшее. За этою трезвою и цѣломудренною частію праздника начинается уже шумная попойка, является соблазнитель-пузырьщикъ и съ нимъ пѣсни, пляски, — и пиръ идетъ горой.

Вотъ какъ въ настоящее время Чуваши чуютъ или молятъ хлѣбъ! Подобнымъ же образомъ празднуютъ они благополучное окончаніе всякаго вообще важнаго дѣла: только, разумѣется, содержаніе молитвъ и благодареній бываетъ тогда иное, приваренное къ поводу праздника. Не спорю, что въ церемоніяхъ чукленья проглядываютъ еще слѣды языческаго вѣрованія Чувашъ,

Сюда относится, на пр., составляющее, какъ по всему видно, необходимую принадлежность чулкенья обращеніе молящихся на востокъ къ дверямъ, а не къ иконѣ, которую впрочемъ въ темной, очень слабо освѣщенной, чувашской избѣ и разсмотрѣть довольно трудно. Но за то въ самыхъ молитвахъ и воззваніяхъ, употребляющихся при чулкеньѣ, незамѣтно слѣдовъ паганизма. Если угодно, то я, пожалуй, приведу Вамъ, любезнѣйшій Ал. Ив., и примѣръ для объясненія слова — чулкесь. У русскихъ простолюдиновъ казанской и симбирской губерніи Вы можете услышать слѣдующія, сострапашныя по чувашскому синтаксису, фразы: *я уже молил малину; я еще не молил ореховъ, яблоковъ, арбузовъ* и проч.. Что же у русскихъ простолюдиновъ значитъ молить малину, орѣхи, яблоки, арбузы и проч? Ни больше, ни меньше, какъ разгевѣться этими плодами, въ первый разъ въ году отвѣдать ихъ, разузнѣтся, предварительно перекрестясь и сотворивъ обычную молитву: *Господи благослови!* Равнымъ образомъ и чувашское: *Тора тыра-жине чулкесь* значитъ: помолясь Богу, въ первый разъ отвѣдать новаго хлѣба и въ добавокъ погулять съ радости о счастливомъ окончаніи тяжкихъ трудовъ.

Но въ старину иначе совершалось чулкенье. Въ молодости мнѣ случалось нѣсколько разъ видѣть эту церемонію въ ея вѣроятно старинномъ видѣ, съ странною однакожъ примѣсью молитвъ, обращенныхъ къ христіанскому Богу и къ христіанскимъ святымъ. Оргіи входили тогда въ самый составъ обряда; благодареніе воздавалось множеству языческихъ божествъ. Юмси были совершителями молитвословія*). Поставивъ Чувашъ строемъ передъ раство-

*) По старинному обычаю юмси приглашаются и нынѣ на всѣ праздники, но только за урядъ и изъ опасенія, чтобы они не накликали какой-либо бѣды. Нынѣ они далеко не такъ сильны, какъ были прежде. Нѣкогда они были и народными

ренною дверью, юмся съ вышеписанными мною обрядами читалъ молитвы надъ хлѣбомъ и вообще надъ снѣдами *Сюльди Торъ* (Верховному Богу). Но какъ скоро доходило дѣло до молитвъ надъ пивомъ, то боговъ являлось множество. Юмся провозглашалъ благодарныя молитвы богу верховному, матери боговъ, богу-творцу міра, богу-творцу душъ, богу солнца, богинѣ солнца, богу мѣсяца, богу, открывающемуся въ видѣніяхъ пророческихъ, богу-раздавателю счастливыхъ жребіевъ, богинѣ-раздавательницѣ счастливыхъ жребіевъ, богу грома и молніи, богу изобилія, богинѣ земли, богу благодѣаній, богу вѣтра, богинѣ вѣтра, богу воданому, лѣсному, домовому. богу домашнего скота, богу дорогъ и проч... Потомъ юмся обращался съ молитвами къ разнымъ кереметамъ, какъ-то: большой, средней, малой, серебряной, злой и проч., и проч. По возглашеніи молитвы *каждому* богу и *каждой* керемети, юмся и всѣ присутствующіе кланялись, приговаривая: *сирлаи, анбраи* (помилуй и не оставь или спаси), а потомъ съ

врачами, употреблявшими для леченія болѣзней разныя симпатическія, антипатическія, оеургическія и другія средства, и жрецами, совершавшими общественное и частное богослуженіе, и совѣтниками народа, и вождями его. Бѣда ли бывало постигнуть Чувашенина, или недуманно, негаданно привалить къ нему счастье, либо удача въ сомнительномъ дѣлѣ, — онъ сейчасъ съ подаркомъ къ юмсѣ, а тотъ назначаетъ ему, какое именно, животное и гдѣ, дома ли, или въ керемети и какой именно, онъ долженъ привести богамъ умилостивительную, или благодарственную жертву. И нынѣ Чувашенинъ обращается къ юмсѣ за совѣтомъ въ случаѣ болѣзни, неурожая хлѣба, падежа скота и т. п., Но юмси, изъ опасеній видѣть неисполненными свои приказанія, уже не смѣютъ и зайкнуться о жертвоприношеніяхъ. Теперь они обыкновенно совѣтуютъ ищущимъ ихъ помощи либо сходить въ село *Ишаки*, для поклоненія тамошней чудотворной иконѣ Святителя Николая, либо поставить Спасителю извѣстнаго достоинства свѣчу въ приходской церкви.

восклицианіемъ: *смелле*^{*)}), пили по ковшу пива. Что люди пьютъ и пьютъ во имя Аллаха безъ счету, — это конечно еще не рѣдкость. Но вотъ что рѣдкость и что составитъ замѣчательный примѣръ самообольщенія. Чуваши пили въ твердой, непоколебимой увѣренности, что это пьютъ не они, но сами боги и керемети. Еще не дѣлая поклона богу, богинѣ или керемети, они принимали свои ковши съ пивомъ, какъ будто подчуя когѣ-либо, и говорили шопотомъ: *она корна барасъ* (ему, или ей, т. е., богу, или богинѣ, надо дать ковшъ пива)! Если бы Вы стали увѣрять Чувашенина, что боги не принимаютъ и не могутъ принимать участія въ его чукленѣ, что не боги, но онъ самъ пьетъ уготованное для нихъ пиво; то онъ насмѣялся бы надъ Вами, какъ надъ человекомъ глупенькимъ, еще не способнымъ понимать дѣла. Примѣры такого страннаго самообольщенія, безъ сомнѣнія имѣющаго основаніе въ тайныхъ, либо затерянныхъ вѣрованіяхъ народа, мы будемъ имѣть случай рассказать еще разъ, когда станемъ говорить о чувашскомъ поминовеніи усопшихъ... Извините за отступление, которое впрочемъ если не теперь, то послѣ придется къ дѣлу. Продолжаю мой рассказъ. — Перебравши всѣхъ боговъ, богинь и всѣ керемети и выпивъ за каждого и за каждую по ковшу пива, молящіеся Чуваши, въ заключеніе обращались къ иконѣ, прилѣпивши къ ней восковую свѣчу; всѣ присутствующіе, сотворивъ крестное знаменіе, кланялись иконѣ, и іомся провозглашагъ: *вырись Тора! сирлаи, анбраи* (русскій Богъ! спаси и помилуй), *Тора Амыжъ! сирлаи, анбраи* (Божія Матерь! спаси и помилуй). *Пиллохси Тора! сирлаи, анбраи* (Божій Ангелъ! спаси и помилуй), *Тора Никола! сирлаи, анбраи* (Богъ Николай! спаси и помилуй). И за каждымъ возгласомъ слѣдовало новое пивопитіе. Къ концу

*) *Смелле* — сокращенное или пожалуй испорченное арабское: *бисмилляхъ* (во имя Аллаха)!

церемоніи многіе изъ Чувашъ уже едва держались на ногахъ. Повторяю, это были гнусныя оргіи, въ которыхъ религіозныя дѣйствія и обряды смѣшивались съ отвратительнымъ пьянствомъ. Если въ нынѣшнемъ чукленѣ и проблескиваютъ еще слѣды прежней религіи Чувашъ; то по крайней мѣрѣ самый обрядъ молитвословія строго отдѣленъ отъ всего похожего на вакханаліи. Немаловажно также и то, что въ немъ нѣтъ теперь прежняго смѣшенія языческихъ божествъ съ христіанскимъ Богомъ, съ христіанскими святыми и что Святитель Николай не называется уже Богомъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать, что я описалъ старинный обрядъ чукленья, исключительно руководясь моими воспоминаніями, можетъ быть, не во всѣхъ частяхъ вѣрными. Въ нынѣшнюю мою поѣздку въ Чувашландію, сколько я ни старался погнѣрить ихъ съ живою дѣйствительностію, — все было напрасно: Чуваши и теперь чуклеютъ, да не постаринному! Какъ не позабавлять прежнимъ путешественникамъ!....

V.

Что значать по мифологіи Чувашъ всѣ эти многочисленныя божества, которымъ возносились моленія во время чукленья? Въ какомъ отношеніи находились онѣ другъ къ другу и къ людямъ? Коротко, въ чемъ главнымъ образомъ заключалось древнее вѣроученіе Чувашъ? — спрашиваете меня Вы, любезный другъ!

Отвѣчать на эти вопросы не такъ легко, какъ представляется съ перваго взгляда. У Чувашъ не было ни религіознаго законодателя, ни храмовъ, ни идоловъ, съ которыми бы они неразрывно соединяли и отъ одного поколѣнія въ другому передали опредѣленныя религіозныя понятія; у нихъ не было и нѣтъ ни письменности, ни памятниковъ древности. Народъ этотъ долгое время былъ вовсе неизвѣстенъ и восточнымъ, и западнымъ историкамъ и географамъ; только въ половинѣ XVI столѣтія онъ вдругъ явился въ исторіи. По крайней мѣрѣ извѣстно, что имя *Чуваши* въ первый разъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ только въ 1551 году^{*)}. До этого времени ни греческіе, ни западно-европейскіе,

^{*)} Описавъ основаніе Свияжска (въ 1561 году), лѣтописецъ присовокупляетъ, что »*Чуваши* и Черемису и Мордву, и Можаровъ, и Тарахановъ привели къ правдѣ.« Карамзинъ, Ист. Гос. Рос. т. VIII примѣч. 232. — Карамзинъ упоминаетъ о Чувашихъ еще подъ 1524 годомъ (т. VII, стр. 128); но не говоритъ, на какомъ основаніи онъ рядомъ съ Черемис-

ни русскіе, ни арабскіе писатели, изъ которыхъ особенно послѣдніе были издавна очень хорошо знакомы съ здѣшнимъ краемъ, не говорятъ объ этомъ народѣ ни слова. Да и русскіе бытописатели съ 1551 года вносятъ иногда въ свои сказанія Чувашъ, ужъ конечно не для того, чтобы вдаваться въ рассказы о »поганой и злочестивой вѣрѣ«^{*)} этого народа. Откудаже заимствовать свѣдѣнія о ней?

Изъ преданій самаго народа? Да, за совершеннымъ отсутствіемъ у него письменныхъ памятниковъ, преданія народныя должны бы быть важѣйшимъ и первостепеннымъ источникомъ для составителя древней чувашской міеологіи. Но на дѣлѣ оказывается этотъ источникъ и мутнымъ, и скуднымъ, и вообще неудовлетворительнымъ. Уже сто лѣтъ прошло, какъ Чуваша обращены въ христіанство. Въ это время, подѣ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ новой религіи во многомъ должны были измѣниться и языческія ихъ религіозныя понятія; многія повѣрья должны были или остаться вовсе забытыми, или принять новую форму. Правда, что до двадцатыхъ и даже тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія Чуваша были плохіе христіане, но вмѣстѣ съ тѣмъ они были шксіе ревнители и древней религіи: обыкновенная участь тѣхъ народовъ, которые принимаютъ новую какую-либо вѣру не по убѣжденію, а изъ корыстныхъ видовъ^{*)}), и у которыхъ индиффе-

сами, вліявшимися въ вѣрности Сафа - Гирею, ставить имя и Чувашъ. Вѣроятно онъ употребляетъ его здѣсь per anticipatiōem. Впрочемъ о теперешнемъ названіи Чувашъ и объ народныхъ именахъ, подѣ которыми они могли скрываться въ нашихъ лѣтописяхъ и у восточныхъ писателей, я буду говорить особо.

^{*)} Мѣры, употребленныя для обращенія ихъ были слѣдующія: сначала указомъ 1743 года всѣ принявшіе и имѣющіе принять крещеніе освобождены отъ мурзъ, господъ своихъ;

рентизмъ или совершенное равнодушіе и къ прежнему, и къ новому вѣроученію питается и поддерживается грубостію, невѣжествомъ всецѣлымъ погруженіемъ массы народа въ бытъ матеріальный, въ жизнь для удовлетворенія однимъ животнымъ потребностямъ. Долгое время Чувашенінъ не сознавалъ противоположности между обѣими своими вѣрами; внѣшніе обряды той и другой онъ безразлично исполнялъ потому единственно, что считалъ это средствомъ къ достиженію корыстныхъ, матеріальныхъ цѣлей, каковы, на пр., предовращеніе отъ себя извѣстныхъ болѣзней, испрошеніе у неба плодородія, богатства и проч. . Молясь въ случаѣ нужды богамъ языческимъ, онъ молился и Богу христіанскому. Отправляя вмѣстѣ съ Русскими христіанскія празднества, не питая ни особенной любви къ древнимъ, ни особеннаго отвращенія къ новымъ вѣрованіямъ, Чувашенінъ, такъ сказать, механически перенималъ отъ Русскихъ нѣкоторыя ихъ религіозныя понятія, привыкалъ обращаться съ молитвами къ христіанскимъ святымъ, особенно и достойно чествуемымъ нами, и постепенно забывалъ, или по крайней мѣрѣ исключалъ изъ своего молитвословія многія даже весьма значительныя въ древней мифологіи божества. Такъ еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія выброшены были изъ употребляемыхъ при жертвоприношеніяхъ молитвъ имена даже принадлежавшихъ къ высшему разряду (къ числу небесныхъ) божествъ, каковы на примѣръ: *алыкъ азыланъ* или *озанъ* (стражъ жилища

всѣмъ таковымъ же, живущимъ по крѣпостямъ у заимодавцевъ, въ уплату по заемному письму, сочтена служба заимодавцу съ отѣнкою каждаго года въ 5 руб. Потомъ предложена была крестившимся свобода отъ податей, которыя и за принявшихъ христіанство собирались съ некрещеныхъ. Наконецъ положено было желающимъ принять крещеніе выдавать единовременную денежную награду. Разумѣется, что при этомъ случаѣ Чуваши крестились въ разныхъ мѣстахъ раза по два и по три. (См. Дневныя Записки путешествія Ив. Ленахина. ч. 1 стр. 168).

боговъ и блаженныхъ духовъ, до слова: отворяющій двери), *) *хурбани* (богъ жертвъ. т. е., богъ который переносилъ на небо молитвы, возносимыя людьми при благодарственныхъ и умиленныхъ жертвоприношеніяхъ и которому въ старину приносилась жертва *прежде* всѣхъ другихъ боговъ) и нѣкоторыя другія. **) Вообще число языческихъ божествъ, къ которымъ Чувашенинъ обращался съ молитвами, уменьшалось по мѣрѣ того, какъ онъ узнавалъ новые предметы поклоненія въ лицѣ того или другаго христіанскаго святаго мужа. Конечно и этимъ сдѣланъ былъ уже важный шагъ къ измѣненію его древняго вѣроученія. Но еще болѣе должны были измѣниться старинныя вѣрованія его, когда стеченіе разныхъ обстоятельствъ, а особенно послѣдовавшее въ началѣ текущаго столѣтія строгое воспрещеніе языческихъ жертвоприношеній и обрядовъ, вывели его изъ безразличнаго положенія въ отношеніи къ обѣимъ религіямъ. Отъ ознакомленія съ христіанскими вѣрованіями у Чувашъ (хотя и не всѣ они приняли крещеніе) многія языческія божества получили совершенно другое значеніе, нежели какое онѣ имѣли прежде: съ именами ихъ стали соединять почти такія же понятія, какія мы соединяемъ съ именами ангеловъ и нѣкоторыхъ угодниковъ божіихъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: *пюлюхси* (древній богъ — раздаватель счастливыхъ жребіевъ или вѣдшихъ благъ) въ вѣроученіи Чувашъ, еще приверженныхъ къ языческимъ заблужденіямъ и тайно враждовавшихъ

*) Нынѣ титулъ этотъ многіе изъ Чувашъ приписываютъ апостоламъ Петру и Павлу, какъ хранителямъ ключей царствія небеснаго.

**) Въ статьѣ о *Чувашихъ*, писанной во второй половинѣ прошлаго вѣка и помѣщенной въ Сѣверномъ Архивѣ за 1827 годъ (час. 27), о божествахъ этихъ нѣтъ и помину. Память объ нихъ сохранилась въ темномъ преданіи некрещенныхъ Чувашъ, которые впрочемъ ни жертвъ имъ не приносятъ, ни именъ ихъ не призываютъ въ своихъ молитвахъ.

противъ новой религіи, незамѣтно сдѣлался почти тѣмъ же, чѣмъ у христіанъ — Архангелъ; *пшамбаръ* *) (богъ, сообщающій видѣнія пророческія и вообще раздающій душевныя дарованія) превратился у однихъ во что-то похожее на Георгія Побѣдоносца, а у другихъ — на Ілію пророка; понятіе о *схольди-торъ-амышъ* (верховой богинѣ, матери боговъ) перенесено на Пресвятую Дѣву; понятіе о *торъ-ира* (богъ благодѣяній) — на ангела-хранителя и т. д. — Что же отсюда слѣдуетъ? То, что не только теперь между Чувашинами Вы не найдете ни одного знатока ихъ древней религіи, но не наши бы и двадцать, даже тридцать лѣтъ тому назадъ. И такъ еслибы мы на основаніи *преданій*, или по *теперешнимъ* понятіямъ тѣхъ крещеныхъ Чувашъ, которые въ душѣ еще расположены къ древнему паганизму, составили себѣ понятіе о ихъ міеологіи; то безъ всякаго сомнѣнія это была бы только слабая тѣнь *дрвней* ихъ міеологіи: она не имѣла бы ни смысла, ни значенія стариннаго вѣроученія Чувашъ.

Но не сохранились ли, — спросите Вы, древнія преданія и вѣрованія у Чувашъ некрещеныхъ? — Не могу отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Я имѣлъ случай толковать о религіи съ нѣкоторыми изъ нихъ; но кромѣ давно извѣстныхъ вѣрованій и темныхъ преданій о трехъ божествахъ, которыхъ имена были мнѣ

*) И *пюлюхси* и *пшамбаръ* въ самой древней міеологіи Чувашъ, еще до сближенія ихъ съ христіанскими понятіями, имѣли вовсе не то значеніе, какое получили въ послѣдствіи. Что первоначально *пюлюхси* былъ богъ податель вѣшнихъ, а *пшамбаръ* — внутреннихъ, душевныхъ благъ, — это подтверждается отчасти этимологическимъ производствомъ и первоначальнымъ значеніемъ ихъ названій, о которомъ я буду говорить въ своемъ мѣстѣ, а отчасти свидѣтельствомъ лицъ, жившихъ во времена близкія къ эпохѣ обращенія Чувашъ въ христіанство.

неизвѣстны и о которыхъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ, — я не могъ узнатьъ отъ нихъ ничего особеннаго. Ритуальныя какія-либо особенности, можетъ быть, у нихъ сохранились отъ древнихъ временъ, но догматическія вѣрованія — едва-ли. Въ этомъ я убѣжденъ между прочимъ и свидѣтельствомъ достовѣрныхъ людей, имѣющихъ частныя сношенія съ Чувашиами, еще непросвѣщенными или только недавно просвѣщенными христіанствомъ. Число некрещенныхъ Чувашъ съ половины прошлаго вѣка было вовсе незначительно въ сравненіи съ цѣлою массою народа.*) Естественнo, что они жили и живутъ одною жизнью съ этою массою и что ихъ религіозныя понятія подвергались тѣмъ же измѣненіямъ, какія испытали на себѣ вѣрованія ихъ крещенныхъ единоплемениковъ. Притомъ не надобно опускать изъ виду и того, что язычествующіе Чуваши ни чуть не отличаются особою привязанностію къ своей вѣрѣ, отъ которой не отрѣкаются только потому, что одному запрещаетъ это отецъ, другому — старуха-мать, третьему — опасеніе быть изгнаннымъ изъ родины, отдѣленнымъ отъ родственниковъ и тому подобныя, чисто внѣшнія, а отнюдь не внутреннія побужденія. Одинъ изъ чувашскихъ священниковъ симбирской епархіи, имѣющій въ своемъ приходѣ и новокрещенныхъ и старокрещенныхъ Чувашъ и хорошо знакомый

*) И до 1830 года въ казанской епархіи (т. е. въ губерніяхъ казанской и симбирской) число некрещенныхъ Чувашъ не восходило выше 4,250 человекъ. Но въ этомъ году знаменитый іерархъ нашъ, преосвященный Филаретъ, архіепископъ казанскій и симбирскій (нынѣ митрополитъ кіевскій) обратилъ въ христіанство и крестилъ 2,268 человекъ. Примѣръ благочестиваго пастыреначальника нашего подраженіе и въ подчиненныхъ ему служителяхъ алтаря, съ успѣхомъ продолжавшихъ и продолжающихъ начатое имъ дѣло. Теперь изъ 300,000 чел. Чувашъ живущихъ въ Казанской губерніи, (по 8-й ревизіи) едвали осталось некрещенныхъ до 2,000 человекъ.

съ ихъ язычествующими единоплемениками, пишетъ ко мнѣ, что крещенные Чуваши по его замѣчанію ни теплы, ни холодны къ своей языческой вѣрѣ, новокрещенные оказываютъ къ ней глубокое, искреннее отвращеніе, но между старокрещенными есть еще, хоть не много, тайные ея приверженцы... Можетъ быть, отзывъ моего ученаго корреспондента о старокрещенныхъ Чувашахъ не совсѣмъ безпристрастенъ; но то, что онъ говорилъ о новокрещенныхъ, подтвердили мнѣ и нѣкоторые другіе чувашскіе священники, съ которыми я или лично бесѣдовалъ, или входилъ въ письменныя сношенія объ этомъ предметѣ. Конечно у необращенныхъ въ христіанство Чувашъ понятія Богѣ не такъ чисты, какъ у тѣхъ, которые совершенно оставили языческія заблужденія; но ни какъ нельзя сказать, чтобы они были ближе къ древнему вѣроученію, чѣмъ понятія, господствовавшія у крещенныхъ Чувашъ въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія. Другими словами: понятія эти ни языческія, ни христіанскія, но походятъ на тѣ и другія, приближаются къ нимъ, потому что составлены изъ смѣси языческихъ и христіанскихъ элементовъ. А строго отдѣлить эти элементы одинъ отъ другого, показать, что принадлежитъ въ нихъ *древнѣйшему* вѣроученію и что принесено въ нихъ вновь вліаніемъ христіанства,—дѣло мудреное и даже не возможное, если не сыщемъ надежнаго руководителя. Выходить, что и преданія некрещенныхъ Чувашъ составляютъ очень скудный источникъ для того, кто хотѣлъ бы пріобрѣсть себѣ понятіе объ ихъ старинной вѣрѣ. Гдѣ же искать вѣрныхъ и несомнѣнныхъ источниковъ?....

Въ авторахъ, — подсказываете Вы, любезный другъ, — въ авторахъ, писавшихъ о Чувашахъ! — Послѣдуемъ вашему совету: посмотримъ, — я хотѣлъ сказать, — послушаемъ, что скажутъ они намъ о древней религіи Чувашъ, а мимоходомъ выскажемъ наше мнѣніе о достоинствѣ и другихъ сообщаемыхъ ими свѣ-

дѣніяхъ объ этомъ народѣ Но не пугайтесь, любезнѣйшій Ал. Ив., я буду такъ безпримѣрно добръ, такъ обязательно учтивъ, что не позволю себѣ вдаваться въ подробный пересмотръ стараго хлама, т. е. писаній давно минувшихъ дней: время мнѣ подумать наконецъ de captatione benevolentiae, о снисканіи благосклонности читателей

VI.

....Самыхъ интересныхъ свѣдѣній о Чувашахъ вообще и объ ихъ древней религіи въ особенности слѣдовало бы конечно ожидать отъ тѣхъ авторовъ, которые до 1743 года изучали и описывали этотъ народъ. Они легко могли узнать его первоначальныя вѣрованія, ознакомиться съ его демонологіею, подвергнуть наблюдению сохранившіеся отъ отдаленной древности его обычаи, обряды, нравы и передать намъ самое удовлетворительное ихъ описаніе. Я говорю: *могли* передать, но передали-ли — это другой вопросъ, на который едва-ли приведется намъ отвѣчать утвердительно.

Намъ извѣстны только два описанія Чувашъ, составленныя ранее 1743 года, т. е., до обращенія этого народа въ христіанство.

Первое изъ нихъ принадлежитъ *Страленбергу*, Шведу, который взятъ былъ Рускими въ плѣнъ, если не ошибаюсь, въ Полтавской битвѣ, и въ плѣну составилъ историческое описаніе сѣверной и восточной части Европы и Азіи. Здѣсь не мѣсто входить въ разсужденія о томъ, до какой степени былъ справедливъ *Шлецеръ* отподчивавшій этого Шведа несовсѣмъ ласковыми и даже немножко крѣпковатыми эпитетами.*) *Страленбергъ* могъ конечно надѣлать много ошибокъ въ русской исторіи и статистикѣ; но могъ говорить

*) См. Несторъ, Ч. I. Введ. Отдѣлен. V. стр. 144.

и правду въ этнографіи Россіи, могъ вѣрно описать тѣ народы, которые видѣлъ лично и къ числу которыхъ между прочими принадлежать и инородцы здѣшней губерніи. Потому мнѣ кажется, что вовсе неосновательно поступали тѣ писатели, которые безъ разбора осуждали наповалъ всѣ свѣдѣнія о Чувашихъ, сообщаемыя Страленбергомъ. Такъ автору *Записокъ о Чувашахъ*, не потрудишмуся даже разсказать, въ чемъ заключаются извѣстія Страленберга объ этомъ народѣ, угодно было назвать ихъ *содержащими въ себѣ одно пустословіе**), — сужденіе, кажется, ужъ слишкомъ поспѣшное, ничѣмъ недоказанное и притомъ очевидно повторенное съ голоса другихъ. Очень сожалею, что у меня нѣтъ теперь подъ руками нѣмецкаго подлинника Страленбергова; но, сколько могу судить по сокращенному французскому переводу его историческаго описанія Россійской Имперіи, — Страленбергъ *пустословитъ* на счетъ Чувашъ не болѣе прочихъ писателей XVIII и даже XIX вѣка**). Скажу болѣе: тѣ мнѣніи пункты его извѣстій, которые наиболѣе подвергались осужденію послѣдующихъ писателей, — оказываются совершенно справедливыми. Такъ, на пр., многіе, поувѣренію Лепехина***), находили ложнымъ его сказаніе о томъ, что Чуваша подобно послѣдователямъ Зороастра обожали солнце, луну и прочія свѣтила небесныя и вообще видѣли въ свѣтѣ высочайшее существо и поклонялись ему, не имѣя у себя ни храмовъ, ни алтарей, ни кумировъ. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что эти сказанія Страленберга точно имѣютъ свое основаніе въ древнихъ вѣрованіяхъ Чувашъ и что онѣ для разъясненія первоначальной жизни этого народа гораздо важнѣе многихъ широковыщательныхъ

*) Зап. о Чуваш. и Черем. стран. 123.

**) Description historique de l'Empire Russien. 1757. Tome I. p. 278, 280, tome II. p. 152.

***) Дневныя Записки путешествія Ив. Лепехина. Ч. I. стр. 166.

и многопуманныхъ разсказовъ о немъ позднѣйшихъ писателей. Миллеръ заносчиво преслѣдуетъ Страленберга почти на каждомъ шагѣ и, дуная обличать его ошибки, ошибается самъ. Сказаніе, напр., Страленберга о томъ, что язычествующіе Чуваши имѣли нѣкоторые понятія о Христѣ и что они не безъ сознанія отпра-
вляли вмѣстѣ съ Русскими важнѣйшія христіанскія празднества, какъ-то: Рождество Христово, Пасху, Благовѣщеніе, Пятидесятницу и Николины дни, — Миллеръ признаетъ совершенно неоснователь-
нымъ и — ошибается, потому что страленбергово извѣстіе подтвер-
ждается и свидѣтельствомъ другихъ писателей, напр. Лепехина и Рычкова, и примѣромъ теперешнихъ некрещенныхъ Чувашъ. Въ такого рода ошибки Миллеръ попадаетъ очень часто. Вотъ еще подобный случай. Страленбергъ пишетъ, что Чуваши на деревьяхъ керемети вмѣстѣ съ кожами вѣшаютъ и кости жертвенныхъ жи-
вотныхъ. Миллеръ, напротивъ, утверждаетъ, что *все* кости жер-
твенныхъ животныхъ, а, по показанію г-жи Фуксъ^{*)}, даже и шкуры
ихъ, *всегда* и *непрямьно* сжигались. Оказывается, что Страленбергъ
правъ, а Миллеръ и г-жа Фуксъ — не совѣтъ. Чуваши точно
вѣшали на деревьяхъ кереметей кожи, снятыя съ лошадей^{**)}, при-
несенныхъ въ жертву; при кожѣ оставались непрямьно *все* го-
ловныя кости, грива, хвостъ и *ноги* лошади. — Вообще полемика
Миллера противъ Страленберга неудачна. Это однакоже не зна-
чить, чтобы мы находили удовлетворительными сказанія Стрален-

*) Записки о Чувашахъ стран. 22.

**) Кожи другихъ жертвенныхъ животныхъ, быковъ, коровъ, овецъ, Чуваши иногда оставляли на время въ кереметяхъ, а иногда тотчасъ же уносили съ собою домой и продавали на базарахъ, а на вырученныя деньги покупали ножи либо котлы для употребленія въ керемети, соль, муку, медъ, и т. п. припасы, для будущихъ жертвоприношеній — Черемисы никогда не продавали жертвенныхъ кожъ; они хранили ихъ у себя, какъ святыню.

берга. Ничего не бывало: мы считаемъ ихъ очень скудными, неполными, недостаточными. Но совершенно ложными мы признаемъ у него какія-нибудь два или три извѣстія; на пр., сказаніе о томъ, будто Чуваши строятъ свои дома дверями на полдень, или о томъ, будто у нихъ когда-то существовала самобытная письменность, на истребленіе которой, по словамъ Страленберга, указываетъ народная поговорка: *книги короа съла* (книжке-зане и-не сійза питерны). Не забудьте притомъ, что у другихъ писателей о Чувашихъ ошибки считаются не единицами, какъ у Страленберга, а десятками.

Другой авторъ, описывавшій Чувашъ до обращенія ихъ въ христіанство, есть извѣстный исторіографъ нашъ Г. Фр. Миллеръ. Возвращаясь въ 1743 году изъ ученаго путешествія по Сибири, онъ на нѣсколько времени остановился въ Казани, собралъ нѣсколько свѣдѣній объ инородцахъ здѣшней губерніи и составилъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи лзычскихъ народовъ, яко то: Черемисъ, Чувашъ и Вотляковъ*, напечатанное сначала на Русскомъ языкѣ въ его журналѣ: Ежемѣсячныя Сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія (1756 года, за мѣсяцы іюль и августъ), потомъ на Нѣмецкомъ языкѣ (въ *Sammlung Russischer Geschichte 1758. Th. III.*), и наконецъ въ 1791 году особою книжкою со многими поправками противъ прежняго изданія. Въ этой книгѣ, говоря строго, мы не многое должны признать принадлежащимъ Миллеру: онъ безъ разбору вносилъ въ нее все, что слышалъ отъ толмачей, данныхъ ему изъ здѣшней губернской канцеляріи. Результатовъ, личныхъ наблюденій автора здѣсь почти вовсе невидно. Покрайней мѣрѣ свѣдѣнія о Чувашихъ онъ заимствовалъ исключительно изъ рассказовъ толмачей: онъ самъ признается, что ни въ одной чувашской деревнѣ не былъ. И нестранно ли, что собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія естественно не полныя и во многихъ отношеніяхъ невірныя, у насъ долгое время пользовались вовсе незаслуженною честію не-

оспоримого авторитета, и что позднѣйшіе писатели очень часто цѣликомъ повторяли слова Миллера, хотя для того, чтобъ видѣть ихъ несправедливость, нужны были не особенная проницательность, не особенное остроуміе, не особенная наблюдательность, а просто здоровыя чувства зрѣнія и слуха — и только? . . . Вся брошюра Миллера раздѣляется на *восемь* главъ. *Первая* изъ нихъ подъ заглавіемъ: *О жителей Черемисъ, Чувашъ и Вотляковъ*, представляетъ географическій очеркъ мѣстности, занимаемой этими народами, — очеркъ весьма неудовлетворительный. Такъ, на пр., авторъ говоритъ, что *жители этихъ народовъ простираются до 200 верстъ выше и ниже города Казани*. — Очевидно ему неизвѣстно было, что Чувашъ живутъ не только въ нынѣшнихъ губерніяхъ нижегородской, казанской, оренбургской, симбирской, но и въ губерніяхъ саратовской и пензенской. Кажется, что Чувашъ, живущихъ ниже Симбирска въ нынѣшнихъ губерніяхъ симбирской, саратовской и пензенской, онъ считалъ Мордвою. Во *второй* главѣ говорится о *тѣлесныхъ и душевныхъ дарованіяхъ* Черемисъ, Чувашъ и Вотляковъ. Душевные или нравственные свойства ихъ авторъ цѣнитъ чохомъ, гуртомъ: всѣ упомянутые народы, по его словамъ, одинаково тупоумны, крайніе невѣжи, къ порокамъ весьма склонны, воры, отчаянные разбойники, горькіе пьяницы. Но во внѣшнихъ свойствахъ Миллеръ находитъ разницу между ними: у *Вотляковъ*, говоритъ онъ, *волосы темноватые, какъ и у Чухотцевъ, а у Чувашъ почти у всѣхъ желтые или рыжіе; бороды у послѣднихъ продолговаты клиномъ*. Замѣчательно, что и г-жа Фуксъ горько сѣтуетъ о томъ, что не только у Чувашъ, но и у *Русскихъ, живущихъ въ соседствѣ съ Чувашами*, она не нашла ни одной *окладистой бороды, что бороды у нихъ маленькія, клочковъ, составленныя изъ нѣсколькихъ волосъ.* *) — Я не сперю за нравственные

*) Записки о Чувашахъ. стран. 11.

качества, которыя Миллеръ приписываетъ Чувашамъ наравнѣ съ Черемисами и Вотяками, хотя и не могу умолчать, что этотъ грозный и гуртовой судъ нашего автора основанъ не на изученіи своего предмета, а просто на однихъ слухахъ и толкахъ, принятыхъ мимоходомъ, безъ всякой повѣрки, безъ всякаго соображенія съ дѣйствительностію. Но за волосы, за бороды Чувашъ, какъ за вещи очевидныя, для вѣрнаго описанія которыхъ не требуется, слава Аллаху, ни особеннаго изученія, ни особенной наблюдательности,—я объявляю рѣшительную войну и Миллеру, и г-жѣ Фуксъ, и во услышаніе всѣхъ читателей Вашей газеты утверждаю, что у Чувашъ волосы большею частію черноватые*) или темно-русые, что рыжіе между ними чрезвычайно рѣдки, что истинно-чувашская борода есть темно-русская, густая и довольно окладистая, что у нихъ весьма часто встрѣчаются бороды, отъ густоты волосъ свивающіяся прядями, на подобіе заплетенныхъ косъ,—и это почитается у Чувашъ, какъ и у русскихъ простолюдиновъ, признакомъ особеннаго благоволенія домового. — Въ третьей главѣ авторъ описываетъ одежду Чувашъ, Черемисъ и Вотяковъ, упоминаетъ о *тохъ*, называя ее *чепцомъ* (?), *хошия*, *сарпанъ*, *тевети*. Въ этой главѣ мнѣ особенно бросилась въ глаза одна сказанія: во *первыхъ*, авторъ говоритъ, что у Чувашекъ, какъ и Черемисокъ, *рубашки вышиваются по подолу*. Это справедливо, но несовсѣмъ. Рубашки Чувашекъ всегда бываютъ вышиты разнѣ-цвѣтными шерстями, либо шелкомъ и бумагою и по подолу, и около шеи, и около груди. У дѣвокъ на груди бываетъ одна вышивка на подобіе креста съ вѣнкомъ, а у замужнихъ жен-

*) Скромность побуждаетъ меня сознаться, что не я первый открылъ черноватые волосы у Чувашъ. За 80 лѣтъ ранѣе меня Палласъ сказалъ: *Man sieht auch bey den Tschuwaschen keine lichtbraune oder röthliche, sondern durchgängig, wie hey den Tataren, schwärzliche Haare.* — Pallas: *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs.* 1-r Th. S. 87.

щинъ — двѣ. Во вторыхъ Миллеръ утверждаетъ, что Чуваши ни въ чемъ не разнятся отъ Черемисъ, живущихъ въ Козмодемьянскомъ дистриктѣ. Г-жа Фуксъ вѣроятно со словъ Миллера пишетъ, что никакъ (?) невозможно (sic!!) путешественнику вдругъ отличить Чувашъ съ Черемисами (т. е. отъ Черемисъ), ни мужчинъ, ни женщинъ по ихъ наружности и костюму*). — Помните: отъ чего же не возможно? У Чувашенина кафтанъ (сукманъ) всегда сѣрый, а онучи черныя; у Черемисинина — кафтанъ бѣлый, да еще съ откиднымъ воротникомъ, и онучи также бѣлыя: вотъ вамъ и самый вѣрный и весьма негололомный признакъ, посредствомъ котораго весьма легко можете отличать Чувашенина отъ Черемисинина. Я уже не говорю о разницѣ въ женскихъ костюмахъ и въ физиономіи того и другого народа. — Четвертая глава: о пищѣ, торговлѣ и промыслахъ есть по моему мнѣнію самая лучшая во всей книгѣ Миллера; жаль только, что она очень коротка, и что авторъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не входитъ въ подробности, которыя для насъ могли бы быть очень интересны. Миллеръ говоритъ, что любимымъ кушаньемъ Чувашъ было — лошадиное мясо: это совершенно справедливо, потому-что и теперь некрещенные Чуваша большіе охотники до него, да и крещенные бывало лакомились имъ потихоньку, чтобъ не провѣдалъ объ этомъ приходскій священникъ. Свиней они у себя не держали и свиной брезговали, можетъ быть, изъ подражанія Татарамъ.**). Но вопреки обычаю татарскому они ѣли кровь; закалая скотину, особенно жертвенную, они сдѣлывали изъ нея кровь весьма бережно и варили ее, смѣшавъ съ жиромъ и крупю, въ сычугѣ убитой скотины.***) Во

*) Записки о Чувашахъ и Черемисахъ стран. 203.

**) Нынѣ уже ниодинъ Чувашенинъ не гнушается свиной.

***) Кушанье это, сколько я могу припомнить, называлось *таддар-мыжъ*, и было очень вкусно — для голоднаго. Иногда на крови жертвеннаго животнаго Чуваша мѣсили тѣсто и пекли изъ него

время Миллера Чуваши занимались больше скотоводством и пчеловодством. Чѣмъ земледѣліемъ, которое, какъ работа менѣе другихъ прибыльная и важная, предоставлялась преимущественно женщинамъ. Но главнѣйшій промыселъ Чувашъ и единственное занятіе ихъ въ зимнее время составляла охота на медвѣдей, волковъ, лисицъ. Черемисы славились тогда умѣньемъ стрѣлять изъ луковъ, а Чуваши были мастера владѣть винтовкою. Впрочемъ, замѣчаетъ Миллеръ, большихъ звѣрей ловятъ они по большей части ямами, а мелкихъ — сѣтями.^{*)} Все нужное для домашняго обихода, какъ-то: ножи, ножницы, шелехи, корольки, табакъ и проч., Чуваши на базарахъ вымѣнивали у Русскихъ на мѣхъ лисы, бѣличьи, волчьи, медвѣжьи и т. п. — Пятая глава: о языкѣ; художествахъ и наукахъ, очень скудна. Авторъ думаетъ, что нарѣчіе вотяцкое и особенно пермское сходно съ черемисскимъ, что черемисскій языкъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ финскимъ, а чувашскій больше близокъ къ татарскому. По тому поводу, что Чуваши Русскихъ называли *Вюрезъ* (т. е., Вырысь), отъ татарскаго *Урусъ*, Миллеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что они къ татарскимъ сло-

лешки, незываемыя *юсманъ*. Отъ жертвенныхъ же кушаній ведетъ свое начало и *ширтанъ*, родъ колбасы. Вотъ какъ его готовили: разрѣзавъ остатки жертвеннаго мяса на мелкія части, посоливъ и изжаривъ ихъ, начинали ими бараньи кишки, прокапчивали ихъ, и когда нужно было подавать на столъ, то снова поджаривали въ маслѣ. Ширтаномъ подчивали Чуваши только закадычныхъ друзей и досовъ. Толдармыжъ и юсманъ нынѣ вышли изъ употребленія; но ширтанъ готовятъ Чуваши и теперь только, разумѣется, не изъ жертвеннаго мяса. Многие изъ Русскихъ, даже изъ чиновниковъ большіе охотники до чувашскаго ширтана.

^{*)} Здѣсь у Миллера опять недомолвка. Чуваши и Черемисы ловили большихъ звѣрей, особенно медвѣдей не ямами только, но и другими замысловатыми и забавными способами, похожими на тѣ, какіе Лепехинъ (Часть 1, стр. 193,) видѣлъ у Башкирцовъ. Большая часть ихъ основывалась на страстной приверженности Михайлы Ивановича къ горячимъ напит-

вамъ, начинающимся съ о и у, прибавляютъ в, напр., *десять* по-татарски *онъ*, по-чуваши *вонна*, *оюнь* по-татарски *отъ*, по-чуваши *воиъ*, *лсъ* по-татарски *урманъ*, по-чуваши *вурманъ* и т. д. Потомъ авторъ переходитъ къ разнымъ названіямъ народовъ, городовъ и рѣкъ на языкахъ чувашскомъ, черемисскомъ и вотяцкомъ; рассказываетъ, что Казань по-чуваши называется *Хозанъ*, Свияжскъ — *Свѣя*, Чебоксары — *Чобошкаръ* (т. е., *Шубашкаръ*), Козмодемьянскъ — *Чикленъ* (т. е., Чикмене), Цивильскъ — *Сюрби* (т. е., Сюрбю или Сюрбеве), Волга — *Аалъ* (т. е., Адылъ), Кама — *Шороиъ-Адалъ* (т. е., Шора-Адылъ, *бѣлая* Волга, потому что вода въ Камѣ свѣтлѣе и бѣлѣе, чѣмъ въ Волгѣ). Вотъ и все содержаніе главы о *языкъ, художествахъ и наукахъ!* — *Шестая* глава посвящена *религии* Чувашъ, Черемисъ и Вотяковъ. Главная, основная ошибка автора здѣсь заключается въ его ложномъ предположеніи, будто у всѣхъ этихъ народовъ совершенно одна и таже религія. Вѣрный этому предположенію, онъ нарочно изложилъ ее въ чертахъ столь общихъ, что онѣ могутъ быть отнесены чуть-ли не къ каждой языческой религіи, основанной на дуализмѣ. По словамъ его, Чуваша вѣрятъ, что есть Богъ, жи-

камъ и на его бѣдственной слабости къ сотовому меду. Впрочемъ всѣхъ чувашскихъ и черемисскихъ способовъ добывать его шкуру и не перескажешь. Замѣчу только, что многіе изъ нихъ можно назвать отчаянными, дерзкими до безразсудства. И доселѣ здравствуетъ въ Чувашландіи мой кумъ, старикъ *Юшка*, — Ювъ ли, или Юна настоящее имя его. — этого онъ и самъ не знаетъ, да и не интересуется этимъ. Но не въ имени дѣло. Вотъ какъ добывалъ онъ бывало шкуру и мясо Топтыгина: почувавъ приближеніе медвѣдя, онъ падалъ на землю, притворялся мертвымъ; медвѣдь подходилъ къ нему, обнюхивалъ, тормозилъ его, иногда невѣжничалъ надъ нимъ; а Юшка затаивалъ дыханіе до тѣхъ поръ, пока улучалъ самое удобное время разомъ распоротъ невѣждѣ брюхо ножомъ. Надобно впрочемъ, полагать, что это не всегда обходилось Юшкѣ даромъ, потому-что онъ крѣпко помѣть и изуродованъ.

вущій на небеси, видающій всѣ дѣла человеческія, не только импонирующій людямъ всякое добро, но и отвращающій всякое зло и потому достопоклоняемый, досточтимый; вѣрять также, что Богъ нераскаянныхъ грѣшниковъ наказываетъ разнаго рода несчастіями и лишеніями, а тѣхъ, которые обращаются къ нему съ молитвами объ отпущеніи грѣховъ, прощаетъ и благословляетъ богатствомъ и изобиліемъ. Потомъ Миллеръ рассказываетъ, что Чуваши признають существованіе діавола, виновника всякаго зла въ мірѣ, которому также молятся и поклоняются, чтобъ избавится отъ его навітовъ и козней. *Болшею оми се дѣль религій ничею незнають*, — заключаетъ Миллеръ. Но чрезъ нѣсколько страницъ далѣе утверждаетъ, что у нихъ есть малые божки, хранители и защитники особыхъ деревень и мѣстъ, что покровителемъ, на пр., Чебоксаръ и прилежащихъ къ этому городу чувашскихъ деревень считается богъ *бородонь*.*) Если къ этимъ извѣстіямъ Миллера присоединимъ еще его совершенно ложное, какъ увидимъ въ послѣдствіи, сказаніе о томъ, будто Чуваши въ будущемъ ничею ни надѣются, ни боятся; то получимъ все, что онъ сообщаетъ намъ о древней религіи Чувашъ. Не правда-ли, слишкомъ мало? — Въ *седьмой* и *восьмой* главахъ Миллеръ говоритъ о *религіозныхъ обрядахъ* и *святскихъ обыкновеніяхъ* описываемыхъ имъ народовъ. Между религіозными обрядами первое мѣсто занимають разумѣется жертвоприношенія и особенно тѣ, которыя совершаются въ кереметахъ. Описаніе устройства керемети у Миллера такъ темно, что его нельзя и понять. А сказаніе его, будто *у каждой семьи есть по одной собственной керемети, а у иной и болше*, — рѣшительно ложно**) и заставляетъ насъ или

*) Вѣроятно. искаженное Миллеромъ слово. Не сдѣлалъ-ли онъ его изъ чонъ-сіораданъ-тора или изъ сюдъ-сіораданъ-тора?

**) Можно полагать, что эта ошибка Миллера произошла отъ того, что онъ и его толмачъ не поняли другъ друга. Миллеръ спрашивалъ его о кереметахъ, т. е., о мѣстахъ, на которыхъ

отказать автору въ логической послѣдовательности, или наперекоръ дѣйствительности предположить, что въ чувашской сторонѣ неприступныя мѣста встрѣчаются сплошъ да рядомъ; потому что, по словамъ самого Миллера, *Чуваши служатъ свою службу въ мѣстахъ, къ которымъ, за пустыми лѣсами, не иначе, какъ съ преселемкою трудностію дойти можно*. О самыхъ жертвоприношеніяхъ толмачъ много сообщилъ невѣрнаго Миллеру, а Миллеръ — намъ. Съ чего, напр., взялъ онъ, будто одной керемети приносится въ жертву крупный скотъ? И за чѣмъ онъ говорить: *у нихъ нѣтъ никакой особенной дня, въ который бы они паче прочихъ къ отправленію божіей службы сходились* (стр. 43), а потомъ на страницѣ 55 самъ толкуетъ, опровергая Страленберга, о большомъ чувашскомъ праздникѣ, называя его годовымъ. Число ой-чука, синзи, моленія хлѣба и другихъ чувашскихъ праздникоу было подвижное; но развѣ отъ того они преставали быть праздниками, въ которые Чуваши паче прочихъ дней къ отправленію божіей службы сходились? Правда, что время приношенія жертвы злымъ богамъ не было опредѣлено, а зависѣло отъ произвола каждаго, или лучше отъ случайностей частной жизни Чувашенина. Но жертва богамъ добрымъ приносилось въ особо-назначенныя времена года. — Далѣе Миллеръ пишетъ, будто Чуваши не участвовали ни въ общественныхъ, ни въ частныхъ жертвоприношеніяхъ, и будто имъ не позволялось вкушать ни какой жертвенной яствы. Паласъ и Георги исклю-

приносится жертва керемети. А толмачъ подумалъ, что его спрашиваютъ либо о мѣстѣ жертвоприношеній вообще, либо о мѣстѣ домашнихъ частныхъ моленій, возсылаемыхъ добрымъ богамъ. Частныя жертвоприношенія Торѣ и другимъ добрымъ богамъ совершались преимущественно при *чукъ-ывысь*, т. е., при деревьяхъ, растущихъ на дворахъ чувашскихъ, близъ жилыхъ покоевъ. На каждомъ дворѣ, или точнѣе у каждой семьи непременно былъ собственный *чукъ-ывысь*, иногда одинъ, иногда два и болѣе. И теперь еще почти на каждомъ Чувашскомъ дворѣ найдете эти жертвенныя деревья. Чуваши не рубятъ ихъ, отчасти по суевѣрному страху, от-

чаютъ женщинъ изъ участія въ *однихъ* торжественныхъ жертвоприношеніяхъ въ керемети^{*)}. Г-жа Фуксъ утверждаетъ, будто на *моленіи синзи не бываетъ ни пива, ни вина, ни музыки, ни женщинъ, однимъ словомъ ничего соблазнительнаго*^{*)}. Все это неправда. Миѣ нѣтъ надобности цитоваться здѣсь Лепехинымъ и другими писателями, утверждающими совершенно противное и Миллеру, и Палласу, и Г-жѣ Фуксъ. Въ молодости я не одинъ десятокъ разъ бывалъ и на общественныхъ, и на частныхъ жертвоприношеніяхъ и всегда видѣлъ на нихъ женщинъ. Грѣшный человекъ, я особенно любилъ ходить на жертвоприношенія во время *ой-чука* и *синзи*, потому что у Чувашъ существовалъ похвальный обычай во время этихъ празднествъ позволять молодежи *чиоби тувасъ позеть-випре*, т. е., цѣловаться съ дѣвушками черезъ кончики тонко-перешитенныхъ лычекъ. — Въ главѣ: *о святскихъ поведеніяхъ, нравахъ и обыкновеніяхъ*, Миллеръ рассказываетъ объ обрядахъ, которые замѣняли у Чувашъ присягу, потомъ переходить къ обрядамъ, какіе совершаются у нихъ при рожденіи младенца, при бракосочетаніи, при похоронахъ, и въ заключеніе дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ ихъ играхъ и пляскахъ. — Къ *присиль* язычествующихъ Чувашъ приводили въ судахъ слѣдующимъ образомъ: Посоливъ^{*)} и воткнувъ на ножъ кусокъ хлѣба, іомся клалъ его въ ротъ присягающему, который, съѣдая хлѣбъ, говорилъ:

части по привычкѣ къ нимъ, а отъ части и потому, что онѣ освѣжаютъ воздухъ.

*) Pallas: Reise durch verschiedene Provinzen des Russ. Reichs. 1-г Th. 5. 88.—Впрочемъ Палласъ по собственному его сознанію (590) не бывалъ на общественныхъ, да вѣроятно и на частныхъ жертвоприношеніяхъ. Миллеръ для него — авторитетъ.

**) Записки о Чувашахъ стр. 23.

***) Извѣстно, что и Аравитяне въ знакъ присяги ѣли хлѣбъ съ солью. Вообще у восточныхъ народовъ соль служитъ символомъ ненарушимой вѣрности и твердости союза. У Моисея Іегова говоритъ Аарону: *Завяжи соли вѣчную есть предѣ Господомъ, и съмени твоему по тебѣ*. Чис. XVIII. 19.

»чтобъ мнѣ никогда этого не видѣть, если я лгу, или если не исполню своего слова.« Вступающимъ въ военную службу вмѣсто присяги давали посоленные куски хлѣба концами двухъ палатей, сложенныхъ крестообразно*). — На чувашскихъ *родинахъ* вся це-

*) Палласъ иначе рассказываетъ обрядъ чувашской присяги. По его словамъ, обвиняемаго въ какомъ-либо проступкѣ приводили въ кереметь и тамъ заставляли съ разными заклинаніями ѣсть яшку. Чтобы еще болѣе удостовѣриться, не ложно-ли онъ клянется, его принуждали пить соленую воду: если онъ, выпивъ воду, начиналъ кашлять; то это значило, что онъ виноватъ. Pallas: Reise, 1-г Th. S. 93. Палласъ хотѣлъ, кажется, пополнить Миллера, описавшаго только *судебную* и *служебную* присягу и оставившаго безъ вниманія присягу *очистительную*, весьма часто употреблявшуюся у Чувашъ вмѣсто суда, въ дѣлахъ частныхъ. Но Палласу о послѣднемъ родѣ присяги сообщили свѣдѣнія неточныя и невѣрныя. — У Чувашъ, сколько мнѣ извѣстно, было два вида *очистительной* присяги одинъ древній, чисто-языческій, другой полу-христіанскій. Вотъ въ чемъ состоялъ первый. Если Чувашенина подозрѣвали въ какомъ-либо проступкѣ, въ которомъ онъ однако же не сознавался; то его заставляли перешагнуть чрезъ сухую, зажженную съ обоихъ концовъ лутожку, которая нарочно для этой цѣли *кереметь-пыханаюмъ* (директоромъ, или почетнымъ смотрителемъ керемети) должна была вырублена въ керемети. Переступая чрезъ лутожку, онъ долженъ сказать: »да буду я также сухъ, какъ эта палка (пожить-юсси), если говорю неправду,« потомъ, прижавъ къ землѣ, выпить поставленный подлѣ лутожки стаканъ вина или соленой воды, поцѣловать землю и съѣсть съ конца ножа круто посоленный кусокъ хлѣба. Церемонія эта совершалась иногда на мірской сходкѣ, иногда внѣ села, въ виду керемети, но всегда непремѣнно въ присутствіи многихъ свидѣтелей. Другой видъ очистительной присяги не требовалъ такой торжественности. Если одинъ Чувашенинъ обвинялъ другого въ томъ, что онъ невыполнилъ даннаго ему обѣщанія, а тотъ утверждалъ, что вовсе не давалъ этого обѣщанія; то обвиняющій покупалъ немного вина и приводилъ обвиняемаго къ церкви. Послѣдній, взглянувъ на крестъ церкви, долженъ былъ сказать: *Тобада Торжениъ, каламанъ* (сй Богу, не говорилъ, не обѣщался!) и выпить стаканъ

ремени состояла, послованъ Миллера, въ нарѣченіи имени младенцу. Всего чаще его называли именемъ того, кто первый по разрѣшеніи родильницы войдетъ въ домъ"). — Богатые чуваша считали своихъ сыновей пяти или шести лѣтъ. Многоженство у нихъ было; но болѣе пяти женъ никто не имѣлъ. Законы род-

вина. Тѣмъ все дѣло и оканчивалось; обвинитель и обвиняемый по прежнему дѣлались пріятелями; а объ общаніи между ними не могло уже быть и помину. Этотъ родъ клятвы былъ въ большомъ употребленіи у Чувашъ. Но надо припомнить, что честное слово, скрѣпленное рукобיתемъ (ала барась), замѣняло у нихъ всѣ наши контракты, договоры, условія, заемныя письма, купчія крѣпости и т. п., вещи.

- *) Здѣсь Миллеръ дѣлаетъ заключеніе отъ части къ цѣлому. Только у бѣднѣйшихъ, у незапасливыхъ Чувашъ на родинахъ не было никакихъ церемоній, если онѣ случались въ страду, т. е., въ такое время, когда было не до варенья пива. А у достаточныхъ, слѣд. у большей части Чувашъ *всегда* соблюдались строго слѣдующія церемоніи: *вопервыхъ* родильницу посѣщали родные и знакомые, пили пиво и клали въ коргу (ковшъ) деньги на колыбель поворожденному. *Вотორыхъ* приглашался іомся, мужчина или женщина, смотря по полу новорожденного. Первымъ дѣломъ іомси было—лутожкою разбить надъ головою новорожденного два сырыхъ яйца, потомъ оторвать голову пѣтуху и выбросить все это за ворота. Это была неизбежная церемонія при трехъ важнѣйшихъ эпохахъ жизни человѣка: при рожденіи, бракосочетаніи и при смерти. Чуваша думали, что посредствомъ ней отгоняютъ шайтана отъ новорожденного, отъ новобрачнаго и отъ умершаго. Они внимательно наблюдали, станетъ-ли трепетать пѣтухъ послѣ того, какъ оторвутъ ему голову, или не станетъ. Если не станетъ трепетать, то это знакъ, что шайтанъ отогнанъ. Если же сѣнетъ, то заключали отсюда, что шайтанъ еще предстать лицу новорожденного, новобрачныхъ, умершаго. Въ такомъ случаѣ немедленно относили въ кереметь такъ называемыя *мамал-окси*, кереметныя деньги. *Въ третьихъ* іомся читалъ надъ ковшомъ съ водою заклинанія, углублялся въ созерцаніе ея, видѣлъ въ ней всю будущую судьбу новорожденного и нарекалъ ему имя, сообразно съ этими пророческими видѣніями.

ства при бракосочетаніи соблюдались строго. Непозволялось жениться: 1) на родныхъ сестрахъ, 2) на сестриныхъ и братинныхъ дочеряхъ, 3) на двухъ сестрахъ двумъ братьямъ, 4) на свояченицѣ при жизни жены. Замѣчательно, что у Чувашъ существовалъ еврейскій законъ *ужичества*, но только съ слѣдующимъ ограниченіемъ: оставшуюся по смерти большаго брата во вдовствѣ жену бралъ за себя меньшой братъ, но большой братъ не могъ жениться на вдовѣ меньшаго брата. — *Хоромили* Чувашенина непремѣнно въ томъ платьѣ, какое онъ носилъ; въ могилу съ покойникомъ клали всякій домашній скарбъ, котлы, ложки, ножи и проч. На могилахъ Чуваша ставили деревянные столбы. Поминки отправлялись у нихъ не въ домахъ, какъ у Черемисъ, но на кладбищахъ*), гдѣ закалалась и съѣдалась родственниками покойнаго его любимая лошадь, при чемъ много бывало плача, игры, пляски и питья. *Пласку* чувашскую Миллеръ называетъ беспорядочною. Изъ музыкальныхъ инструментовъ Чувашамъ извѣстны были тогда: 1) *гусли* (гуслѣ), перенятые, по словамъ Миллера, и Русскими, и Чувашами у Татаръ, какъ это доказываетъ татарское названіе ихъ**), 2) *волынка* (шипюръ, т. е., шибыръ) и 3) *варианъ* (кобызъ).

Къ концу книги Миллеровой приложенъ словарь на татарскомъ, черемисскомъ, чувашскомъ, вотацкомъ, мордовскомъ, перм-

*) Мы увидимъ послѣ, что Чуваша совершаютъ поминки и дома, и на кладбищахъ и притомъ — въ опредѣленные времена года.

**) Непонятно, какъ русскій исторіографъ могъ не знать, что *гусли* были извѣстны Славянамъ въ самой глубокой древности, задолго до знакомства ихъ съ Татарамъ. Гуслей мы ни отъ кого не перенимали: это инструментъ *всего свѣта*, какъ справедливо замѣчаетъ О. И. Сенковский. А наше названіе ихъ — чисто славянское, котораго корень *гусли* т. е., издаю гулъ; наст. гуду, сохранился во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

скомъ и зырянскомъ языкахъ съ русскимъ переводомъ. Можетъ быть, вотяцкія, мордовскія, пермскія и зырянскія слова у Миллера вѣрны, но чувашскія очень изуродованы. Кто въ Миллеровыхъ: *ассіе*, *экурти*, *ксно-арне*, *ссолъ*, *юлтанъ*, *бюхюръ*, *архинъ*, *обска*, *тарси*, *ссормъ*, *тилаъ*, *хамлышъ*, *херли-сирла*, *ссувъ* — узнаетъ чувашскія слова: *сизимъ* (молнія), *пуръ* (градъ), *киснепи-комъ* *) (четвергъ), *сіолъ* (дорога), *ылдымъ* (золото), *пымыръ* (мѣдъ), *арсинъ* (мужчина), *опушка* (мужъ, супругъ), *чора* (слуга), *сіортъ* (домъ), *тыина* (жеребенокъ), *хачъ* (ножницы), *сиръ-сирлы* (земленика), *сю* (масло)?? — Едва ли еще не больше искажены у него черемисскія слова. Такъ вмѣсто: *юшто* (студеный) онъ пишетъ: *юпта-шолоке*, вмѣсто: *куо* (высокій) — *жуша*; вмѣсто: *шилъ* (мясо) — *сімъ*; вмѣсто: *омтса* (дверь) — *омзіе*, вмѣсто: *кырашъ* (бить) — *кюрре*, вмѣсто: *шмизалъ* (соль) — *сюкъ-сѣлъ*, вмѣсто: *порребъ* **) (колодезь) — *люребъ*, вмѣсто: *ю-уикамъ* (коровье масло) — *скалю* и т. д.

Вотъ все, что находимъ о Чувашахъ въ авторахъ, описывавшихъ этотъ народъ до его обращенія въ христіанство! Очень немногое получимъ мы въ остаткѣ, если изъ этихъ описаній исключимъ все невѣрное и неточное. Но и за это немногое мы должны быть благодарны: лучше имѣть что нибудь, нежели ничего.

*) На книжномъ — я еще не успѣлъ, кажется, сказать, что и у чувашъ есть книжный языкъ, который состоитъ въ предпорядочномъ разладѣ съ разговорнымъ, живымъ — на книжномъ языкѣ чувашскіе стилисты растягиваютъ это слово такъ: *кизимъ-арни-комъ*, чтобы можно было сей часъ же видѣть его этимологическое производство и значеніе: *младшій*, т. е., послѣдній *день* *недѣли*.

**) Впрочемъ ни Черемисы, ни Чуваши, сколько я знаю, колодезь у себя не устраиваютъ. Черемисское *порребъ* и чувашское *люребъ* собственно значить *погребъ*. Этими же словомъ въ переносномъ смыслѣ они называютъ и русскіе колодези.

Обращаюсь теперь къ авторамъ, писавшимъ о Чувашахъ послѣ 1743 года.

Въ 1762 году вышла *Топографія Оренбургская* Петра Ивановича Рычкова. Въ ней находимъ слѣдующія этнографическія свѣдѣнія о Чувашахъ: Рѣка Кама по-чувашски называется Чолма^{*)}. Чолматы были Болгары. Слѣд. Татищевъ справедливо называетъ Чувашъ болгарскимъ народомъ. Наибольшее число ихъ живетъ въ казанской губерніи, а особенно въ свѣжскомъ и симбирскомъ уѣздахъ. До 500 семействъ чувашскихъ живетъ и въ оренбургской губерніи, а именно въ уфимской провинціи. Но по дѣламъ видно, что уфимскіе Чуваша изъ уѣздовъ казанскаго, курмышскаго и чебоксарскаго. Въ оренбургской губерніи ихъ называютъ юрными татарами^{**)}; но по языку они столь же отличаются отъ Татаръ^{***)}, какъ отъ Вотяковъ и Черемисъ. Закона у нихъ никакого нѣтъ: но Бога они исповѣдуютъ и приносятъ ему въ жертву лошадей, коровъ и овецъ^{†)}. — Большаго мы и не въ правѣ требовать отъ Рычкова: этнографія чувашская была для него дѣломъ второстепеннымъ, побочнымъ, чтобъ не сказать постороннимъ.

Спустя лѣтъ около десяти послѣ изданія топографіи Рычкова, вдругъ появляются въ свѣтъ пять описаній Чувашъ, и каждое изъ нихъ принадлежитъ перу академика. Въ 1768 — 1773 го-

*) Мы никогда не случалось слышать, чтобы Чуваша Каму называли Чолма.

**) Замѣчательно, что и Черемисы называютъ Чувашъ Куркъ Мари, юрные люди.

***) Нѣсколько разъ мы случалось замѣчать, что Татаринъ, хоть кое-какъ, не вполнѣ, не всецѣло, но понимаетъ Чувашенина, но Вотяка и Черемисинина — никогда.

†) Рычкова *Топографія Оренбургская*. Ч. I. стр. 187 — 189.

дахъ по повелѣнію Государыни Императрицы Екатерины II - я многіе изъ членовъ С. Петербургской Академіи наукъ отправлены были въ ученое путешествіе по разнымъ частямъ Имперіи, для описанія ея во всѣхъ отношеніяхъ и для разныхъ наблюденій. Изъ нихъ *Палласъ, Георги, Фалькъ, Рычковъ*, и *Лепехинъ* посѣтили и описали между прочимъ и здѣшній край. Они благосклонно удостоили своего вниманія и нашихъ Чувашъ. Правда Миллеръ былъ для нихъ — авторитетомъ. Вмѣсто того, чтобы повѣрять его описанія, они весьма часто ограничивались повтореніемъ сказаннаго имъ и такимъ образомъ утверждали и распространяли ложнымъ понятіемъ о бѣдныхъ Чувашахъ, — понятіемъ, которыя и доселѣ еще не перевелись. Но не смотря на свою излишнюю довѣренность къ Миллеру, они, или точнѣе первый и послѣдній изъ нихъ сообщаютъ намъ и нѣкоторыя новыя черты изъ жизни этого народа, иногда дополняютъ, иногда объясняютъ сказанія исторіографа. Надобно впрочемъ сказать, что это стоило имъ и большого труда. Посредниками между Чувашами и учеными ихъ описателями теперь были уже не Богъ знаетъ какіе толмачи, но довольно образованное по тогдашнему времени духовенство православное. Русскіе духовные, тотчасъ по крещеніи Чувашъ водворившіеся между ними, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ безъ сомнѣнія успѣли уже весьма хорошо познаться и съ языкомъ, и съ бытомъ, и съ обычаями новой своей паствы. Многимъ чувашскимъ священникамъ даже не нужно было и заботиться объ ознакомленіи съ нею; потому-что они сами были природные Чуваши, получившіе образованіе въ духовной семинаріи, состоявшей при Златономъ монастырѣ. Вообще ученые путешественники имѣли всѣ средства и пособія къ вѣрному и точному описанію здѣшняго края въ этнографическомъ отношеніи, и если мы находимъ промахи, ошибки, неточности въ ихъ описаніяхъ, то должны приписать это одной невнимательности гг. академиковъ къ своимъ обязанностямъ.

Палласъ *) находитъ, что Чуваши по языку своему, по образу жизни, по постройкѣ домовъ, по женскимъ костюмамъ очень походятъ на Татаръ. Самыя черты лица ихъ обнаруживаютъ сильную примѣсь татарской крови. Подобно Татарамъ они празднуютъ пятницу, которую называютъ *арня-кань* **), недѣльный день. Въ деревняхъ, населенныхъ приверженцами старой, языческой вѣры, сотни въ четвергъ вечеромъ обходятъ домы съ объявленіемъ, что наступающій день есть праздничный. Утромъ въ пятницу Чуваши совершаютъ обычныя молитвы предъ *ирихомъ* и во весь этотъ день предаются праздности и удовольствіямъ. *Ирихъ*, по словамъ Палласа и Георги, есть не иное что, какъ пучъ прутьевъ шиповника, связанный лыкомъ, на которое привѣшивался кусочекъ олова; это святыня, къ которой, по словамъ Палласа, никто не смѣлъ прикасаться, а по словамъ Георги, даже и приближаться (*so heilig geachtet werden, daß sich ihnen Keiner nähern darf* ***). — Чуваши въ домашней жизни опротивѣ Мордвы. Палласъ находилъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ — чистыя избы, топимыя по бѣлому, и замѣтилъ, что только самые бѣдные изъ нихъ спятъ не на перинахъ, но на войлокахъ и рогожахъ. — Кромѣ хлѣбопашества и скотоводства Чуваши съ особеннымъ успѣхомъ занимаются пчеловодствомъ; потому на пирушкахъ они употребляютъ какъ пиво, такъ и вареный медъ, но никогда — кумысъ, любимый напитокъ Татаръ. Палласъ считаетъ излишнимъ распространяться въ описаніи чувашскихъ свадебныхъ пиршествъ, на кото-

*) Pallas: Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. 1-г Th. S. 86 — 93.

**) Чувашское *арня*, недѣля происходитъ отъ *арясы*, освобождаться отъ работъ, удосуживаться, успокоиваться. Слѣд. *арня-кань* есть день покоя, суббота Еврейская.

***) Слѣд. и Палласъ и Георги подобно Г-жѣ Фуксъ случайное украшеніе *ириха* приняли за самаго *ириха*. Во второмъ письмѣ я объяснилъ, что такое были *ирихи*.

рыхъ лилось пиво, и отсылаетъ читателя къ Миллеру. За то онъ исправляетъ сказаніе Миллера о чувашскомъ разводѣ. Историографъ утверждаетъ, что недовольный своею женою Чувашенинъ лишалъ ее своего ложа, дѣлалъ своею работницею, — и вся недолга. Паласаъ рассказываетъ объ этомъ предметѣ иначе. Если мужъ былъ не доволенъ своею женою, то разрывалъ ея *сарпант* (головную повязку изъ длиннаго полотенца) на двѣ части; одну бралъ себѣ, а другую отдавалъ женѣ, которая въ-сгѣдъ за тѣмъ должна была оставить домъ своего мужа^{*)}. Это извѣстіе Паласаъ во всей силѣ подтверждаютъ и послѣдующіе писатели. — Приступая къ довольно подробному описанію чувашскихъ кереметѣй, Паласаъ говоритъ, что торжественное жертвоприношеніе *Торѣ* совершается въ нихъ *одинъ* разъ въ годъ, а именно, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, который потому Чуваша будто и называютъ *чукъ-омы*^{**)}. Въ это время они за одинъ разъ закаляютъ въ *масной* керемети:

*) И у Русскихъ въ старину при разводахъ *разрывъ холста* игралъ важную роль. *Рафаиль Барберини* въ XVI вѣкѣ описываетъ древній обрядъ развода въ Россіи, который состоялъ въ томъ, что мужъ съ женою приходили къ проточной водѣ, становились каждый на противоположной сторонѣ и, взявши за концы тонкую холстину, тянули ее до тѣхъ поръ, пока не разрывали, такъ что у каждого изъ нихъ оставалось по половинѣ холстины въ рукахъ. Послѣ того мужъ и жена расходились и дѣлались совершенно свободными. — И. М. Ситнирева: Русскіе въ своихъ пословицахъ, кн. II, стр. 63.

**) Здѣсь что ни слово, то ошибка. Во *первыхъ* торжественное жертвоприношеніе *Торѣ* совершалось не *одинъ* разъ въ годъ, какъ повѣствуетъ Паласаъ и г-жа Фуксъ (Зап. о Чув. стр. 76), а *нѣсколько* разъ. Во *вторыхъ* оно никогда не совершалось въ Сентябрѣ. Въ *третьихъ* мѣсяцомъ жертвоприношенія, *чукъ-омы*, называется не Сентябръ, а Декабръ. Въ *четвертыхъ* время приношенія жертвы въ *керемети* и *керемети* и торжественное жертвоприношеніе *Торѣ*, — это двѣ совершенно различныя вещи.

лошадь, быка, овцу *). Во время жертвоприношения они обращаются на восток съ молитвами къ Торѣ и съ частыми ему поклонениями. Кромѣ главнаго Бога, Торы, они молятся и другимъ нисшимъ, подчиненнымъ божествамъ. Палласъ сожалѣетъ, что изъ рассказовъ черни чувашской не могъ составить себѣ яснаго понятія ихъ демонологіи. Онъ узналъ только имена нѣкоторыхъ боговъ, каковы: *кереметь*, самое главное божество носіѣ Торы, *Аслмыр* (вѣроятно, либо *Асладій*, либо *Асланра-торь*), *Кенмир* **), *Пюлюхем*, *Сюрданъ* (вѣроятно, либо *чонъ-сюрданъ*, либо *сходъ-сюрданъ-тора*, т. е., Миллеровъ *бороданъ*), *Сирь* (вѣроятно, *Сирь-асше*, либо *Сирь-амыжъ*), *Сюль-сюрень-ирзамъ*, *Херле-сирь*, *Кебе*. — Можетъ быть, замѣчаетъ Палласъ, кромѣ этихъ божествъ есть еще и другія; изслѣдованіе ихъ свойствъ было бы любопытно. Замѣчательно, напр., то обстоятельство, что по мнѣнію Чувашъ у многихъ боговъ ихъ есть жены и дѣти, и что съ молитвами къ такимъ (т. е., семейнымъ) божествамъ Чуваша обращаются по трижды, восклицая: Тора-отецъ, или — кереметь-отецъ! помилуй! Тора-мать, или — кереметь-мать! помилуй! Дѣти-Торы, или дѣти-керемети! помилуйте!

Георги ***) пишетъ, что Чуваша сугъ многочисленный народъ, который хотя большею частію обращенъ въ христіанство, но до-

*) Лошадь, быка и овцу заколали съ селѣй керемети! Ужъ нейдетъ ли тутъ рѣчь объ жертвѣ въ *соборъ-керемети*, о богомольѣ общемъ, на которое собиралось до 10 деревень и болѣе? Ну есть тутъ чѣмъ помазать глаза одной лошадыю, однимъ быкомъ и одной овцою. Да этого мало и для одного околodka изъ 10 семействъ. Василій Ивановичъ можетъ цѣлую недѣлю довольствоваться двумя небольшими *инчами*, да ко-роваемъ хлѣба; но ужъ если примется ѣсть на раздольѣ, то ѣсть чрезвычайно основательно...

• **) Какого бога Палласъ передѣлалъ въ *Кенмира*, — отгадать мудрено.

***) Joh. Gottl. Georgis Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. Zw. Band. S. 849 — 857.

селѣ удержалъ свой, происходящій отъ финскаго(?) языкъ, свои обычаи, свой національный костюмъ, свои суевѣрія и даже мѣста древнѣйшаго своего жительства*). Только въ образѣ жизни этого народа произошла весьма важная перемена: изъ номадовъ Чуваши сдѣлались осѣдыми земледѣльцами; впрочемъ они и доселѣ еще презираютъ(?) города и живутъ въ небольшихъ деревняхъ**). По наружности Чуваша болѣе похожи на Татаръ, и въ нравственномъ характерѣ совершенно сходны съ Черемисами. только умомъ тупѣ послѣднихъ***). Домашняя экономія ихъ стѣснена до самой послѣдней степени†): отъ того они и живутъ и ѣдятъ,

*) Последнее — неправда. У здѣшнихъ Чувашъ есть преданіе, что предки ихъ, — очень много лѣтъ тому назадъ, — пришли съ юга: изъ-за Симбирска.

**) Что Георги хотѣлъ этимъ сказать и доказать? Если ту мысль, что недалеко еще время, когда Чуваша были народомъ кочевымъ, то мысль эта ошибочна. Они издавна, можетъ быть еще до татарскаго владычества, вели жизнь осѣдную и, занимаясь главнымъ образомъ скотоводствомъ и звѣроловствомъ, не чуждались и земледѣлія. Это видно между прочимъ и изъ ихъ древнихъ религиозныхъ установленій, напр., изъ праздника *моленія хлѣба*, изъ времени *ой-чука* и проч.

***) Это неправда. *Луговые* Черемисы грубѣе Чувашъ и ниже ихъ въ нравственномъ отношеніи. *Горные* крѣпче, виднѣе, развѣнѣе своихъ луговыхъ единоплеменниковъ, но не выше Чувашъ въ умственномъ отношеніи.

†) И хлѣба, и скота, и пива, и меда у Чувашъ всегда было вдоволь. Одними остатками годоваго запаса доброй чувашской сѣмьи можно бы при нуждѣ цѣлый годъ прокормить два нѣмецкихъ крестьянскихъ семейства. Чуваша далеко запасливѣе русскихъ крестьянъ. Тотъ, у кого стѣстной провизіи заготовлено всего на одинъ годъ, у нихъ считался уже недостаточнымъ крестьяниномъ. А совершенныхъ бѣдмаковъ, людей, что называется, безъ двора между ними не было, да и нѣтъ. Никогда, ни въ деревнѣ, ни въ городѣ не увидите вы нищаго — Чувашенина. Одѣвается Чувашенинъ нещеголовато, — это правда: да вѣдь тутъ свой расчесть. Иной

и одѣваются — грязно. Некрещенные употребляютъ въ пищу всѣхъ хищныхъ звѣрей, птицъ, даже падалъ; крещенные хотя и болѣе разборчивы въ пищу, но и они ѣдятъ лисидъ *). — Описаніе чувашской свадьбы у Георги преисполнено ошибокъ, иногда очень странныхъ. Приведу нѣсколько примѣровъ. Георги въ отдѣлѣ о маломъ свадебномъ поѣздѣ, который онъ называетъ *Kostenes Kajaz***), говоритъ, что для уплаты калыма женихъ и его родители приѣзжаютъ въ домъ невесты, привозя съ собою нѣсколько пшеничныхъ хлѣбовъ ***). Что же дѣлаетъ тогда отецъ невесты?

Василій Ивановичъ, пожалуй, сошилъ бы себѣ синій кафтанъ, купилъ бы и сапоги съ морозомъ (со срипомъ) точно такіе, какъ у волостного писаря, да вотъ бѣда: о человѣкѣ въ такомъ пышномъ нарядѣ нельзя не подумать, что онъ — богатъ; а подумаютъ добрые люди, — смотришь, — и притащутъ тебѣ сухую бѣду. Слѣд. благоразумнѣе не вылезать изъ благословенной сермяги и заветныхъ онучъ. — Правда также, что тѣ изъ чувашскихъ домовъ, которые топятся по черному, грязноваты; но Чуваша живутъ въ нихъ только зимою; во все остальное время года они помѣщаются въ холодныхъ строеніяхъ, на дворѣ, которые обыкновенно бываютъ и лучше устроены, и чище содержимы, чѣмъ русскіе дворы.

*) Чтобы Чуваша ѣли всѣхъ хищныхъ звѣрей, всякую птицу даже падалъ, — это неправда; медвѣжье и лисье мясо они ѣли, да такъ, что и самъ Георги не побрезговалъ бы имъ. Но чтобы они употребляли въ пищу падалъ, — для этого надобно бы предположить, что для нихъ мясо колотой скотины было — невидаля. Между тѣмъ несомнѣнно извѣстно, что цѣны на говядину и на дичину у Чувашъ были чрезвычайно низки. Въ около 25 тому назадъ я покупалъ на чувашскихъ базарахъ рабчиковъ по 4 коп. мѣди за штуку. Да и эта цѣна считалась тогда высокою: значить, прежде была еще ниже.

**) *Kajaz* — итти, а *kostenes* если не русское *юстиницы*, то не знаю что.

***) Не нѣсколько, а множество хлѣбовъ, медъ и пиво. Но хлѣбы играли особенно важную роль: они замѣняли у Чувашъ мѣсто нашихъ пригласительныхъ билетовъ.

*Кладеть, по словамъ Георги, хлѣбы на столъ, идеть въ баню, парится, моется, потомъ беретъ хлѣбы, да три ложки съ медомъ выходитъ на дворъ для жертвоприношенія Торъ и Торъ-амыжа *)*. Авторъ очевидно хотѣлъ посмѣшить читателей, выставивъ въ каррикатурномъ видѣ чувашскіе обряды: что же можетъ быть смѣшнѣ домохозяина и притомъ отца невѣсты, который до такой степени обрадовался гостямъ, что сей часъ же спѣшить укрыться отъ нихъ въ банѣ? Другой примѣръ. Георги разсказываетъ, что когда женихъ съ музыкою и съ пѣснями ведетъ свою невѣсту изъ дому ея родителей, то къ его поѣзду тотчасъ же, какъ вѣбалоощные, пристають жители тѣхъ деревень, черезъ которыя ему лежитъ путь, *взявъ* однакоже для празднованія чужой свадьбы *собственные сытные и питейные припасы ***). Такъ и

*) Жертву эту приносилъ не невѣстинъ, а жениховъ отецъ и самъ женихъ. Для этой пѣли они накупаютъ поѣзда и должны были вымыться въ банѣ, потомъ пригласить къ себѣ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ односельцовъ, выбрать изъ нихъ дружку, поддружье и прочихъ поѣзжанъ, угостить какъ избранныхъ, такъ и все ообрание; а на другой день ѣхать къ невѣстѣ со всею свитою.

**) Авторъ и здѣсь передѣлалъ по своему сообщеннымъ ему свѣдѣніямъ. Дѣло вотъ въ чемъ: если женихъ былъ изъ одной деревни съ невѣстою, то поѣздъ его останавливался у нѣсколькихъ ближайшихъ его родственниковъ, въ которыхъ отъ него были посланы пшеничные сговоренные хлѣбцы, и которые, угостивъ поѣзжанъ, приставали къ нимъ и отправлялись на брачный пиръ. Если же невѣста и женихъ были не изъ одного селенія, то свадебный поѣздъ дѣлалъ привалъ въ двухъ или трехъ лежащихъ на пути деревняхъ, у родныхъ или близкихъ знакомыхъ жениха, получившихъ отъ него въ знакъ приглашенія на свадьбу, и пшеничные хлѣбцы, и долженствовавшихъ на свадьбѣ отъ новобрачной получить либо питую рубашку, либо другой какой-нибудь подарокъ. Угостивъ поѣзжанъ, они сами присоединялись къ поѣзду, захвативъ для *дороги* недопитое пиво и недоѣденныя яства. Вотъ и все! Теперь посмотрите, что изъ этого сдѣлалъ Георги?...

ждешь, что знаменитый натуралист прибавить: вѣдь Чуваши — не люди, а стадо овецъ, изъ которыхъ если одну принудите перепрыгнуть черезъ поставленную передъ нее палку, то непременно станутъ на томъ же мѣстѣ прыгать и всѣ другія за ней идущія, хотя бы палки передъ ними уже не было. — Такія же невѣрности находимъ у Георги и въ описаніи чувашскихъ похоронъ и поминокъ. И о древней религіи чувашской онъ сообщаетъ свѣдѣнія очень скудныя, да вдобавокъ сбивчивыя. Онъ насчитываетъ 8 божествъ добрыхъ: *Тора, Тора-Амыжа, Кереметь??), Пюлюкси, Херле-Сирь, Пшамбарь, Сирь, Кебе*; а злыми божествами призываетъ: 1) *шойтана*, совершенно отдѣляя его отъ керемети, 2) *лѣцаю*, называя его *обито**). Чѣмъ отличается одно доброе божество отъ другого, какія характерическія свойства каждаго изъ нихъ, — объ этомъ не находимъ мы у автора ни полслова. Вообще Георги самый невѣрный, самый поверхностный описатель Чувашъ: онъ не выкупаетъ подобно Миллеру своихъ ошибокъ ни однимъ новымъ и дѣльнымъ извѣстіемъ**).

Фалькъ также не сообщаетъ ничего замѣчательнаго о Чувашахъ. Николай Петровичъ Рычковъ упоминаетъ о нихъ только мимоходомъ, повѣствуя очень подробно о Черемисахъ. Авторъ утверждаетъ, что Чуваши, Черемисы и Вотяки суть коренные жители страны между Камою и Уральскими горами и что они суть прямые и законные потомки древнихъ Скифовъ и Сарматовъ***).

*) О богѣ *Обито* я ничего не слыхалъ отъ Чувашъ. Не принялъ ли Георги названіе обезьяны за названіе божка лѣсного. Обезьяна по чувашски — *обыде*.

**) Непонятно, какъ авторъ *Записокъ о Чувашахъ* могъ сказать: изъ всѣхъ писателей, повѣствовавшихъ о Чувашахъ, я считаю Георгія лучшимъ. Стр. 121.

***) Рычкова: Журналъ или Дневныя Записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. Стр. 29 — 30.

Иванъ Ивановичъ *Лепехинъ* вѣрно изобразилъ домашній бытъ Чувашъ^{*)}: только весьма немногія черты его изображенія относятся не ко всему этому народу, а принадлежать собственно тѣмъ Чувашамъ, которые живутъ по рѣкѣ Черемшану и которыхъ преимущественно наблюдалъ и изучалъ почтенный академикъ. Но въ описаніи обычаевъ этого народа онъ часто сдѣлываетъ Чувашъ съ Мордвою, и такъ какъ не все, что характеризуетъ послѣднюю, можетъ быть приписано и первымъ, то авторъ или напѣренно вводитъ читателя въ ошибку, заставляя его Чувашамъ приписывать обычаи мордовскіе, а Мордвамъ — чувашскіе, или напѣренно обобщаетъ нѣкоторыя описанія, сглаживаетъ рѣзкія, отличительныя народныя особенности, чтобы только поставить оба народа подъ одинъ уровень. *Первою* рода ошибку находимъ въ статьяхъ автора, подъ рубриками: *о состояніи Морды и Чуваши по крещеніи; объ обрядахъ при родинахъ; о свадьбахъ; о похоронахъ*^{**)}. Читая эти статьи, незнакомый лично съ инородцами здѣшняго края не пойметъ, что въ нихъ относится къ Мордвѣ и что къ Чувашамъ. *Второю* рода ошибку находимъ въ статьяхъ: *о коренной Чувашской и Мордовской вѣрѣ; о богомольныхъ обрядахъ; о времени богомолья; о частныхъ богомольяхъ; пендія о вѣрѣ*^{***)}. Здѣсь авторъ торопливо отдѣливается одними общими мѣстами, и, чтобы быть вѣрнымъ своимъ рубрикамъ, опасается вдаваться въ частности, въ характерныя особенности вѣрованій того и другого народа. Но то, въ чемъ действительно сходствовали Чувашъ съ Мордвою и что равно принадлежало тому и другому народу, изображено у нашего автора почти во всѣхъ отношеніяхъ вѣрно. Таково, напр., его описаніе *керемети*. Съ начала текущаго столѣтія у Чувашъ,

*) Дневныя Записки путешествія Ивана Лепехина. Ч. 1. стр. 117 — 154.

**) Дневныя Записки путешествія Лепехина ч. 1 стр. 168—178

***) Ibid стр. 162 — 167

говоря строго, уже не было кереметей: на нашей памяти этимъ именемъ назывались овраги и рощи, не отличавшіеся рѣшительно никакимъ особеннымъ признакомъ, свойственнымъ священному мѣсту. Не такъ было въ старину. Для любопытныхъ заимствуемъ изъ *Лепехина*, *Палласа* и неизвѣстнаго автора *Сѣвернаго Архива* описаніе устройства старинной керемети. Но прежде всего скажемъ, что тѣ ошибаются, которые вмѣстѣ съ г-жею Фуксъ*) думаютъ, что кереметь у *Чуваши* есть то же, что у насъ приходе, или вмѣстѣ съ *Миллеромъ* и *Георги* полагаютъ, что это есть мѣсто *должна торжественную* или общественную жертвоприношенія. — Нѣтъ, это мѣсто жертвоприношенія злымъ и только злымъ духамъ, потому что *Торъ* и прочимъ добрымъ богамъ жертвы приносились или на открытомъ полѣ, или въ домахъ.

Кереметью или *кразомъ* по имени главнаго злого духа *чуваши*скаго называлась четырехугольная площадь, огороженная заборомъ въ ростъ человѣческой; въ длину этотъ заборъ отъ запада къ востоку имѣлъ отъ 40 до 60 сажень, а въ ширину отъ сѣвера къ югу — отъ 30 до 50 сажень. Въ керемети было трое воротъ: восточныя, западныя и сѣверныя. Въ сѣверныя приносилась необходимая для жертвоприношенія вода; въ западныя входили и выходили люди; а въ восточныя могли проходить только жертвенныя животныя. Совершивъ надъ ними входную молитву у восточныхъ воротъ, іомся и старѣйшины отводили ихъ къ сѣвернымъ. Здѣсь прежде всего водою испытывали достоинство жертвенныхъ животныхъ. На нихъ лили холодную воду до тѣхъ поръ, пока они своимъ трепетаніемъ доказывали присутствіе при нихъ керемети и ея благоволеніе къ жертвѣ**). Узнавъ такимъ образомъ,

*) Записки о Чувашихъ, стран. 76.

**) Если послѣ всѣхъ обливаній животное не вздрагивало, то его зарѣзывали внѣ керемети. Мясо его не считалось идолжертвеннымъ, хотя иногда съѣдалось и въ керемети.

что животное приятно керемети, тотчас закалала его, снимали съ него кожу, отдѣляли его голову и внутренности отъ жертвеннаго мяса и послѣднее раздѣляли на столько частей, сколько было богомольцевъ. Части эти по ихъ омытію относились іомсею на жертвенникъ, который былъ не иное что, какъ столъ длиною отъ сѣвера къ югу въ полторы сажени, а шириною отъ запада къ востоку въ полтора аршина. Онъ устраивался обыкновенно по правую сторону западныхъ воротъ сажень на шесть дальше отъ забора къ востоку. По обѣимъ сторонамъ жертвенника было врыто по два столба съ перекладинами, на которыя вѣшались котлы для варенія мяса жертвенныхъ животныхъ и которыя посредствомъ особыхъ отводинъ соединялись съ навѣсомъ, находившимся надъ жертвенникомъ. Чуваши вѣрили, что на жертвенникѣ во время ихъ молитвъ присутствуетъ Богъ, которому приносится жертва, а на отводинахъ его семейство. Моленіе начиналось тогда, когда іомси и старѣйшины опускали въ котлы съ водою мясо жертвенныхъ животныхъ, ихъ сычуги, наполненные жиромъ, крупю и кровью, соль и крупу, и когда дымъ отъ горящихъ подъ котлами дровъ сгущался около жертвенника. Положивъ шапки подъ лѣвую руку, Чуваши становились въ нѣсколько рядовъ около жертвенника и съ частыми поклонами просили кереметь-отца, кереметь-мать, дѣтей керемети и прочихъ злыхъ духовъ о помилованіи, объ избавленіи отъ горя, печали, болѣзней, отъ сухой бѣды*).

*) Сухая бѣда (*ширъ шаръ*) — всякое незаслуженное несчастье, всякое бѣдствие, котораго исходный пунктъ находился не въ волѣ и не въ дѣятельности бѣдствующаго. Засуха истребить прекрасные всходы хлѣба, лошадь падеть у Чувашенина, корова сгинетъ, умереть безъ исповѣди старикъ-отецъ, старуха-мать, либо взрослый сынъ, мертвое тѣло, неизвѣстно какъ и откуда явится на сельскомъ погостѣ, — все это сухая бѣда. Но въ тѣснѣйшемъ смыслѣ техническій терминъ: тащить человеку сухую бѣду, значитъ заставить его потерять неза-

Моленіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока куски мяса обыкновенно очень большіе совершенно уваривались, а иногда и долѣе, смотря по распоряженію іомси, который провозглашалъ молитвы, повторяемыя народомъ. На западъ отъ жертвенника и отъ мѣста, гдѣ варилося жертвенное мясо, почти у самого забора керемети тянулось крытое зданіе, имѣвшее только три стѣны — западную, сѣверную и южную, а къ востоку совершенно открытое. Въ немъ Чуваши ѣли мясо жертвенное, сидя на лавкахъ, устроенныхъ вдоль западной и отчасти сѣверной и южной стѣны, и имѣя лица, обращенныя на востокъ, какъ и во время моленья. Черемисы имѣли обязанность сѣсть хоть черезъ душу все идоложертвенное. Чуваша напротивъ остатки жертвеннаго мяса уносили домой и изъ нихъ приготовляли ширтанъ. По окончаніи трапезы Чуваша сжигали на мѣстѣ жетровоприношенія внутренности животныхъ и нѣкоторыя ихъ кости. На деревья, растущія въ керемети, они вѣшали, какъ мы сказали выше, головныя и ножныя кости, и также кожи животныхъ, нѣкоторыя на время, а другія навсегда. Въ дупло одного или двухъ деревь въ керемети, а иногда и въ нарочно-устроенный для того ящикъ каждый приносящій жертву клалъ деньги, смотря по своему достатку. Деньги эти назывались *мамала-окси* (*окси*, или *окея* отъ татарскаго *акча*, деньги, а *мамала* — отъ арабскаго *маля*, имущество, либо отъ словъ: *ма* *мала*, то, что имѣеть кто-нибудь). Выходящія за мужъ дѣвки кромѣ обыкновенныхъ жертвъ приносили въ кереметь и вѣшали на деревьяхъ по аршину холста своего тканья. Все имущество керемети считалось священнымъ, неприкосновеннымъ; ни дѣсу рубить, ни травы косить, ни звѣрей бить въ ней не дозволялось. Смотрѣніе за цѣлостію и сохранностію ея поручалось обществомъ вы-

служенное парѣканіе, или, еще тѣснѣе, ни за-что, ни про-что отдать его подъ судъ, запутать въ судебное слѣдствіе.

борному, доверенному человеку, называвшемуся *кереметь-пыханак* (почетный смотритель керемети). Впрочемъ всѣ заданія, находившіяся въ ней, ни подъ какими предлогами не могли быть поправлены или починованы: кажется, что дальновидные Чуваши опасались искушать безкорыстныхъ директоровъ или смотрителей керемети во вредъ ея пансіонерамъ *). Когда заданія керемети приходили въ совершенную вѣтхость, то ѳамси сожигали ихъ и потомъ приказывали построить новымъ по образцу прежнихъ.

Многіе изъ стариковъ—Чуваши помнятъ еще древнее устройство керемети. Къ нимъ-то обращался я съ моими распросами и недоумѣніями, когда находилъ разворѣчіе у Палласа, Лепехина и неизвестнаго автора Сѣвернаго Архива

Послѣдній изъ упомянутыхъ авторовъ есть также писатель XVIII вѣка и если не предшественникъ, то современникъ Палласа и Лепехина. Хотя статья его о *Чувашахъ* напечатана только въ 1827 году; но по утѣренію издателей Сѣвернаго Архива, которые уже сами подновили ея слогъ, она написана такимъ языкомъ, каковы у насъ писали въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Не можемъ, да и не имѣемъ внимательнейшей причины не вѣрить свидѣтельству такихъ много-опытныхъ знатоковъ исторіи отечественнаго языка, какоры ег. Грець и Булгаринъ, хотя и горько сѣгнемъ на нихъ *во перерыхъ* за то, что они, плохо зная чувашскій языкъ, а можетъ быть (чего добраго!) и ничего въ

*) Миллеръ пишетъ, что Чуваши въ старину *мамал-окси* употребляли между прочимъ на *общественныя расходы* (стр. 61). Можно догадываться, какіе это были общественные расходы. Калеки, бѣдняки, лишенные физической возможности добывать себѣ пропитаніе, называются у Чувашъ *мамалл*. Вѣроятно это названіе они получили отъ того, что значительная часть *мамалл-окси* шла на нихъ, какъ на пансіонеровъ керемети.

нѣтъ не смысла, дозволили варвару - типографщику безпощадно изуродовать самыя благозвучныя, самыя отборныя Чувашскія фразы. А *eo storum* за то, что они необъяснили, какимъ образомъ и отъ кого досталась имъ эта апокрифическая статья. А она стоила того: это есть лучшее произведеніе изъ всего, что доселѣ писано о Чувашахъ. Правда многіе обычаи, обряды и учрежденія, въ этой статьѣ упоминаемыя, теперь уже не существуетъ, — многія боже-ства, о которыхъ она рассказываетъ, теперь уже забыты и не-крещеными Чувашами; но тѣмъ-то въ особенности она и драгоценна, что сообщаетъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія о древнихъ обы-чаяхъ, о древней религіи этого народа. Авторъ не мимоходомъ взглянулъ на свой предметъ, какъ вышеупомянутые путеше-ственники и нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей, но изучилъ его со-вершенно. Примѣтно, что онъ долгое время жилъ среди Чувашъ и былъ знакомъ съ ихъ языкомъ и притомъ съ ядринскимъ его нарѣчіемъ, какъ это доказываютъ нѣкоторыя грамматическія осо-бенности его чувашскихъ фразъ. Обстоятельство не совсѣмъ мало-важное: нарѣчіемъ этимъ говорятъ въ уѣздахъ ядринскомъ, буин-скомъ, курмышскомъ и отчасти цивильскомъ, т. е., въ тѣхъ мѣ-стахъ, въ которыхъ Чуваша живутъ почти совершенно отдѣльно, не смѣшиваясь съ другими инородцами, и въ которыхъ долѣе, чѣмъ въ другихъ сохранялись старинныя обычаи. Въ этихъ мѣ-стахъ не былъ ни одинъ изъ помннутыхъ нами академиковъ. Мо-жетъ быть, и самыя мѣстныя условія знакомства нашего автора съ Чувашами, независимо отъ другихъ его преимуществъ, доста-вили ему возможность далеко подробнѣе и вѣрнѣе академиковъ описать этотъ народъ. — Для насъ особенно интересны его извѣ-стія о древней демонологіи Чувашъ. Онъ насчитываетъ добрыхъ Чувашскихъ боговъ до 31; но изъ этого числа двухъ боговъ гг. Гречь и Булгаринъ исключили, можетъ быть, за неблагозвуч-ное, либо неразборчиво написанное ихъ названіе, а можетъ быть

и по своему убѣжденію въ томъ , что для каждаго порядочнаго язычника довольно уже и 29 боговъ^{*)}). Что касается до меня, то я, пожалуй, сократилъ бы и это число. Злыхъ боговъ у Чувашъ такъ много , что нельзя и перечислить ихъ именъ; авторъ ограничивается раздѣленіемъ ихъ на главныхъ , среднихъ и малыхъ. Нѣкоторые ошибки , вкравшіяся въ сказаніи автора объ этомъ предметѣ , каковы , напр., толки его объ особой керемети , подъ названіемъ *мамала* , или повѣствованіе объ ирихѣ , или разсказъ объ апотеозѣ какого-то Чувашенина *Чемена* , который , сколько можно понять изъ словъ нашего автора , хотѣлъ между Чувашами разыграть роль возражающагося Далай-Ламы или покрайней мѣрѣ Кутухты , — произошли или отъ того , что онъ недостаточно выразумѣлъ сообщенныя ему свѣдѣнія , или отъ того , что вдавался въ произвольныя ихъ толкованія. Но за то авторъ съ надлежащею подробностью и отчетливостію описываетъ , какая жертва приносилась тому или другому доброму богу и какая — злымъ. Я нарочно читаю нѣкоторымъ старинамъ это описаніе: имена однихъ боговъ они совсѣмъ непонимали , названія другихъ смутно помнили. Но когда доходило дѣло до обрядовъ и жертвъ памятнаму или непамятнаму богу , то всѣ мои слушатели единогласно подтверждали совершенную справедливость словъ автора; только никакъ не могли повѣрить , чтобы'это писалъ Русскій , а не Чувашанинъ и притомъ не *юмса*. Вотъ Вамъ и критика , да еще какая? Шутка-ли: писано самимъ *юмсой*?.. Да лучшей похвалы сочиненію на свѣтѣ , я думаю , и быть не можетъ!

Въ 1799 году изданъ на русскомъ языкѣ во многомъ противъ подлинника исправленный переводъ *Георгіева описанія вѣсь*

*) Въ Сѣверномъ Архивѣ при исчисленіи Чувашскихъ боговъ , за *первымъ* и *вторымъ* прямо слѣдуетъ *плтый*. Впрочемъ знакому съ чувашскою міеологіею не трудно отгадать , какія именно божества здѣсь пропущены.

обитающих въ Россійскомъ Государствѣ народовъ. Здѣсь, въ статьѣ о Чувашахъ, исправлено очень не многое, а новыхъ невѣрностей внесено довольно. Такъ, напр., намъ рассказываютъ, будто *чуктоа* по чувашски значить — разумный старикъ, будто *ой-чукъ* есть благодарственная жертва, приносимая въ *керемети* (по-русски это выдегъ такъ: *полевая* жертва, приносимая въ *лѣсу*), будто у Чувашъ есть какіе-то кереметные праздники и т. д.

У Федора Христіановича Эрмана, въ его *Beiträge zur Kenntniß des Innern von Rußland* (изд. въ 1822 году) находимъ нѣсколько дѣльных замѣчаній о Чувашахъ. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ его фیزیологическія доказательства въ пользу предположенія, что Чуваши суть народъ финскаго происхожденія. Объ этихъ доказательствахъ мы будемъ говорить подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Въ 1829 году напечатаны были въ Казанскомъ Вѣстникѣ двѣ статьи о Чувашахъ; но въ обѣихъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Антагонизмъ обоихъ авторовъ обращенъ — на пустяки.

Въ Статистическомъ описаніи Саратовской губерніи Г. Леопольдова, изданномъ въ 1839 году, мы предполагали найти интересные свѣдѣнія о Чувашахъ, потому что саратовскіе Чуваши, живущіе въ уѣздахъ кузнецкомъ и петровскомъ, во многомъ, какъ мы слышали, разнятся отъ здѣшнихъ своихъ единоплеменниковъ. Но, увы! г. Леопольдовъ свою статью о Чувашахъ цѣликомъ взялъ, или, какъ нынѣ обыкновенно говорятъ, *завоевалъ* у описывавшаго нашихъ же Чувашъ Палласа, не чихнувъ даже ему въ знакъ благодарности. Это бы впрочемъ еще не бѣда, если бы г. Леопольдовъ только просто завоевывалъ, но посудите сами: онъ портить, онъ уродуетъ; онъ выворачиваетъ наизнанку бѣднаго

Палласа. Въ Чувашахъ, говоритъ г. Леопольдовъ, — есть еще слѣды идолопоклонства. Они помнятъ боговъ своихъ: Керемети, Азлыра, Кенира, Пюллыса, Сира, Сюленорена-Ирзене, Хилзира-Кебе и пр. — Вотъ это и значить отподчивать пріятеля! Въ Сентябрь мѣсяцъ, который Чуваши называютъ Чухунасъ (ужъ лучше бы: чухъ у Васъ)! они приносятъ въ благодарность великую жертву, закалываютъ въ большомъ кереметѣ въ одно время лошадь, быка и барана. — Это уже значить заколотъ пріятеля. Но и этого мало г. Леопольдову. Потрудитесь припомнить замѣчаніе Палласа, что у многихъ боговъ Чувашскихъ есть жены и дѣти, и что къ такимъ (т. е., семейнымъ) богамъ Чувани въ своихъ молитвахъ обращаются по трижды, призывая бога-отца, бога-мать и ихъ дѣтей. Вотъ какъ изуродовалъ это мѣсто г. Леопольдовъ: примѣчанія, говоритъ онъ, достойно, что Чуваши называютъ (у Палласа dreimal anrufen) три(???) божества: Торъ или Кереметъ-амъ — Богъ-Отецъ, Кереметъ-Амъсе — Богъ-Мать, Кереметъ-Цевли (у Палласа: Uewli, правильнѣе, ывылъ-замъ) — Богъ-Сынъ, впрочемъ не могутъ ни объяснить, ни доказать, откуда заимствовано и на чемъ основано понятіе объ этомъ. — Въ одномъ только мѣстѣ г. Леопольдовъ говоритъ о Чувашахъ а sc. Палласъ сказалъ, что у большей части ихъ непременно есть gute Federbetten, und nur die Ärmsten schlafen auf Matten, welche sie von Wasserplumpen (typha pallustris) zu diesem und andern ökonomischen Gebrauch verfertigen, — и это правда. Г. Леопольдовъ повѣствуетъ, что у Чувашъ постели скудныя, сплетенныя изъ травы, — и это, съ позволенія сказать, чистая ложь*).

Въ 1840 году изданы *Записки о Чувашахъ* А. А. Фукса. Я уже сказалъ мое мнѣніе о нихъ; не отказываюсь отъ него

*) Статистическое описаніе Саратовской губерніи Андрея Леопольдова. Ч. I. стр. 41 — 46.

и теперь. Книга г-жи Фуксъ въ свое время была пріятнымъ явленіемъ уже и потому, что подала О. И. Сенковскому поводъ написать рецензію, которая вышла (какъ это нерѣдко случается съ его рецензіями) дѣльнѣе самой книги. Но тѣже *Записки о Чувашахъ* ввели въ ошибки многихъ ученыхъ, на слово повѣрившихъ г-жѣ Фуксъ. Такъ еще очень недавно ученый ориенталистъ нашъ, П. С. Савельевъ, на основаніи сказаній нашей писательницы, вывелъ заключенія, которыхъ не хотѣлось бы видѣть въ такой прекрасной книгѣ, какова »Мухаммеданская Нумизматика«*). Вотъ почему я позволяю себѣ по временамъ дѣлать указанія на неточности и невѣрности г-жи Фуксъ. Вотъ почему и теперь считаю нужнымъ замѣтить, что напрасно мы стали бы искать у нея свѣдѣній, которыя могли бы вести исследователя къ серіознымъ, важнымъ выводамъ. Описать костюмъ чувашскій, потолковать съ апайкою о разныхъ житейскихъ мелочахъ, рассказать, какъ Чувашаи принимаютъ и подчуютъ своихъ гостей; — это г-жа Фуксъ, пожалуй, исполнитъ ловко, граціозно и даже вѣрно, если только известная по заволжью поэтическая муза ея не подброситъ ей подъ перо *краснаго словечка***). Но какъ скоро она начинаетъ го-

*) Объ этихъ заключеніяхъ мы еще поговоримъ въ своемъ мѣстѣ подробнѣе.

**) А *красныя словеса* у г-жи Фуксъ ни по чемъ. Такъ напр. пріѣхавъ въ *Исенево*, — деревню, лежащую въ *двухъ* верстахъ отъ большой дороги и отъ самаго шумнаго въ чувашской сторонѣ, андреевскаго базара, г-жа Фуксъ говоритъ, что она заѣхала въ *глушь*, гдѣ чувашскіе обряды совершаются *ю-раздо смѣлье*, нежели въ *деревняхъ*, лежащихъ при *большихъ дорогахъ* (стр. 11). Развѣ это не поэзія? Не красное словечко? — О тойже деревнѣ, которая населена сплошь одними Русскими, г-жа Фуксъ говоритъ: *проѣздь Русскаго мужика здѣсь диковина* (стр. 11). — Видите, какая эта поэзія: неподдѣльная, самородная, чистая, 84 пробы. — На стр. 58-й Г-жа Фуксъ говоритъ: *если у Чувашъ печется хлѣбъ, то они безпрестанно заглядываютъ въ печь, наблюдая, не тре-*

говорить о чемъ-либо серьезномъ, то сейчасъ обнаруживается, что это не ея сфера. Вотъ, напр., какъ она объясняетъ генетическое происхожденіе разныхъ чувашскихъ боговъ: *полудикій Чувашенникъ не можетъ имѣть понятія о происхожденіи вещей (?)*, не придаетъ своимъ божествамъ мать, т. е., по нашему, природу; даже: *Тора медлительнъ и не имѣетъ острою зрѣнія (sic!!!)*; по той причинѣ у него есть помощникъ (*пюлюхъ*) и проч. — Сказавъ, что у Чувашъ Тора — главный богъ, Тора-Аможе — мать его, Пиликсе-помощникъ Бога, пиликсе-аможе-мать его, и перечисливъ названія еще 11 боговъ, изъ которыхъ у трехъ также есть матери, г-жа Фуксъ восклицаетъ: какъ странно! у всякаго бога есть мать; я спрашиваю, кто отецъ? — они не знаютъ. — Странно то, что этикетъ и оканчиваются всѣ изслѣдованія ея о богословіи чувашскомъ, а не то, что Чуваша почти каждому богу даютъ мать. У нихъ, какъ и у другихъ восточныхъ народовъ, слова: *жена, супруга*, не употребляются, когда говорится о высшихъ лицахъ: мать Тора, керемети, пюлюхси, — это эллиптическія выраженія, которыя должно переводить: мать дѣтей Тора, керемети, пюлюхси и т. д., Со времени покоренія Русскими казанскаго царства Чуваша обоготворяли каждого изъ нашихъ государей (падша), но супругу его называли не *падша-арымъ*, супруга государя, но *падша-амыжъ*, мать государя, т. е., мать дѣтей государя.

Говорить-ли мнѣ о статьѣ чебоксарскаго доктора Кронейма: *die Tschuwaschen*, помѣщенной въ Эрммановомъ *Archiv für wissenschaftliche Kunde von Rußland* (1843, 1stes Heft). Это голосло-

снетъ ли у котораго корка, и ежели это случается, то тотчасъ изъ печи хлебъ вонъ и въ овразъ. — Вотъ и это извѣстіе такъ и просится въ стихи и въ піитику г. Георгіевскаго для примѣра — чистаго вымысла. — Да всѣхъ поэтическихъ вымысловъ, разсѣянныхъ въ Запискахъ о Чувашихъ, — и не перечтешь....

вная и безсовѣстная выписка изъ записокъ г-жи Фуксъ, которая впрочемъ чрезъ то не только ничего не выигрываетъ, но напротивъ очень много потеряла, потому-что въ нѣмецкомъ переводѣ недостатки ея представляются еще выпуклѣе, чѣмъ въ русскомъ подлинникѣ. Вотъ вамъ и доказательство. Г-жа Фуксъ, также хорошо знающая бытъ Русскаго какъ и Чувашскаго человѣка, пріѣхавъ въ свою русскую деревню *Новинскъ*, описываетъ *капустку* и называетъ ее *народнымъ праздникомъ, принадлежащимъ собственно однимъ (???) Чебоксарамъ и ея уѣзду*. Ученый Кронгеймъ не понимая, что у г-жи Фуксъ крестьяне русскіе и со словъ ея подробно описываетъ *чувашскій* праздникъ — *Das Robl-Fest*, праздникъ, котораго Чуваша знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ. — Даже и *семикъ* у г. Кронгейма чувашскій праздникъ.

Въ 1843 году издано *краткое описаніе суевѣрій Чувашъ* Александра Степановича Протопонова, — книжечка маленькая, крохотная и дѣльная на столько, на сколько можно быть дѣльной книжечкой въ 24 крошечныя страницы крупной и разгонистой печати.

Въ 1846 году въ Вашей газетѣ напечатана была прекрасная статья: *О религіозныхъ повѣрьяхъ Чувашъ*, Протоіерея Виктора Петровича Вишневеца. Авторъ подробно описываетъ *нынѣшнія* повѣрья Чувашъ. Отъ древнихъ онѣ существенно отличаются тѣмъ, что въ нихъ всѣ божества сосредоточиваются въ одномъ Торѣ, и что свойства божественныя, прежде вѣстасировавшіяся въ отдѣльныхъ божествахъ, теперь перенесены на одного бога. Нынѣшнія религіозныя повѣрья чувашскія представляютъ собою чистый дуализмъ. Другими словами: Чуваша въ настоящихъ своихъ вѣрованіяхъ пришли къ той же точкѣ, съ которой началось развитіе ихъ религіознаго ученія. Вліяніе христіанскихъ понятій на нынѣшнія ихъ повѣрья — очевидно. Но ученый отецъ Вишневецкій вовсе неконсеквентно вывелъ отсюда

мысль, будто и вся древняя религиозная система ихъ не иное что, какъ искаженіе христіанскихъ и мухамеданскихъ вѣрованій. Это слабая сторона превосходной во всѣхъ другихъ отношеніяхъ статьи достопочтеннаго отца протоіерея, который совершенно справедливо пользуется славою отличнаго знатока Чувашъ и ихъ языка. Объ его чувашской грамматикѣ и чувашскомъ словарѣ мы съ особеннымъ удовольствіемъ поговоримъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

VIII.

Основываясь на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ неизвѣстнымъ авторомъ Сѣвернаго Архива, и на вѣрованіяхъ теперешнихъ некрещеныхъ Чувашъ, мы можемъ составить себѣ вѣрное и довольно подробное понятіе объ ихъ древней религіи.

У народовъ, чуждыхъ всякаго образованія, обыкновенно находимъ господствующимъ болѣе или менѣе грубый фетишизмъ. Но у Чувашъ нѣтъ ничего похожаго на этомъ первоначальный видъ языческой религіи; по крайней мѣрѣ ничто не напоминаетъ объ немъ изслѣдователю, рассматривающему внимательно и языкъ, и нравы, и повѣрья этого народа и сличающему свои наблюденія со сказаніями авторовъ, писавшихъ о Чувашахъ.

Едва-ли также можно предполагать, чтобы они первоначально обоготворяли однѣ силы природы. Божества — представители этихъ силъ входили въ ихъ религіозное ученіе по мѣрѣ того, какъ Чуваши дѣлались грубѣе и диче. Въ ихъ языческихъ повѣрьяхъ, какія намъ извѣстны, нельзя не различать два, такъ сказать, слоя, изъ которыхъ одинъ, первоначальный довольно чистъ и могъ принадлежать народу образованному, а другой, наносный грубъ и образовался отъ постепеннаго погруженія массы народа въ невежество и грубость.

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что у Чувашъ первоначально господствовалъ чистый дуализмъ, можетъ быть, заимствованный либо отъ послѣдователей древней зороастровской религіи, либо отъ сосѣднихъ нѣкогда Чувашамъ Хазаръ, исповѣдывавшихъ еврейскую, вѣроятно не совсѣмъ чистую религію. Дуализмъ этотъ состоялъ въ поклоненіи двумъ враждебнымъ одна другой божественнымъ силамъ, т. е., *Торъ* и *шайтану*. *Тора* былъ богъ добра и свѣта; мѣсто жительства его — высочайшая область свѣта. *Шайтанъ* — богъ зла и мрака; мѣстопребываніе его — въ безднѣ, въ хаосѣ. Мнѣ нѣтъ никакой надобности объяснять Вамъ, любезнѣйшій А. И., титулатуру этихъ боговъ. Какъ старый и съ позволенія сказать законный оріенталистъ, Вы очень хорошо знаете, что *шайтанъ* есть слово, извѣстное всѣмъ семитическимъ племенамъ, и безъ всякаго сомнѣнія имѣетъ свой корень въ еврейско-финикійскомъ *штанъ* (противиться), откуда выпелъ и намъ извѣстный *сатана*. — Что касается до названія *Торъ*, то онъ, какъ мнѣ кажется, не имѣетъ никакой связи съ скандинавскимъ *Торомъ*, хотя многимъ добрымъ людямъ страхъ какъ хочется вывести отсюда доказательство финскаго происхожденія Чувашъ, не смотря на то, что *Норманны*, у которыхъ точно былъ богъ *Торъ*, и *Финны*, вовсе не знавшіе *Тора*, отнюдь не одно и тоже. Скорѣе же въ чувашскомъ *Торѣ* можно слышать отголосокъ монголо-татарскаго *Тамри*, *Тари*; знающимъ языки чувашскій и татарскій очень хорошо извѣстно, что татарское *ам* и *а* въ чувашскомъ языкѣ по большей части переходятъ въ *о*.

Въ областяхъ какъ добраго, такъ и злаго бога по вѣрованію Чувашъ были духи служебные. Изъ нихъ-то Чувашъ въ послѣдствіи времени сдѣлалъ особенныя, самостоятельныя божества. — Такимъ образомъ изъ единого добраго бога составилось нѣсколько боговъ, изъ которыхъ каждый представлялъ собою одно какое-

либо свойство прежнего, единого добраго божества, и каждый носилъ названіе *Тора* съ прибавленіемъ свойства, имъ представляемаго. — Къ этимъ божествамъ присоединились потомъ и боготворенныя силы природы и за ними напослѣдокъ явились боги-покровители полей, домовъ, лѣсовъ, урочищъ и проч. — Все это было *регрессивнымъ* движеніемъ народа въ развитіи религіозномъ. И все это долженствуетъ служить доказательствомъ, что Чуваши нѣкогда были несомнѣнно недоступны образованію, что ихъ жизнь и дѣятельность была далеко значительнѣе той, какую влечать ихъ настоящіе потомки...

Наконецъ вотъ какъ развѣтвился первоначальный дуализмъ этого народа.

Боги чувашскіе, какъ сказано выше, раздѣлялись на *добрыхъ* и *злыхъ*. Тѣмъ и другимъ приписывались взаимная другъ отъ друга независимость. — Боги добрые подраздѣлялись на два разряда: а) на *небесныхъ*, или живущихъ на небѣ, и б) на *земныхъ*, имѣющихъ мѣстопребываніе на землѣ.

А) *Небесные добрые боги* были:

1) *Сюльди-Тора* высочайшій богъ. У него жена — *Сюльди-Торъ-амыжъ* и дѣти, *Сюльди-Торъ-ымыль-земъ*. Это самое верховное божественное семейство. — Предикатъ: *сюльди* происходитъ, какъ я полагаю, отъ татарскаго слова *юлдузъ*, звѣзда, по Чувашски *сюлдырь*, по Черемиски *шюдырь*. Въ такомъ случаѣ *Сюльди-Тора* будетъ буквальный переводъ еврейскаго *Іюва-Цебаотъ*, или по чтенію *LXX саваотъ*, богъ звѣздъ. *Сюльди-Тора* есть властитель и распорядитель всего надзвѣзднаго, духовнаго міра; съ земнымъ же онъ сообщается не иначе, какъ чрезъ посредство другихъ небесныхъ боговъ.

2) *Сюдь-Тунзы-Тора*, творецъ свѣта, богъ, во власти котораго посылать людямъ свѣтъ и теплоту.

3) *Чонъ - сіораданъ - Тора*, (отъ персидскаго *джомъ* - душа,) богъ, дающій младенцамъ души. Чуваша допускали предсуществованіе (*praeeexistentiam*) послѣднихъ и вѣрили, что души человѣческія сотворены высочайшимъ Богомъ *посредствомъ чонъ - сіораданъ - Тору* и до соединенія своего съ тѣломъ живутъ въ удивительно-прекрасной, богатой и плодородной сторонѣ, лежащей къ юго-востоку отъ Чувашландіи.

4) *Асла - адій - Тора*, богъ грома и молніи. *Асла - адій - Тора* до слова значить: *богъ-дядя*. Отъ чего богъ грома и молніи получилъ такое названіе, занимая ни чуть не первое мѣсто въ де-монологіи чувашской, — неизвѣстно. Знаемъ только, что громъ и досегѣ у Чувашъ называется дѣдъ (*Асла - адій*). Чувашскія выраженія *асла адій аудать* (дѣдъ поетъ, или слышится), *асла адій хыда аудать* (дѣдъ громко поетъ) значать: *громъ гремитъ, сильный громъ гремитъ*.

5) *Кебе*, судьба, (вѣроятно отъ арабскаго *кадза*, судьба, предопредѣленіе, рокъ), богъ, управляющій всѣми земными и подземными дѣлами и особенно судьбами рода человѣческаго. Ему содѣйствуютъ два небесныя божества: *юлюхси* и *ниамбаръ*.

6) *Юлюхси* есть небесный богъ, который по назначенію *Кебе* раздаетъ людямъ счастливыя или несчастныя жребіи, богатство или скудость земными благами. — Это семейный богъ, какъ и *Сюльди - Тора*, т. е., у него есть жена и дѣти. — И корень и грамматическая форма слова: *юлюхси* едва-ли могутъ быть объяснены изъ финскихъ нарѣчій. Тутъ все напоминаетъ *семитизмъ* и *туреччину*. У арабскихъ писателей, на прим. у Лебиды, слово *касимъ* употребляется въ смыслѣ бога-раздавателя счастливыхъ и несчастныхъ жребіевъ. У Шайха Саади въ его предисловіи къ Гюлистану Мухаммедъ носить также почетное прозваніе *касима* (раздѣлителя); а происходящимъ отсюда словамъ: *мукассаматъ*,

Аравитяне называютъ ангеловъ, имѣющихъ попеченіе о доставленіи людямъ насущныхъ благъ. Татары названіе *касимъ* буквально перевели словомъ *булюкчи* (отъ *бульмакъ*, раздѣлать). Чувани по обыкновенію перемѣнили ненавистное *б* въ *п*, замѣнили окончаніе *чи**) , означающее въ тюркскихъ нарѣчіяхъ дѣйствателя, производителя, владѣтеля, своимъ любимымъ партиципiальнымъ окончаніемъ *ссы* или сокращенно *си*, и вотъ изъ татарскаго *булюкчи* явился чувашскій *пюлюкси*. Черемисскій *пюлюкше*, духъ, ангелъ, очевидно взятъ у Чувашъ.

7) *Пшамбаръ*, богъ, по опредѣленію *Кебе* раздающій людямъ душевныя качества и сообщающій юмсамъ видѣнія пророческія.— Самое названіе этого бога, очевидно происходящее отъ персидскихъ словъ *пэйнамъ* (радостная вѣсть) и *бурденъ* (нести), значитъ пророка. Присовокупимъ къ этому чисто-персидскому происхожденію *Пшамбара* и то весьма важное обстоятельство, что онъ былъ первоначально богъ и огня. Потомъ низвели его на степенъ бога пастуховъ и наконецъ понизили въ званіе покровителя скотовъ. Sic tranſit gloria deorum paganorum! Отъ завѣдыванія прекрасными душевными качествами низойти до завѣдыванія скотами — шагъ нѣсколько крупноватый; намъ здается даже, что здѣсь между прочимъ должно искать новаго доказательства не прогрессивнаго, а регрессивнаго движенія религіознаго образованія у Чувашъ.

8) *Ира - Тора* богъ благодѣяній, покровитель жизни супру-

*) Наши существительныя, кончающіяся на *чій* или *чей*, составлены подъ очевиднымъ вліяніемъ семетизма. Таковы на пр. слова *казначей*, *кормчій*, *стрѣльчій*, *пѣвчій* и тому подобныя.— Первое изъ этихъ словъ даже есть чисто-арабское, происходящее отъ *казана* (казна) и *чи* имѣющій, производящій.

жеской, семейной. Онъ устрояетъ браки, старается сдѣлать счастливою жизнь супруговъ и во всѣхъ отношеніяхъ обезпечиваетъ ихъ домашній бытъ.

9) *Периетъ - Тора*, его жена и дѣти. Это боги изобилія, преимущественно предъ другими многочадные. Во власти *Периетъ-Торы* давать людямъ изобиліе въ жизненныхъ потребностяхъ, въ счастливомъ поддержаніи супружества и преумноженіи земныхъ плодовъ. Онъ же оберегатель сохраняемыхъ въ землѣ кладовъ. — Названіе *Периетъ* есть очевидно арабское *берекетъ*; то и другое значить — изобиліе. Корень его въ еврейско-финикійскомъ *барахъ* или *баракъ*, что значить благословлять, обогащать.

10) *Хвель - Тора* богъ солнца, *Хвель - амыжъ*, его жена; *Хвель-мыль-зэмъ* — его дѣти.

11) *Оикъ - Тора* его жена и дѣти. *Оикъ* по-чуваши значитъ мѣсяцъ, по-татарски онъ называется *Ой*.

12) *Пертерли*, богъ одновидный. Корень названія его заключается въ татарскомъ *беръ* (одинъ) и арабскомъ *тауръ* (видъ, разъ); а частица: *ли*, какъ извѣстно употребляется въ тюркскихъ нарѣчіяхъ для образованія именъ прилагательныхъ. Это богъ-покровитель мануфактурныхъ издѣлій. Онъ же употребляемую Чуваши пиццу дѣлаетъ безвредною.

13) *Сюланъ*, отъ татарскаго *иланъ*, *джиланъ*, змѣй, богъ, летающій въ воздухѣ и сообщающій женщинамъ даръ плодородія.

14) *Сиръ - аше*, его жена и дѣти. Это богъ создавшій землю. Земля по-чуваши *сиръ*, по-татарски *иръ* или *джиръ*.

15) *Силь-Тора*, его жена и дѣти. Это боги вѣтра (отъ чувашскаго *силь* или отъ татарскаго *иль*, что значитъ вѣтеръ).

16) *Сюрень-Тора* (*сюрень* или *сюрень* отъ чувашскаго *сюрась*, имѣющаго корень въ татарскомъ *юрмакъ*, ходить, странствовать, гулять), богъ, странствующій по воздуху и подающій помощь тѣмъ, которыхъ постигаетъ непредвидѣнное, нечаянное и незаслуженное бѣдствіе. Въ особенности онъ покровительствуетъ странствующимъ по водамъ и спасаетъ утопающихъ.

17) *Херле-Сирь-Тора*, богъ красной, плодородной земли, т. е., оплодотворяющій землю.

18) *Хурбанъ-Тора* (отъ арабскаго *хурбанъ*, жертва), богъ жертвоприношеній. Когда Чуваша хотѣли приносить жертву высшимъ небеснымъ богамъ, то прежде всего особымъ жертвоприношеніемъ просили Хурбана, чтобы онъ внялъ ихъ молениямъ. Потомъ уже начиналось жертвоприношеніе въ честь высшимъ богамъ, къ которымъ одинъ только Хурбанъ-Тора могъ переносить молитвы жертвоприносителей.

19) *Амык-озанъ-Тора*, отворяющій двери небеснаго жилища боговъ, охранитель небесныхъ вратъ.

В) *Земными* добрыми богами считались:

1) *Сирди-падша*, *сирди-падша-амыжъ*, *сирди-падша-нымыл-зэмъ*, земной царь, земная царица и дѣти ихъ. Язычествовавшіе Чуваша боготворили каждого изъ земныхъ своихъ владыкъ, считая ихъ представителями высочайшаго бога и приписывая имъ чисто божественную натуру. На торжественныхъ жертвоприноше-

ніяхъ имя земнаго царя и его семейства произносилось въ молитвахъ сразу послѣ имени высочайшаго бога, прежде всѣхъ другихъ небесныхъ божествъ.

2) *Сіюль - Тора*, отъ чувашскаго *сіюль* или татарскаго *юль*, дорога, — богъ покровитель дорогъ и путешествующихъ по нимъ.

3) *Кильранъ - Тора* (отъ *киль* домъ), домовый.

4) *Кардранъ - Тора* (отъ *карда*, загородка, хлѣвъ, скотный дворъ) — покровитель и защитникъ домашнихъ животныхъ.

5) *Вурманъ - Тора* (отъ чувашскаго *вурманъ* или татарскаго *урманъ*, лѣсъ) — хранитель лѣсовъ, не имѣющій впрочемъ ничего общаго съ кереметью.

6) *Хирранъ - Тора* (отъ татарскаго *кыръ*, поле, степь, откуда *киризь*, степной человѣкъ) — блюститель пашней и вообще полей.

Всѣ эти боги суть, какъ мы сказали выше, анализъ и представленіе разнородныхъ свойствъ одного, прежде обожаемаго Чуваши высочайшаго существа. Всѣ они составляли одну божественную семью. Доказательствомъ этому можетъ служить уже и то обстоятельство, что торжественныя молитвы у Чувашъ всегда сопровождались жертвоприношеніями и всѣмъ прочимъ добрымъ богамъ.

Изъ этихъ торжественныхъ жертвоприношеній два совершались въ полѣ: одно передъ *яровою*, другое — передъ *озимю* пашнею. Первое называлось *ой-чукъ*, полевая жертва, второе — *син-зя* (недѣловая пора). То и другое совершалось въ *полѣ*, съ такими же обрядами, какъ и описанное мною кереметное жертвоприношеніе. Вотъ въ чемъ только разница: въ кереметномъ *чукъ* не

бываетъ ни музыки, ни плясокъ. Напротивъ праздники *ой-чукъ* и *сикки* начинались музыкою и оканчивались пляскою и веселыми играми.

Третье жертвоприношеніе есть уже извѣстное Вамъ *Тора-тыра-жинъ чуклестъ*, моленіе о хлѣбѣ. Оно отличается тѣмъ, что при немъ кромѣ добрыхъ боговъ призываютъ и злыхъ.

О четвертомъ жертвоприношеніи я потолкую особо, когда поведу рѣчь о поминовеніи усопшихъ.

VIII.

Въ седьмомъ письмѣ моемъ я сообщилъ Вамъ, любезнѣйшій А. Ив., перечень добрыхъ чувашскихъ боговъ. Число ихъ, какъ Вы извоили видѣть, не малое. Но злыхъ богамъ ужъ и счета нѣтъ, и я затрудняюсь, какъ Вамъ передать понятіе о чувашской діабологiи или чертовщинѣ. Дѣло въ томъ, что добрые боги были одни и тѣже у всѣхъ Чувашъ, а злые напротивъ не вездѣ одни и тѣже. Каждая чувашская деревня кромѣ общихъ злыхъ духовъ признавала еще свои мѣстныя злыя божества, которымъ преимущественно и поклонялась. Составить полную перечень ихъ нѣтъ никакой возможности, тѣмъ болѣе что число ихъ у некрещенныхъ, а отъ части и у нѣкоторыхъ крещенныхъ Чувашъ и теперь еще постоянно продолжаетъ увеличиваться. Извините же меня, почтеннѣйшій А. Ив., если въ настоящемъ письмѣ найдете далеко не полную перечень чувашскихъ злыхъ боговъ. Я по необходимости принужденъ ограничиться очеркомъ общаго ученiя Чувашъ о злыхъ богахъ.

Я сказалъ уже, что въ древнемъ дуалистическомъ чувашскомъ вѣроученiи *шайтанъ* былъ злымъ началомъ. Но въ послѣдствiи времени понятіе о шайтанѣ подобно понятію о Торѣ распалось на нѣсколько частей: явилось множество злыхъ боговъ, которымъ всѣмъ приличествовалъ предикать шайтана. По мѣрѣ того какъ

Чувашии погружался въ грубость и невѣжество, онъ старался приблизить къ себѣ какъ добрыя, такъ и злыя божества, окружать себя ими, внести ихъ въ сферу своей жизни, чтобы удобнѣе можно было имѣть сношеніе съ ними и умилостивлять ихъ. Такимъ образомъ два первоначальныя божества, Тора и шайтанъ, сдѣлались божествами абстрактными, неимѣющими совершенно ни какого сношенія съ людьми и съ міромъ видимымъ. Это сношеніе есть дѣло боговъ — творцовъ или представителей отдѣльныхъ силъ природы и боговъ, живущихъ на землѣ, добрыхъ и злыхъ.

Мы видѣли, что ближайшія къ высшему Богу, къ *Сіолди-Тора*, добрыя божества образовались изъ служебныхъ духовъ, созданныхъ первоверховнымъ добрымъ началомъ. Напротивъ въ области злыхъ боговъ служебныя существа, произшедшія отъ первобытнаго злого начала, занимаютъ низшее мѣсто; а высшее принадлежитъ существу по происхожденію доброму, но сдѣлавшемуся злымъ отъ стеченія различныхъ обстоятельствъ. Это высшее злое существо, первенствующее въ царствѣ злыхъ боговъ, есть *кереметь* *) (вѣроятно, отъ арабскаго слова *юреметь*, означающаго все неприкосновенное, священное). Вотъ что рассказываютъ Чуваши о происхожденіи этого грознаго существа:

Кереметью первоначально назывался сынъ верховнаго бога, первенецъ его. Люди, подстрѣжаемые шайтаномъ, убили его въ то время, когда онъ въ пышной колесницѣ, запряженной бѣлыми конями, разъѣзжалъ по землѣ, всюду принося съ собою плодородіе, обиліе благъ земныхъ, довольство, счастье. Чтобы скрыть отъ верховнаго бога свое ужасное преступленіе, люди сожгли тѣло

*) Почитаніе керемети вѣроятно уже отъ Чувашъ перешло къ Черемисамъ, Вотякамъ и нѣкоторымъ другимъ финскимъ племенамъ.

убитаго сына его и прахъ его развѣяли по вѣтру. Но тамъ, гдѣ пагъ на землю этотъ прахъ, выросли деревья, а съ ними возродился и сынъ бога уже не въ одномъ лицѣ, но во множествѣ враждебныхъ человѣку существъ, которыя впрочемъ сдѣлались уже, такъ сказать, привязанными къ землѣ и лишились возможности жить въ сообществѣ съ добрыми небесными богами. Такимъ образомъ произошло множество кереметей; число ихъ размножилось потомъ еще болѣе, когда керемети переженились и произвели отъ себя длинную вереницу потомковъ.

Вообще кереметь есть существо озлобленное, мстящее людямъ за свое убіеніе, за потерю права на небесное жилище, — существо, готовое поражать преступный родъ человѣческій всеми возможными бѣдствіями и страданіями. Всякая невзгода, всякое частное и общественное бѣдствіе происходитъ отъ керемети. Чуваши вѣрили, что люди давнымъ давно были бы стерты съ лица земли со всемъ ихъ имуществомъ, если бы только не умило-стивляли кереметь жертвоприношеніями.

У каждой чувашской деревни непременно была своя кереметь, въ многочисленныхъ селахъ ихъ было по двѣ, по три и болѣе. Названіе свое онѣ получали или отъ своихъ отличительныхъ свойствъ, или отъ деревни, либо отъ рѣки, къ которой прилежали, а иногда отъ имени юмси, либо старика, который первый посредствомъ пророческаго сновидѣнія или какимъ-нибудь другимъ чудеснымъ образомъ открывалъ кереметь въ томъ или другомъ мѣстѣ. Какъ скоро народонаселеніе въ той или другой деревнѣ умножается до такой степени, что количество пахатной земли оказывается недостаточнымъ для всѣхъ, и потому нѣкоторые изъ обывателей принуждены бываютъ выселятся на новыя мѣста; то и нѣкоторыя изъ кереметей или ихъ дѣтей переходятъ съ ними на эти новыя мѣста, поселяются въ близъ ле-

жащихъ рощахъ и ѣздить оттуда каждую ночь въ великолѣпныхъ колесницахъ къ своимъ сродникамъ для свиданія^{*)}). — Каждая кереметь кромѣ дѣтей имѣетъ своихъ служебныхъ, также какъ и сама она, алыхъ духовъ, исполняющихъ ея приказанія.

Наиболѣе общими у Чувашъ были слѣдующія керемети:

1) *Асли-кереметь* (слово: *асла* по чувашски значитъ большой и имѣетъ свой корень въ арабскомъ *асли*, коренной, главный, знаменитый), главная, соборная кереметь. Въ частныхъ кереметахъ, почитаемыхъ тою или другою деревнею, приносились по назначенію іомси жертвы, если эти семейства попадали въ какое-либо несчастье. Но если Чувашъ постигало общественное бѣдствіе, напр., засуха, голодъ, моровая язва, то деревень до десяти и болѣе собирались по приглашенію іомсей въ главную или соборную кереметь, и съ описанными мною выше обрядами приносили ей въ жертву нѣсколько лошадей, три или четыре бѣлыхъ коровы и около дюжины овецъ также непременно бѣлыхъ.

2) *Кюмюль-кереметь* (слово: *кюмюль*, происходящее отъ татарскаго *кюмуш*, значитъ серебро), серебряная кереметь. Если Чувашенинъ замышлялъ какую-либо спекуляцію, отъ которой надѣялся получить значительныя выгоды; то считалъ обязанностію предварительно умиловитъ кюмюль-кереметь и принести ей въ даръ нѣсколько серебряныхъ монетъ или покрайней мѣрѣ тухлинокъ (оловянныхъ кружечковъ), чтобы она не обратила въ прахъ всѣхъ его расчетовъ и чтобы не заставила вмѣсто ожидаемыхъ отъ предпріятія барышей понести значительный убытокъ.

3) *Пилик-тюбе-кереметь* (отъ *пиликъ*, пять, и *тюбе*, что и по-чувашски, и по-татарски значитъ холмъ, вершина), кереметь,

^{*)} Сѣв. Арх. 1827. ч. XXVII. стр. 216.

расположенная на пяти холмахъ. Число пять у Чувашъ нѣкогда было, какъ кажется, священнымъ, и потому пиликъ-тюбе-кереметь пользовалась значительнымъ уваженіемъ. Ей въ жертву приносился бѣлый баранъ.

4) *Чиришлаварь-кереметь* (отъ *чириш*, ель), кереметь, находящаяся въ еловомъ лѣсу. Ей въ жертву приносился бѣлый баранъ и гусь.

5) *Херле-сирь-кереметь*, т. е., кереметь, отъ которой зависить плодородіе земли. Ее не должно смѣшивать съ добрымъ небеснымъ богомъ — *Херле-сирь-Тора*. Послѣдній старается оплодотворить землю, напротивъ первая усиливается лишить ее плодотворной силы. Чтобы предотвратить пагубныя слѣдствія тлетворнаго вліянія херле-сирь-керемети на обрабатываемыя поля, каждый Чувашенинъ долженъ былъ черезъ каждые пять лѣтъ приносить ей въ жертву жеребенка. Раза два мнѣ случилось быть при такихъ жертвоприношеніяхъ, и въ оба раза я съ изумленіемъ слышалъ, что въ молитвахъ, обращаемыхъ къ херле-сирь-керемети, Чуваша упоминали имя Никола-Торы, т. е., Николая Чудотворца. Никто не могъ объяснить мнѣ, какъ и почему въ эти именно молитвы включено имя христіанскаго святителя.

6) *Ливашъ-кереметь*, смирная кереметь. Если она и причиняетъ людямъ вредъ, то самый легкій и охотно вознаграждаетъ его, какъ скоро ей принесено будетъ какое-либо, даже мелкое животное. Это существо ни доброе, ни злое. Совершенную противоположность ей представляетъ —

7) *Халръ-кереметь*, злая кереметь. Это самое свирѣпое и самое грозное божество. Наносить людямъ всевозможныя бѣдствія

и страданія для хаяръ-керемети — наслажденіе. Чтобы отклонить отъ себя карающую ея руку надобно было принести ей въ жертву либо черную лошадь, либо черного быка, либо черную овцу, смотря по тяжести ниспосланнаго ею бѣдствія и по совѣту іомси. Но для того, чтобы Чувашенинъ могъ заставить ея покарать своего недруга, обрушить на его голову всѣ возможные скорби и бѣдствія, не нужно было жертвсприношеній: ему стоило только явиться въ хаяръ-кереметь и съ извѣстными заклинаніями попросить ея наказать и даже, если нужно, умертвить его недруга, — и все исполнялось по его желанію. Заклинатель своими молитвами распалялъ ся гнѣвъ и ярость до такой степени, что она въ бѣшенномъ ослѣпленіи готова была поразить всякаго, кто попадется ей подъ руки. Горе Чувашенину, который будетъ находится въ хаяръ-керемети или близъ нея въ то время, когда заклінатель будетъ просить ея наказать своего врага! Ужасъ, внушаемый ею, былъ причиною того, что только весьма немногіе изъ Чувашъ осмѣливались явиться предъ нею для заклинанія или призванія бѣдствій на своихъ враговъ. Большинство Чувашъ не знало даже, въ чемъ оно заключается, какія тайныя молитвы должны быть проговорены при этомъ случаѣ и какими символическими дѣйствіями должно сопровождаться произнесеніе этихъ молитвъ. Не думаю, чтобы и изъ Русскихъ многіе имѣли ясное и опредѣлительное понятіе о заклинаніи, можетъ быть, и потому уже, что оно всегда совершалось въ глубокой тайнѣ. По крайней мѣрѣ, я знаю, что изъ всѣхъ авторовъ, доселѣ писавшихъ что нибудь о Чувашахъ, ни одинъ ни слова не упоминаетъ объ этомъ предметѣ. Мнѣ случайно и вовсе неожиданно удалось быть свидѣтелемъ заклинанія.

Это было въ 1828 году. Я медленно тащился по проселочнымъ дорогамъ Чувашландіи. Цѣлю моею были два села, изъ

которыхъ въ одномъ я хотѣлъ получить должныя мнѣ однимъ духовнымъ лицомъ деньги, а въ другомъ — повидаться съ моими родственниками. Къ послѣдней цѣли я былъ уже близокъ; мнѣ оставалось сдѣлать до нея не болѣе шести верстъ. Но на пространствѣ этихъ шести верстъ почти вплоть до селенія, въ которое лежалъ мой путь, съ большими перерывами тянулся густой лѣсъ. Прекрасный июльскій вечеръ, прескверная проселочная дорога, которая дѣлалась тѣмъ хуже, чѣмъ больше мы углублялись въ лѣсъ, усталость моихъ коней, а пуще всего обиліе малины въ этомъ лѣсу — всё это вмѣстѣ заставило меня вылезать изъ кибитки. Я велѣлъ моему ѣмщику, *Нягосю* (Егору) ѣхать, какъ можно тише, и самъ пошелъ лѣсомъ, собирая мѣстами малину. Примѣръ мой соблазнилъ и Нягосю: онъ по временамъ останавливалъ лошадей, сходилъ съ козелъ и также собиралъ малину. Видя, что онъ меня не торопитъ, я углубился въ лѣсъ болѣе, нежели на двѣсти шаговъ отъ дороги. Наполнивъ бурачокъ ягодами, я собирався было выйти на дорогу, какъ вдругъ замѣтилъ шагахъ въ 20-ти отъ меня одного знакомаго мнѣ Чувашенина *Козюшку* (Касяна). Онъ, пересѣкая мнѣ дорогу, торопливо пробирался въ глубь лѣса. На немъ, какъ говорится, лица не было. Я зналъ, что онъ считался *во-буромъ*^{*)}, и за то не рѣдко подвергался тяжкимъ оскорбленіямъ отъ своихъ односельцовъ. Мнѣ представилось, что измученный этими оскорбленіями, онъ по примѣру многихъ своихъ соплеменниковъ хочетъ наложить на себя руки и теперь прискиваетъ себѣ мѣстечко, гдѣ бы удобнѣе, покойнѣе и безпрепятственнѣе было удавиться. Я тихонько пошелъ за нимъ въ намѣреніи кликнуть Нягосю, если мое предположеніе окажется справедливымъ,

*) *Вобуръ* у Чувашъ тотъ, кто скрадываетъ и съѣдаетъ мѣсяцъ. Слово это очевидно происходитъ отъ татарскаго *убуръ* — колдунья, вѣдьма, ягая баба. Отсюда же вѣроятно ведетъ свое начало и малороссійскій *упырь*.

и общими силами удержать сумасброда отъ самоубійства. Но скоро обнаружилось, что Казюкъ спѣшилъ не къ петлѣ. Онъ выпелъ на небольшую поляну, сбросилъ съ головы шляпу и гранулся оземь, произнося вполголоса какую-то молитву. Вставши на ноги, онъ распоясаясь, скинулъ рукавицы, кафтанъ, рубашку, снялъ съ ногъ лапти и онучи и остался, въ чемъ мать родила. Нѣсколько времени онъ совершенно нагой стоялъ и шепталъ что-то про себя, вперивъ глаза на востокъ и изрѣдка покачивая головою. Потомъ вдругъ завылъ дикимъ, пронзительнымъ, раздражающимъ душу голосомъ. Вопли его прерывались восклицаніями: *Халръ-кереметь! озалъ кереметь! Манымъ суматъ ильделе! чазратъ тыдъ она, сивларъ она*, т. е., *злая кереметь, лилая кереметь! услышь мою молитву, немедленно излови, умертви его!* — Произнося эти слова, онъ рвалъ на себѣ волосы, валялся по землѣ, кувырчался, руками и зубами рылъ землю, судорожно корчилъ руки и ноги, сараже-талъ зубами. Этотъ дикій вой, это кувырканье, эти заклинанія продолжались съ полчаса времени. Не будучи замѣчаема Казюкомъ, я смотрѣлъ на это изъ-за густого орѣхового куста, и, признаюсь, въ жизнь мою не видывалъ человѣка въ подобномъ отвратительно-странномъ положеніи. Глаза налились кровью и сверкали, какъ горячіе уголья; пѣна клубомъ билась изъ рта; волосы на головѣ и бородѣ были всклоочены и осыпаны землею; лицо, руки, ноги и вообще все тѣло исцарапано до крови и покрыто пылью и грязью.

Окончивъ заклинанія, Казюкъ всталъ, опять что-то прошепталъ, поклонился въ поясъ на востокъ и, поспѣшно надѣвъ на себя рубашку и обувшись въ лапти, захватилъ въ охапку всю остальную свою одежду, и стремглавъ бросился изъ лѣсу. Огласить и останавливать его съ моей стороны было бы величайшимъ неблагоразуміемъ: въ бѣшеннѣй ярости своей, онъ могъ бы принять

меня за своего врага и задушить въ одинъ мигъ. Я неподвижно простоялъ за кустомъ до тѣхъ поръ, пока замолкъ шелестъ его шаговъ. Вышедши на большую дорогу, я не нашелъ уже тамъ моего Нягоса и принужденъ былъ около пяти верстъ идти пѣшкомъ. По прибытіи въ село я узналъ, что Нягоръ въ совершенной исправности сдалъ своимъ роднымъ принадлежащія мнѣ вещи, но никакъ не хотѣлъ дожидаться расплаты и уѣхалъ въ свою деревню, лежащую въ двухъ верстахъ отъ села. — Почему бы ему не подождать меня? — спросилъ я у моей сестры.

— До того-ли ему. Онъ чуть живъ; лихорадка такъ подымилась и треплетъ его

— Какъ лихорадка? Да онъ часа подтора тому назадъ былъ здоровъ, какъ быкъ.

— Ну, вотъ! ты еще станешь спорить. Я говорю тебѣ, что онъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ. Бѣдный Нягоръ около трехъ лѣтъ не бывалъ въ Казани, которую я съ твоего позволенія считаю резиденціею всѣхъ красавицъ — иродовыхъ дочерей, и съ непривычки къ тамошнему климату схватилъ лихорадку. Вотъ и все!

Слова сестры моей были подтверждены свидѣтельствомъ людей, принимавшихъ отъ Нягоса мои вещи,

Дней черезъ пять я увидалъ моего ямщика въ церкви. По всему видно было, что онъ едва успѣлъ избавиться отъ тяжелой, изнурительной болѣзни. Я велѣлъ ему притти къ себѣ для разсчета.

— Что это тебѣ вздумалось бросить меня въ лѣсу? — спросилъ я Нягоса, отдавая ему слѣдующія по разсчету деньги.

— О, *тибь болдырь*!). Тутъ стоять бы намъ не надо. И я, дуракъ, забудь, что тутъ недалеко хаярь-кереметь. Право *улмакъ* (дуракъ). Надо бы *ѣхать*, да *ѣхать*. И здоровъ бы я былъ, и кереметь бы меня не ломала, и черный быкъ мой былъ бы *цѣль*....

— Тебя ломала кереметь?

— Какъ же? Только я услышалъ вой въ керемети, какъ она и напала на меня, да и ну корчитъ всѣ мои суставы такъ, что я совсѣмъ *антракъ* (изъ силъ выбился). Я не помню, какъ *пріѣхалъ* сюда, отдалъ твои *лбалы* (вещи), какъ вернулся домой и пролежалъ на печи, говорятъ, двое сутокъ. Ужъ Илюкъ-іюмси пришелъ къ намъ, велѣлъ заколоть чернаго быка, сдѣлать *чукъ*. Ну кереметь и отступила отъ меня. Вотъ теперь я и пришелъ кончить *чукъ, кюдесра-Тора***) *сіорда лардасъ*, иконѣ (обыкновенно,

*) *Тибь болдырь* — бранная поговорка, въ родѣ нашей: *чортъ возми!* Слово *тибь* очевидно не иное что, какъ арабское *таббъ*, погибель. И у Арабовъ есть поговорка: *таббълека*; она значитъ: гибель тебѣ, пропадай ты! Слѣд. чувашское присловье: *тибь болдырь* до слова значитъ: гибель да будетъ!

**) *Кюдесра-Тора* буквально значитъ богъ угла, т. е., икона, образъ, обыкновенно находящійся въ переднемъ углу избы. Священники чувашскіе всегда настаивали на томъ, чтобы въ каждомъ домѣ непременно была икона. Чувашамъ это очень не нравилось. Они думали, что иконы находятся въ какомъ-то таинственномъ сношеніи со священниками и общаются имъ обо всемъ, что дѣлается у нихъ въ домахъ. Случалось, напр., что священникъ по запаху въ избахъ узнавалъ, что Чуваша *ѣли* скоромное въ постные дни и за то порядкомъ пожуривалъ своихъ духовныхъ дѣтей. Чуваша думали, что это икона передаетъ все священнику, и потому желая полакомиться скоромнымъ въ постный день во время обѣда или ужина обращали икону ликомъ къ стѣнѣ: не увидить-де и не скажетъ бачкѣ!

Спасителя, либо Николая Чудотворца) свѣчу поставить. А все
этотъ, *тибь болдырь*, проклятый *тогатмышь*!!..

— Тогатмышь? что это за тогатмышь?

— Да вотъ колдунъ, что въ халръ керемети намаливаетъ
на другихъ болѣзни и даже смерть....

— Стало быть, Казюшка не только *собуръ*, но и *тогатмышь*
(заклинатель, намаливатель)?..

— А такъ это былъ Казюшка? *Хомланна* (пострѣлъ)! *См-
сла-сюри* (свиной сынъ, поросенокъ)!!

— Да, это былъ Казюшка, твой *хорондашь* (родственникъ)
и *досъ* (другъ). Можешь быть увѣренъ, что онъ не на тебя на-
маливалъ и что ты перепугался совершенно по-напрасну. Болѣзни
твоя произошла не отъ керемети и не отъ тогатмышя, а отъ
суевѣрнаго, пустого страху и отъ сильнаго душевнаго потря-
сенія...

— Эхъ, *оксахъ* (хромой), какъ ты не знаешь, что ха-
лръ-кереметь, когда ее намаливаютъ, злится на всякаго, кто на-
ходится близъ нея, корчитъ его, ломаетъ, а подъ часъ и совсѣмъ
карачунъ ему даетъ (умерщвляетъ)?

— Но вѣдь я самъ былъ не только близъ керемети, какъ
ты, но въ самой керемети, стоялъ въ двадцати шагахъ отъ Ка-
зюшки во все время, пока онъ намаливалъ, все видѣлъ и все
слышалъ. Отъ чего же со мною ничего не сдѣлала твоя мнимая
халръ-кереметь?

Казалось, возраженіе мое смутило Нягося: онъ призадумался. Я рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ убѣдить моего пріятеля въ неосновательности его религіозныхъ убѣжденій.

— Послушай, Нягось, — сказалъ я, — ты малый ушный и, можно сказать, дошлый: не разъ ходилъ бурлачить на Волгу: два года былъ въ Сундырѣ работникомъ у богатаго и смышленнаго русскаго крестьянина; три года держалъ ягъ въ Чебоксарахъ, однимъ словомъ, обтерся между Русскими. Тебѣ-то именно и сдѣлано было въѣрить въ такіе пустяки, какъ кереметь. Ну что это за злой богъ, который караетъ да милуетъ однихъ Чувашъ, Черемисъ и Вотиковъ, а къ Русскимъ, къ Татарамъ и къ Нѣмцамъ и подступить не смѣетъ? Если бы онъ точно существовалъ, то могъ бы карать всѣхъ людей. Да и за что онъ по вашему мнѣнію васъ наказываетъ? Посуди самъ: неужели ты столько виновать и грѣшенъ потому, что невзначай услышалъ кой какого-нибудь сумасшедшаго Казюшки? Такъ могутъ говорить только ваши дураки-іомси, эти плуты, обманщики, объѣдалы, которыми при чукахъ только бы попировать на чужой счетъ. А такой ушный человекъ, какъ ты, долженъ быть увѣренъ, что кереметь есть выдумка іомсей, вздоръ, пустяки, необычайщина...

— Чымъ-я, оксалъ (погодика-ка, хромоу), сердито перебилъ меня Нягось. — Ты не грѣши: грѣшить не надобно. Чего незнаешь, о томъ не калякай. Ты не видалъ керемети, такъ и говоришь, что ее нѣтъ, а я видѣлъ ее самъ.

— Во снѣ?

— Нѣтъ, видѣлъ на яву, вотъ этими глазами, видѣлъ самое халрѣ-кереметь, какъ тебя теперь вижу.

— Гдѣ же, когда и какъ это было?

Сначала мой Нягось зартачился было и не хотѣлъ отвѣчать на мои вопросы. Но добрый стаканъ водки развязалъ ему языкъ.

— Лѣтъ семь тому назадъ, — началъ Нягось, — я ѣхалъ домой со свадебнаго пира отъ одного моего дѣда, который женилъ тогда сына. Мнѣ надобно было либо сдѣлать большой крюкъ, либо проѣхать лѣсомъ, мимо халръ-керемети. Начинало уже смеркаться, и я рѣшился на послѣднее. Недоѣзжая саженъ около подтараста до керемети, вдругъ вижу карету, большую, черную, блестящую. Ее везли десять черныхъ, какъ смоль, лошадей. Я заранѣе своротилъ съ дороги и остановился въ сторонкѣ, снявъ изъ уваженія къ хозяину кареты, который могъ быть и самъ исправникъ, — шапку, и привставъ на корточки. Въ это самое время изъ каретнаго окошка высунулось лицо сѣдока. Уфъ!!! это была сама халръ-кереметь, точь въ точь такая, какъ сказывалъ объ ней Семка юмси. Я чуть не померъ отъ страха. А помню и лицо и платье ея. Рыло у нея продолговато; борода большая, висящая сплетшимися прядями на подобіе сосулекъ; на головѣ красный колпакъ, сквозь который торчали козыи рога и на каждомъ изъ нихъ привѣшено по звонкому колокольчику; глаза ея сверкали, какъ молнія; кафтанъ на ней былъ красный, какъ огонь. Ужась мой увеличила моя лошадь: она затряслась, зафыркала, начала бить ногами. Когда карета приблизилась ко мнѣ, я чуть живой упалъ ницъ на телегу. Звонъ колокольчиковъ, шумъ, хлопанье кнутами, крикъ, вопли, съ которыми ѣхала кереметь, едва не оглушили меня и долго отзывались въ ушахъ моихъ и послѣ того, какъ она далеко умчалась отъ меня. Совершенно разслабленный, чуть владея руками и ногами, я кое-какъ добрался до нашей деревни, — и прямо къ Семкѣ-юмси. Тотъ велѣлъ мнѣ сдѣлать чукъ чернымъ бараномъ; а у меня были только бѣлые. Дѣлать нечего:

заплатилъ за барана втридорога^{*)} и принужденъ былъ на этотъ годъ отказаться отъ намѣренія купить себѣ третью лошадь. Ахъ *миль болычманъ-би* (вотъ что случилось сомною)!!..

— Вѣрю Нягось, что все это правда. Но вѣдь ты говоришь, что ѣхалъ со свадебнаго пира?

— *Сялла* (да)!!

— Ну а на свадьбѣ, чай, было довольно и пѣто, и пито? Я думаю, и ты на свою руку не положишь охулки, и *перъ-такъ* усре болдылъ (былъ немножко пьянъ)?

— *Болмазыр* (какъ не быть)?...

— И выѣхавши отъ доса думалъ, что дорога твоя будетъ лежать мимо хаяръ-керемети, и заранѣе ожидалъ встрѣтить на ней что-нибудь необыкновенное?

— Да какъ же и недумать объ этомъ? Вѣдь хаяръ-керемень — не свой братъ.

— Ну, такъ видишь ли: можетъ быть, и дѣйствительно ты встрѣтился съ какою-нибудь колымагой или каретой, въ которой сидѣлъ такой же человекъ какъ ты и я, а *самыи чонъ*, твоя душа, твое воображеніе, разгоряченное виномъ, представило тебѣ этого человека въ такомъ именно видѣ, какъ Семка-іомся когда-то

*) Если назначенное іомсею для жертвы животное Чувашенинъ долженъ былъ купить, то не могъ ни подъ какимъ видомъ торговаться съ продавцомъ. Надобно было непремѣнно заплатить столько, сколько послѣдній запроситъ: иначе жертва будетъ недѣйствительна. Нужно ли сказывать, что продавцы скота, особенно русскіе, мастерски умѣли пользоваться этимъ обстоятельствомъ и набивать свои карманы, благодаря сусѣднюю Чувашъ?

описывалъ тебѣ хааръ-кереметь. Все необыкновенное въ этомъ очень обыкновенномъ событіи тебѣ, хмѣльному, почудилось, помеченилось. Вотъ и вся недолга!

Нагось, непостигавшій и возможности сомнѣваться въ дѣйствительности своего чуднаго видѣнія, слушалъ меня, разинувъ ротъ, выпуча на меня свои большіе черные глаза, и наконецъ изъ своего довольно благообразнаго лица сдѣлалъ такую забавно-уморительную рожу, что я покатился со смѣху. Оскорбленный этимъ, онъ махнулъ рукою и вышелъ отъ меня, сильно хлопнувъ дверью. Съ тѣхъ поръ я никакъ и ничѣмъ не могъ заставить его толковать со мною о старой чувашской вѣрѣ.

Припоминая теперь это событіе, я невольно прихожу къ вопросу: какъ это случилось, что большинство Чувашъ теперь трактуетъ кереметь, какъ мечту, какъ заблужденіе своихъ предковъ? Прежніе ли Чуваша были ужъ черезъ чуръ глупы, или вынѣшніе въ двадцать лѣтъ успѣли слишкомъ много поумнѣть? Ни то, ни другое. Дѣло, кажется, было вотъ какъ: Русскіе по распоряженію правительства вырубали керемети. Сначала Чуваша съ ужасомъ смотрѣли на это богопротивное по ихъ мнѣнію оскорбленіе святыни и были увѣрены, что боги сами накажутъ дерзкихъ оскорбителей керемети. Но когда керемети были вырублены, а истребители ихъ остались здоровы и невредимы; то вѣра большинства Чувашъ сначала въ неприкосновенность, потомъ въ святость, а наконецъ и въ существованіе кереметей поколебалась въ самомъ основаніи своемъ. Вотъ сто-первое доказательство той истины, что въ дѣлѣ истребленія суевѣрій *argumenta ad hominem* гораздо важнѣе и дѣйствительнѣе всѣхъ установленныхъ и отмеченныхъ доказательствъ, какъ бы послѣднія ни были основательны и консеквентны!

Обращаюсь къ прочимъ злымъ богамъ , которые по прямой линіи происходятъ уже отъ шайтана. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаетъ. —

1) *Есрель*. Это есть не иное что, какъ арабскій *Азраилъ*, ангелъ смерти. *Есрель* по мнѣнію Чувашъ поражаетъ людей и животныхъ внезапною, но тѣмъ не менѣе мучительною смертію. Онъ независимо ни отъ какого другаго божества, по своему личному усмотрѣнію губить людей и выборъ его падаетъ на тѣхъ, которые не приносятъ ему жертвъ. *Есрелю* Чуваша приносили въ жертву черныхъ барановъ въ такомъ количествѣ, какое назначалъ іомся. Притомъ барановъ этихъ не кололи, не ѣли и даже шкуръ съ нихъ не снимали; но, разрубивъ каждаго изъ нихъ на три части, оставляли въ лѣсу или въ оврагѣ, смотря по указанію іомси, въ пищу самому *Есрелю*.

2) *Аръ-сюри*, дѣшій. Слово это происходитъ отъ татарскаго *аръ* или *еръ*, мужъ, и *юр*, ходящій или *юрмакъ*, ходить. *Аръ-сюри* не убиваетъ людей, подобно *Есрелю*, а только поражаетъ ихъ разными болѣзнями, производитъ въ нихъ разслабленіе, онѣмнѣніе членовъ. Онъ живетъ въ лѣсу и часто кричитъ въ немъ филиномъ. Къ селамъ и деревнямъ *Аръ-сюри* не смѣетъ приближаться, потому-что боится собакъ, которыхъ у Чувашъ всегда бываетъ множество. Видомъ онъ похожъ на стогъ сѣна и особенно отличается большими глазами (*кабанъ-бекъ-корнать*). Ему въ жертву приносятся блины, игтечи, хлѣбъ и пиво: все это ставится въ опредѣленномъ іомсею мѣстѣ въ пищу лѣшему. •

3) *Ирихъ*, божество, насылающее на людей разные наружныя болѣзни, какъ-то: оспу, корь, чирьи, коросты, глазную боль и проч. Кого постигаетъ одна изъ такихъ болѣзней, тотъ долженъ принести ириху въ жертву гороховой нисель и нѣсколько

жнать по назначенію юмси. У одного изъ жнать отнимають голову и кладутъ ее въ особый кузовъ, который обыкновенно вѣшается въ углу амбара, украшается разными вѣтвями, блесками и мелкими серебряными деньгами, и который называется также *ирма* и служитъ предохранительнымъ средствомъ отъ вышеупомянутыхъ болѣзней.

4) *Ий-э*, домовый, существо, не столько злое, сколько насѣшное. Оно живетъ въ домахъ подъ печками и въ баняхъ. Въ послѣднихъ оно помыраженію Чувашъ играетъ съ людьми, становится ихъ съ полковъ, вывихиваетъ имъ руки, дѣлаетъ глаза ихъ роскошными. Но оно же и обогащаетъ Чувашенина, умножаетъ его скотъ, хранитъ его домъ отъ огня, покровительствуетъ его пчеловодству, заботится объ его торговыхъ оборотахъ. Ему-то въ жертву Чуваша во время домашнихъ жертвоприношеній бросаютъ на печь кусочки хлѣба, мѣтеца и проч.

Оканчиваю этимъ мой рассказъ о демонологіи чувашской. Въ слѣдующемъ письмѣ постараюсь изложить понятія Чувашъ о происхожденіи человека и о будущей жизни.

• IX.

..... Космогоническія понятія Чувашъ довольно сбивчивы и неопредѣленны. Если вы обратитесь къ ихъ старымъ іомсямъ съ вопросомъ о происхожденіи міра, то услышите самые разнорѣчивые толки. Кажется что космологическое ученіе ихъ измѣнялось съ измѣненіемъ ученія о самыхъ богахъ. Держась строгаго дуализма, они вѣрили, что міръ видимый также вѣченъ, какъ вѣчны Тора и шайтанъ, что вселенная исходи служитъ поприщемъ, на которомъ происходило, происходитъ и вѣчно будетъ происходить столкновение и борьба этихъ двухъ враждебныхъ божествъ. Вотъ почему неизвѣстный авторъ Сѣвернаго Архива замѣчаетъ, что вселенная и стихіи по словамъ *нѣкоторыхъ* престарѣлыхъ жрецовъ чувашскихъ не сотворены никѣмъ, а суть *вѣчно пребывающія и непостижимыя**). Тоже можете и теперь услышать отъ *нѣкоторыхъ* и изъ нынѣшнихъ некрещенныхъ Чувашъ, вѣрныхъ стародавнему ученію. — Но когда изъ дуализма образовалась система многосложнаго полетеизма, то почти каждому изъ главныхъ боговъ большинство Чувашъ стало приписывать созданіе той или другой части вселенной. Такъ *Сюльди-Тора* по ихъ мнѣнію сотворилъ звѣзды и небесное жилище боговъ; *другой* верховный богъ, *Сюдь-Тунзы Тора*, по вогѣ *Сюльди-Тори* создагъ свѣтъ, *Хель-*

*) Сѣв. Арх. 1827 г. Ч. XXVII, стран. 216.

Тора — солнце, *Сирь-Асим* — землю, *Омхь-Тора* — луну, *Силь-Тора* — вѣтеръ и т. д. — Наконецъ въ новѣйшее время, когда всѣ означенныя божества подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій снова слились въ одно божество, называемое *Сюльди-Тора*, *Сюдъ-сандалыкъ тьданапъ* (содержащій вселенную), *Мунъ-ира-Тора* (вышній богъ благодѣяній), *Сюдъ-сюльде-вырданапъ* (въ верховномъ свѣтѣ почитающій), то уже одному этому Богу стали приписывать какъ сотвореніе всего, что существуетъ во вселенной, такъ и промышленіе о ней.

Гораздо опредѣлительнѣе и постояннѣе было ученіе о происхожденіи человѣка и его назначеніи. По мнѣнію Чувашъ люди созданы были изъ земли самымъ первоверховнымъ богомъ, Сюльди-Торою. Но это были существа слабыя, безобразныя, безсмысленныя, ходившія на четверенькахъ, питавшіяся одними растеніями, ничѣмъ незащищенныя отъ вредоноснаго вліянія стихій и отъ лютой хищныхъ звѣрей. Сюльди-Тора сжалился надъ этими бѣдными созданіями своими: по его волѣ, *третій* верховный богъ, *чонъ-сіорадапъ-Тора*, т. е. творящій души богъ, создалъ безчисленное множество духовныхъ существъ и нѣкоторые изъ нихъ соединилъ съ новосозданными людьми, а другія оставилъ въ райской обители для дѣтей и потомковъ первыхъ людей. Какъ скоро душа соединилась съ человѣкомъ, — онъ сдѣлался существомъ умнымъ, сталъ ходить на ногахъ, укрощать дикихъ животныхъ, питаться ихъ мясомъ, владѣть землею и всѣмъ, что на ней находится.

Первобытное состояніе людей было блаженное. Земля произращала имъ всякаго рода хлѣбъ и плоды въ дивномъ изобиліи, ни чуть не требуя отъ нихъ ни удобренія, ни воздѣлыванія; скота у каждаго было множество; имущество у всѣхъ было равное

или лучше равно изобильное; они не знали ни труда мзурительнаго, ни тяжких лишеній и нуждъ, ни горя, ни печали, ни болѣзней. Но не долго пользовались люди этимъ блаженствомъ: самое богатство обратилось имъ въ пагубу. Они обгнѣнились, упали духомъ и тѣломъ, выдумали хмѣльные навитки — пиво и медъ, отъ нечего дѣлать предались пьянству и обжорству, а въ пьяномъ видѣ начали заводить между собою распрю, ссоры, драки; каждый хотѣлъ быть больше другого, каждый хотѣлъ властвовать надъ всѣми. Наконецъ, отуманенные гордостію и хмѣльными напитками, они поддались вліянію шайтана и совершили ужаснѣйшее преступленіе, убивъ первенца Сьюди-Торы. Тогда-то Сьюди-Тора разсыпалъ ихъ по лицу земли и поручилъ четвертому верховному богу, *кебе*, назначать людямъ различные жребіи. Съ того времени явилось между людьми различіе состояній, племенъ и языковъ; послѣдніе въ числѣ семидесяти семи изобрѣтены для разныхъ народовъ самимъ высочайшимъ Богомъ. Съ тѣхъ поръ *кебе* при рожденіи каждого младенца назначаетъ ему счастливую или несчастную участь, сообразно съ будущимъ его образомъ жизни, который *кебе*, какъ верховный богъ, ясно провидитъ. *Пюлюхси* и *пиамбаръ* приводятъ въ исполненіе это назначеніе, раздавая людямъ виѣшнія и внутреннія блага и совершенства. Для того чтобы водворить между людьми спокойствіе, порядокъ, благоустройство, Сьюди-Тора поставилъ надъ ними *сирдъ-наду* (земного царя), который, какъ видимый образъ высочайшаго Бога, облеченъ божественною властію творить между своими подданными судъ и расправу, водворять между смертными благочиніе и добродѣтель и карать всякое преступленіе, а особенно нарушеніе правъ собственности и присвоеніе кѣмъ-либо изъ его подданныхъ такихъ правъ, преимуществъ и достояній, которые не назначены ему отъ *кебе* и не даны ни *ялюхси*, ни *пиамбаромъ*. По этой причинѣ земному царю и дана свѣще особенная природа или лучше осо-

банный божественный духъ, который можетъ имѣть таинственное сношеніе съ высшими богами небесными, и который не переходитъ вмѣстѣ съ ними на тотъ свѣтъ, но остается въ наслѣдіе его преемнику. Когда всѣ люди при содѣйствіи сирди-падши сдѣлаются добродѣтельными, то для нихъ еще на землѣ настанетъ блаженная жизнь. — Въ чемъ же состоитъ добродѣтель?

Въ почитаніи боговъ и принесеніи имъ обычныхъ и назначаемыхъ іомсами жертвъ, въ исполненіи повелѣній царскихъ, въ уваженіи къ старшимъ и особенно къ іомсамъ, въ любви къ равнымъ, въ снисходительности къ нисшимъ, въ довольствіи своими жребіемъ, въ неприсвоеніи себѣ ничего чужого, въ гостепріимствѣ, въ трудолюбіи и наконецъ въ празднованіи пятницы и воздержаніи себя въ этотъ день отъ всякой работы.

Люди добродѣтельные предназначены наслаждаться счастьемъ не только въ настоящей, но и въ будущей жизни. Они и по смерти, поселятся въ *мамык-сирь**), въ свѣтлой, удобренной странѣ. Тамъ у нихъ будутъ красивые дома; хлѣба, разнаго рода скота, товаровъ, денегъ, роскошной и праздничной одежды, пива и вина. Однимъ словомъ всего будетъ вдоволь и даже съ избыткомъ: въ чувственныхъ веселостяхъ, въ свѣтлыхъ ликованіяхъ они станутъ проводить нескончаемую жизнь. Напротивъ грѣшному человѣку на томъ свѣтѣ будетъ и горько, и голодно, и скорбно. Его отведутъ

*) *Мамык* и по чувашски, и по татарски, собственно значить пухъ, бумагу хлопчатую. *Мамык-сирь* — земля, пуховая, мягкая, какъ пухъ, т. е., удобренная, плодородная. Не происходитъ ли *мамык* отъ персидскаго *памбэ*, откуда латинское *bombax*—хлопчатая бумага? Или отъ турецкаго *пумукъ*, *бумбузъ*, *пумукъ*, откуда произошла и наша *бумага*? Прикѣры перехода губной *п* въ *м* и вообще губной въ губную очень нередки въ чувашскомъ языкѣ.

въ *тамькъ-хоранъ* *) , въ котлообразную бездну, въ адъ. Напрасно будетъ онъ употреблять всѣ усилія выстроить себѣ домъ, воздѣлать землю, обзавестись добрымъ хозяйствомъ, — ни въ чемъ ему не будетъ спорыньи. Напрасно станетъ онъ вызывать съ этого свѣта къ себѣ въ помощники своихъ дѣтей, родственниковъ и досовъ: одни изъ нихъ, именно добрые поселятся въ рай и слѣд. не будутъ имѣть съ нимъ никакого сношенія, а другіе, порочные, будутъ такими же бѣдными, горемычными скитальцами, такими же вѣчно бѣдствующими и вѣчно мучимыми голодомъ и жаждою обитателями ада, какъ и онъ самъ.

Какъ добродѣтельные, такъ особенно злые люди, при переходѣ въ другую жизнь, должны быть напутствованы и снабжены всѣмъ, что нужно имъ для многотруднаго перехода на тотъ свѣтъ и для первоначальнаго тамъ обзаведенія самыми необходимыми вещами. Если при погребеніи Чувашенина опущена будетъ какая-либо церемонія, если съ нимъ въ могилу не положить всего, что по обыкновенію считается нужнымъ; то мертвецъ не дастъ покоя оставшимся въ живыхъ родственникамъ своимъ, будетъ имъ являться и въ сновидѣніяхъ, и на яву, и наплетъ на нихъ тяжкія болѣзни, какъ-то: рѣзъ въ животъ и боль въ поясницѣ. Вотъ почему Чуваши, и по переходѣ въ христіанство и по оставленіи всѣхъ другихъ суевѣрій, считали да и теперь считаютъ, (разумѣется, далеко не всѣ) обязанностію свято соблюдать важнѣйшія, если не всѣ церемоніи языческаго погребенія.

Какъ скоро умираетъ Чувашенинъ, то одна изъ родственниковъ

*) *Тамькъ* значитъ бездна, отъ татарскаго *тамукъ*, адъ; а *хоранъ* есть татарское же *казанъ*, котель. Татарскій звукъ *з* у Чувашъ часто переходитъ въ *р*. Напр., восемь у Татаръ *секезъ*, у Чувашъ *сакырзъ*, девять у Татаръ—*токузъ*, у Чувашъ *токурзъ* или *тухурзъ* и проч.

его должна была разбить надъ головою его сырыя лица, а юмса или старшій въ семействѣ оторвать голову пѣтуху и все это выбросить за ворота въ жертву злымъ духамъ, которыхъ потомъ просили не препятствовать переходу умершаго на тотъ свѣтъ. Дѣтомъ выносили покойника для омытія на дворъ, а зимою это дѣлалось въ самыхъ избахъ. Потомъ наряжали его въ праздничное платье, надѣвали на него бѣлую рубаху и порты, ноги обували непременно въ новые лапти и онучи, на руки надѣвали рукавицы, на голову шапку и, подпоясавъ кушакомъ, клали его въ гробъ; въ ротъ, за щеки всовывали ему нѣсколько серебряныхъ монетъ. Въ гробъ хоть повемногу клали всего, что покойникъ особенно любилъ, чѣмъ забавлялся и чѣмъ занимался. Если онъ курилъ или нюхалъ табакъ, то непременно надобно было положить трубку съ листовымъ или рожокъ съ молотымъ табакомъ. Если онъ занимался плетеніемъ лаптей, то въ гробъ клали кочедыкъ, ножикъ и лыки; если онъ былъ *шибырзе* (т. е., виртуозъ, игравшій на пузырѣ), то — пузырь; если плотникъ, то — топоръ и т. д. Само собою разумѣется, что при этомъ не забываемо было и вино, потому что всѣ Чуваши были большіе охотники до него. Такъ же точно поступали и съ женщинами: облакали ихъ въ парадное, праздничное платье, на голову надѣвали шапку, на руки — рукавицы; въ гробъ ихъ клали иглы съ разными нитками, веретена, нѣсколько льну, шерсти, шелку и холста. Все это считалось необходимымъ для перваго ихъ обзаведенія на томъ свѣтѣ, гдѣ по мнѣнію Чувашъ люди занимаются тѣми же самыми ремеслами, какъ и здѣсь, имѣютъ тѣ же наклонности и ведутъ ту же чувственную жизнь, какъ и на землѣ. Кромѣ того, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, ноздри, ротъ, глаза и уши затыкаютъ шелкомъ. Чуваши не могли мнѣ положительно объяснить значеніе послѣдняго обряда. Одни говорили, что это выражаетъ ихъ желаніе изобилія покойному. Другіе утверждали, что это необходимо пу-

жно сдѣлать для того, чтобы покойникъ на судѣ Торы могъ извиниться въ грѣхахъ своихъ невѣдѣніемъ и сказать, что слышать не слышалъ, видѣть не видѣлъ, говорить не говорилъ и вообще не чувствовалъ и не понималъ всего, что ему слѣдовало знать на счетъ своихъ обязанностей. Третьи наконецъ, не принимая ни того, ни другого объясненія, просто говорили: *иликь слла тунн*; *авани юла слла*, т. е., прежде такъ дѣлали; это по прежней вѣрѣ.

Прежде Чуваши хоронили покойниковъ въ тотъ день, въ который онъ умиралъ. Когда выносили его изъ дому, то родственники бросали въ слѣдъ ему зажженное тряпье, либо раскаленный и облитый водою камень. Это выражало ихъ желаніе, чтобы душа умершаго также быстро унеслась на небо, какъ улетаетъ дымъ отъ горящаго тряпья или раскаленного и облитого водою камня. Принесши гробъ на кладбище и опустивъ его въ могилу (при чемъ наблюдается, что бы голова умершаго была обращена на западъ), родственники и провожатые начинаютъ прощаться съ покойникомъ и поручаютъ кланяться отъ нихъ прежде отшедшимъ роднымъ и знакомымъ своимъ. Зарывъ могилу, выкачиваютъ въ нее съ западной и восточной стороны по столбу, въ ростъ умершаго. Къ этимъ столбамъ провожатые приставляютъ зажженные восковыя свѣчи въ честь умершихъ своихъ родственниковъ и друзей. Тогда, какъ бы въ присутствіи послѣднихъ и вмѣстѣ съ ними начинаютъ ѣсть приготовленные на этотъ случай блины, игтечи, лепешки, яйца, вареную курятину и пить пиво: каждый, откусивъ трижды отъ блина, игтеча и т. д., остальное кладетъ на могилу въ слѣдъ умершимъ, и трижды прихлебнувъ пиво изъ коша, остальное выливаетъ также на могилу.

По возвращеніи съ кладбища, домашніе покойнаго прежде

всего относить на *мазарки* *) платье, въ которомъ онъ умеръ, его постелю, посуду, изъ которой его обмывали, а также и нѣкоторыя другія вещи, преимущественно у него бывшія въ употребленіи, чтобы покойникъ по привычкѣ къ этимъ вещамъ не воротился за ними въ свой домъ. Потомъ идутъ въ баню мыться и париться и перебивать платье, потому-что признають и себя, и одежду свою отъ прикосновенія къ трупъ нечистыми. Наконецъ начинается попойка, составляющая прологъ къ цѣлому ряду поминокъ, о которыхъ поговорю съ Вами, любезнѣйшій Ал. Изв.; особливо, въ слѣдующемъ письмѣ.

*) Г-жа Фуксъ совершенно несправедливо говоритъ, будто чувашскія кладбища называются *мазарки* (Зап. о Чув. стр. 17). *Мазарки* — это отдѣльныя отъ кладбищъ, нѣкогда считавшіяся священными мѣста, на которыхъ складывались принадлежавшія покойникамъ вещи и въ которыхъ никогда не хоронили мертвыхъ. Умершіе по мнѣнію Чувашъ любили посѣщать эти мѣста, гдѣ лежали вещи, дорогія для нихъ по соединеннымъ съ ними воспоминаніямъ. Потому Чуваша часто приносили сюда хлѣбъ, лепешки, ниво для угощенія умершихъ. Корень слова *мазарки* находится въ арабскомъ *зоръ*, *посещалъ*; откуда происходитъ *мезаръ*, *мезаратъ*, посѣщеніе, мѣста которыя посѣщаются людьми благочестивыми. По персидски мѣсто посѣщенія — *мезаръ-канъ*. Отсюда — чувашскіе *мазарки*. Впрочемъ у магометанъ мѣстами посѣщенія называются преимущественно гробницы угодниковъ божіихъ. Но у Чувашъ слово *мазарки* никогда не значило кладбища. Последнее называютъ они *обамаръ* и *сюва*. *Обамаръ*, вѣроятно, есть испорченное арабское *моаммаръ*, или *мааморъ*, жилище долговременное, вѣчное, — отъ корня *амаръ*, жить долгое время. — *Сюва*, кажется, происходитъ отъ татарскаго *изъ* или *джизъ*, дождь.

Х.

Въ самой глубинѣ природы человѣческой скрывается потребность вѣрить, что со смертію тѣла мы не оканчиваемъ нашего бытія, что человѣкъ *долженъ* жить и послѣ того, какъ его тѣлесный составъ разрушится и обратится въ прахъ и что между людьми, живущими на землѣ, и людьми, прешедшими отъ здѣшней жизни, *должна* быть какая-то таинственная, непостижимая, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная связь. Потому у всѣхъ народовъ, за исключеніемъ самыхъ грубыхъ дикарей, находимъ учрежденія, въ которыхъ выражается эта вѣра. Натурально, что свойство этихъ учреждений всегда опредѣляется свойствомъ самаго вѣровавша въ будущую жизнь.

Мы видѣли, что Чуваши считали будущую жизнь продолженіемъ настоящей, чувственной, животной. Они вѣрили, что добрые люди, хотя и живутъ на томъ свѣтѣ счастливо и во всемъ довольствѣ, но по любви къ оставшимся на землѣ родственникамъ и пріятелямъ своимъ съ удовольствіемъ посѣщаютъ пиршества и праздники, въ честь ихъ учреждаемые на землѣ, и принимаютъ въ нихъ живое участіе. Злые же мертвецы имѣютъ и особенную причину присутствовать на этихъ пиршествахъ: въ аду особенно на первыхъ порахъ имъ ѣсть почти нечего; они тамъ голодуютъ ужаснѣйшимъ образомъ и отводятъ душу только тѣмъ, чѣмъ воспользо-

зуются на учреждаемыхъ въ честь ихъ поминкахъ. — Притомъ Чуваши были убѣждены, что животныя, закланные и съѣдаемыя ими на поминкахъ, переходятъ на тотъ свѣтъ и дѣлаются тамъ собственностію поминаемыхъ ими родственниковъ, — собственностію не лишнею и для добрыхъ, а для злыхъ, имѣвшихъ несчастіе попасть въ адъ, совершенно необходимою. Вотъ вѣрованіе, изъ которыхъ можно объяснить какъ происхожденіе и свойство чувашскаго поминовенія усопшихъ, такъ и причину, почему оно совершается у нихъ довольно часто.

Поминки чувашскіе раздѣляются на частныя и общіе.

А) Частныя совершаются по вновь умершимъ а) въ третій день послѣ его похоронъ, б) въ седьмой день, в) въ каждый четвертокъ до шести недѣль по смерти покойника,*) д) въ сороковой день.

Въ третій, въ седьмой день послѣ похоронъ и по четвергамъ богатые Чуваши варятъ въ яшкѣ курить, стряпаютъ блины, сырцы и проч., а бѣдные довольствуются заготовленіемъ *хыбарды*, — небольшихъ хлѣбцовъ пшеничныхъ, испеченныхъ безъ соли и сверху помазанныхъ масломъ, — и *перемечи*, — ватрушекъ наливаемыхъ мятымъ и растрепаннымъ въ маслѣ либо въ молокѣ картофелемъ. Въ вечеру эти кушанья и *чирясъ* (выдолбленная изъ липоваго дерева бадья) съ пивомъ ставятся на столъ у волокового окна. Всѣ члены

*) Многіе изъ престарѣлыхъ Чувашъ сказывали мнѣ, что прежде поминки по четвергамъ продолжались до полугода и болѣе. Если похороны были послѣ ноября, то поминовеніе по умершимъ въ старину совершалось каждый четвертокъ до *самика*; а если похороны были послѣ *семика*, то поминки четверговые продолжались до ноября мѣсяца. Можетъ быть, это обыкновеніе и по-нынѣ сохранилось у некрещенныхъ Чувашъ.

семейства отдѣляютъ руками, безъ пособія ножа, по куску отъ каждаго кушанья для новоумершаго и кладутъ въ особую чашку, а потомъ прихлебнувъ пища изъ ковша, остальное выливаютъ въ другую чашку и обѣ выносятъ на дворъ собакамъ. За тѣмъ обыкновеннымъ порядкомъ идетъ ужинъ и пивопитіе, но ни музыки, ни пѣсней, ни плясокъ при этомъ случаѣ никогда не бываетъ.

Сорочины исправляются у Чуващъ съ особенною торжественностію и съ весьма обильными воздѣіями пива и вина. Это для родственниковъ умершаго день розговѣнья и разрѣшенія на *все*: въ теченіе шести недѣль послѣ похоронъ, они не могли ни пѣть, ни плясать, ни свистать, ни бить въ ладоши; родственницы умершаго не смѣли во все это время спать съ мужьями, прастъ шерсть, мыть бѣлье, надѣвать на себя новыя или праздничныя одежды, мазать печь или чинить ее, хотя бы она значительно попортилась; имъ дозволялось только стряпать самыя необходимыя кушанья, ходить за скотомъ и прастъ куделю. Вообще во все время продолженія шести недѣль показывать видъ довольства, веселости — *іорамать*, не ладно, не годится. Только въ сорочовой день послѣ похоронъ это *іорамать*, этотъ освященный стародавнимъ обыкновениемъ и примѣромъ предковъ законъ о траурѣ теряетъ свою силу. Въ этотъ день совершались родственные поминки: на кладбищѣ, на мазаркахъ и на дому; но за то на нихъ Чувашенинъ могъ уже свободно и пѣть, и плясать, и утѣшаться національною музыкою. — Начиналось тѣмъ, что родственники умершаго приглашали юмсю или какого-либо сторонняго человѣка, который закалалъ овцу, либо козу, либо корову, обыкновенно передъ кончиною назначавшуюся для этой цѣли самимъ умершимъ, и который за то получалъ шкуру заколотаго имъ животнаго и право участвовать въ семейномъ пиршествѣ. Сваривъ мясо этого животнаго, одну половину его, равно какъ половину

изъ приготовленныхъ блиновъ, сырцовъ, лепешекъ, каши, вина и пива оставляютъ дома для ночного поминовения, а съ другою родственники умершаго, приглашенные ими досы и музыканты около полудня отправляются на кладбище. Здѣсь прежде всего каждый изъ родственниковъ съ обычными поклонами говорить *тагу* (здравствуй) умершему, потомъ отливаетъ полковша пива и полстакана вина на его могилу и откладываетъ на нее по куску изъ предлагаемыхъ ему хлѣбныхъ и мясныхъ яствъ, приговаривая: *омины болдыр* (будь передъ тобою)! Исполнившіе эту церемонію, отойдя нѣсколько шаговъ отъ могилы, начинаютъ вопить въ истошный голосъ, кланяясь на сѣверъ и призывая умершаго принять участіе въ ихъ трапезѣ. Какъ скоро всѣ окончатъ обрядъ возліянія и приношенія, то собаки бросаются на могилы, начинаютъ драться и визжать. И этотъ визгъ считается самымъ благопріятнымъ знакомъ. Чуваши думаютъ, что души покойниковъ входятъ въ это время въ собакъ, что пожираемое послѣдними съѣдается умершими, что визгомъ собакъ покойники изъявляютъ свое удовольствіе поминающимъ ихъ родственникамъ. Доказательствомъ такого вѣрованія Чувашъ во временный метампсихозъ, или во временное переселеніе душъ умершихъ въ собакъ, служить уже и то, что послѣднія во время поминокъ пользуются правами неприкосновенности; ни одинъ Чувашенинъ не осмѣлится отогнать отъ могилы собаку, отнять у нея лакомый кусокъ или ударить ее, хотя бы она очень невѣжливо стала рвать хлѣбъ или мясо изъ его рукъ. Надобно полагать, что нарицательное имя собаки (*ида*, по татарски *этэ*) слѣжалось у Чувашъ браннымъ словомъ въ позднѣйшее время, изъ подражанія Татарамъ; вѣроятно, что въ древнія времена это животное считалось если не священнымъ, то по крайней мѣрѣ и презрѣннымъ. Мы видѣли уже, что собаки признавались у Чувашъ защитниками противъ нападковъ *Ар-сюри*, лѣшаго; теперь видимъ ихъ органами умершихъ и

ублажаемыхъ родственниковъ: та и другая роль не могла приличествовать существамъ презрѣннымъ. Какъ бы то ни было, только изъ визга собакъ Чуваши заключали, что умершіе явились лично на поминки и раздѣляютъ съ ними трапезу. Это мгновенно прелагало печаль и сѣтованіе поминающихъ на шумную радость и веселое разгулье. Музыканты тотчасъ принимались за свое дѣло, пирующие постепенно увеличивали приемы пива и вина: начинались пѣсни, хлопанье въ ладоши, пляска, отъ которой даже самые дряхлые старики не могли отказываться. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока истощался весь назначенный для кладбищныхъ поминокъ запасъ яствъ, пива и вина. Тогда приглашенные родственники и досы отправляются въ домъ покойнаго, а старшій или старшая въ семействѣ въ сопровожденіи музыкантовъ и самыхъ близкихъ своихъ родныхъ ѣдутъ на мазарки. Тамъ устроивается небольшой одноножный столикъ. Сдѣлавъ нѣсколько поклоновъ на сѣверъ, старшій или старшая въ семействѣ ставитъ на этотъ столикъ чирясъ пива, блюдо съ кашею, кладетъ на него небольшой кусокъ холста, которымъ поминаемый мертвецъ, напившись и наѣвшись, долженъ утереться, кидаетъ собакамъ нѣсколько кусковъ хлѣбныхъ и мясныхъ купаньевъ, приговаривая: *сій, исъ, атте, анне, пичче, аппа* и проч. (т. е., ѣшь, пей, батюшка, или матушка, или братецъ, или сестрица и т. п.), и наконецъ, ударяя въ ладоши, начинаетъ плясать вокругъ стола. Примѣру старшаго послѣдуютъ и всѣ присутствующіе. Въ сумерки пляска оканчивается, присутствующіе низко кланяются передъ столомъ на сѣверъ и, оставя чашку съ кашей и чирясъ съ пивомъ на мазаркахъ, ѣдутъ домой.

Въ домъ умершаго начинаются новыя церемоніи. У дверей, подлѣ волокового окна ставятъ столъ съ нужными для поминокъ кушаньями и питіями; къ волоковому окну въ память умершаго

пригѣпляють зажженную восковую свѣчу. Каждый изъ родственниковъ по старшинству лѣтъ садится за столъ, отвѣдываетъ кушанье, отпиваетъ пива и вина, отдѣлая для умершаго въ одинъ чирасъ пиво, а въ другой — хлѣбные и мясные куски; потомъ, сдѣлавъ поклонъ умершему, который въ это время по вѣрованію Чувашъ сидитъ за трапезою, а также поклонившись и всѣмъ присутствующимъ, начинаетъ плясать. Когда каждый изъ домашнихъ и приглашенныхъ родныхъ совершитъ этотъ обрядъ поминовенія; то очередь опять начинается со старшаго, и такимъ образомъ поминование продолжается во всю ночь. На разсвѣтъ столъ съ чирасами пива и кушанья для умершаго выносятъ на дворъ и ставятъ около крыльца. Вокругъ стола снова начинается пляска и продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ пляшущихъ, какъ бы невзначай, не опрокинетъ ногою стола, объявивъ притомъ, что покойникъ все *сйза-исъза-да-питерны*, съѣлъ и выпилъ и совершенно доволенъ сдѣланнымъ ему угощеніемъ.

Къ частнымъ поминкамъ относятся и экстренные, совершающіеся въ различные времена года. Поводами къ нимъ бываютъ слѣдующіе случаи:

1) Если Чувашенинъ, проѣзжая мимо мазарокъ, почувствуетъ себя дурно, или ежели у скота его, побывавшаго на мазаркахъ, заболѣетъ что-либо; то это явный знакъ, что мертвецъ проситъ себѣ поминокъ. Въ такомъ случаѣ Чувашенинъ относитъ на мазарки чашку накрошеннаго хлѣба и чирасъ пива. Тѣмъ все дѣло и оканчивается. Но гораздо убыточнѣе были экстренныя поминки, совершавшіеся по нижеслѣдующему поводу:

2) Случалось очень часто, что Чувашенинъ, порядкомъ подгулявъ на поминкахъ у сосѣда, либо у доса, засыпавъ съ

мыслию о давно или недавно умершемъ родственникѣ своемъ и видѣтъ во снѣ, что покойникъ требовалъ себѣ отъ него для приплоду и заведенія на томъ свѣтѣ извѣстное домашнее животное, на пр., лошадь, корову, овцу. Нельзя было не исполнить этого требованія: иначе покойникъ преждевременно возьметъ непослушнаго къ себѣ, на тотъ свѣтъ, а скотъ его истребитъ посредствомъ змѣй, либо перебьетъ камнемъ. Volens nolens Чувашенинъ колетъ требуемую скотину, варитъ пиво, приготовляетъ всѣ нужные для поминаванія запасы и отвозитъ на кладбище, гдѣ всѣ родственники и приглашенные досы, упавъ на землю около могилы поминаемаго, слезно умоляютъ его не тревожить ихъ видѣніями и не брать къ себѣ преждевременно. Потомъ съ тѣми же обрядами, какъ и въ сорочины, пьютъ пиво и вино, приготовленныя яства, братски раздѣляя трапезу съ собаками, и въ заключеніе покоятъ и пляшутъ вокругъ могилы.

3) Чуваши вѣрятъ, что мертвые не посредствомъ однихъ сновидѣній, но и другими способами могутъ требовать себѣ поминокъ. Есть, на пр., болѣзни, происхожденіе которыхъ чувашская патологія не можетъ объяснить себѣ иначе, какъ предположивъ, что онѣ посылаются на живыхъ мертвецами, требующими себѣ поминаванія. Таковы: боль въ поясницѣ и рѣзь въ животѣ. Кто почувствуетъ ихъ, хотя бы давнымъ давно не былъ на мазаркахъ, тотъ долженъ совершить по умершимъ своимъ родственникамъ поминки точно также, какъ и видѣвшій во снѣ покойника, требующаго себѣ извѣстное животное.

В) *Общіе или годовые поминки* совершаются у Чувашъ трижды въ годъ и притомъ около того же времени, какъ и у насъ. Мы творимъ поминаваніе по усопшимъ въ субботу передъ Пятидесятницею, въ субботу же между Дмитріевымъ днемъ и Ка-

занской и въ Ооминъ вторникъ. У Чуваши общіе поминки бываютъ: а) въ семикъ, в) въ ноябрь мѣсяцъ (юба ома, мѣсяцъ поминoveniя усопшихъ) и с) во второй или въ третій день Пасхи. Общими мы называемъ ихъ какъ потому, что на нихъ поминаются всѣ умершіе, такъ и потому, что въ нихъ богѣе или менѣе участвуетъ весь народъ.

Въ Семикъ Чуваши имѣютъ обязанность отправлять поминки непременно на кладбищахъ, если со смерти одного изъ ближайшихъ родственниковъ ихъ (какъ-то: отца, матери, тестя, тещи, свекра, свекрови, мужа, жены, брата, сестры) не прошло *трехъ* лѣтъ. Слѣдовательно число отправляющихъ въ этотъ день поминки на могилахъ долженствовало бы быть не велико. Но къ нимъ для компаніи всегда присоединяются и дальніе родственники и знакомые, у которыхъ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ не умирало ни одного близкаго родственника. Они, чтобъ не быть въ тягость ближнимъ родственникамъ новоумершаго, приносятъ съ собою свое пиво, свое вино и свои съѣстные припасы. Только бѣдняки, да люди безъ роду и племени поминаютъ въ этотъ день своихъ давно умершихъ родственниковъ у себя дома, съ обрядами, какіе употребляются при поминкахъ въ *третій* и въ *седьмой* день послѣ похоронъ, скромно довольствуясь небольшимъ количествомъ пива, *хыбарды* и *перемечи*. Лица начальственные, головы, засѣдатели, добросовѣстные и проч., также по большей части остаются дома изъ опасенія въ заключительной семиковой свалкѣ уронить свое чиновное достоинство. А богатая и обрусѣлая аристократія править свои поминки вмѣстѣ съ Русскими и по-русскому обычаю. Но за то все среднее сословіе, т. е., все, что занимаетъ средину мажду высшимъ чувашскимъ обществомъ и бобылями, съ такимъ же удобствомъ, съ такимъ же успѣхомъ отыскиваетъ случай творить поминки на могилахъ, съ какимъ

лѣнтяй всегда находитъ поводъ лѣниться, а пьяница — напиться.... Такимъ образомъ чувашскія кладбища въ семикъ около полдня бываютъ биткомъ набиты народомъ, привезшимъ съ собой во множествѣ съѣстные и питьевые запасы. Каждое семейство располагается вокругъ могилы новоумершаго своего родственника, разстилаетъ около нея холсты и кафтаны и разставляетъ поила и кушанья. Сдѣлавъ три низкихъ поклона передъ могилой, поминающіе начинаютъ выть и оплакивать новоумершаго, восхваляя его достоинства и добродѣтели. Потомъ къ могильному столбу привѣшиваютъ полотенце въ знакъ открытія поминковъ, дѣлаютъ въ головахъ покойника ямку и, наливъ въ ковши пива, говорятъ: *»тагу сана (здравствуй), молись о нашемъ здоровьѣ, храни насъ отъ бѣдствій, живи на томъ свѣтѣ хорошо, богато и весело и не бери насъ къ себѣ до маститой старости! Каждый изъ поминающихъ отливаетъ въ ямку пива и вина и кладетъ въ нее по куску отъ каждаго изъ предлагаемыхъ ему яствъ, разумѣется, на пользу и потребление собакъ. Пока съ плачемъ, воплемъ и причитаньями поминаютъ новоумершаго, до тѣхъ поръ пьютъ и ѣдятъ принесенное его ближайшими родственниками. А какъ скоро начинаютъ помянуть давноумершихъ, то на сцену являются запасы, принесенные дальними родственниками новоумершаго. О давно умершемъ уже не плачутъ и не воютъ; въ честь ихъ поютъ пѣсни, хлопаютъ въ ладоши и пляшутъ подъ музыку. Поливая могилки ихъ пивомъ и виномъ, Чуваша мало по-малу и сами въ буквальный смыслъ наливаются до такой степени, что у самыхъ усердныхъ поминальщиковъ и поминальщицъ на рукахъ одинъ палецъ не сходится съ другимъ, сосѣднимъ. Сцена изъ забавной постепенно дѣлается болѣе и болѣе отвратительною. Шумъ, гамъ, вопли плачущихъ, веселыя восклицанія пирующихъ, крики ссорящихся между сробомъ, нестройная игра *шмбырзе* и *гусельщиковъ*, вой и визгъ собакъ, взвизгиванья пляшущихъ, ругательства де-*

рущихся — все это ви́стѣ превращаетъ чувашскія поминки въ настоящей шабашъ кievскихъ вѣдьмъ на Ысой горѣ. До послѣдней степени экзальтированное вакхическое неистовство представляютъ собою женщины, недавно схоронившія мужей. Онѣ и плачутъ и пляшутъ въ одно и то же время, рвутъ на себѣ волосы, одежду, бросаются на могилы, роютъ на нихъ землю руками, со слезами причитаютъ добродѣтели и достоинства своихъ супруговъ; — и потомъ, вдругъ вскакивая на ноги, неистово топчутъ могилу и, жесточайшимъ образомъ понося своихъ дражайшихъ сожителей, обнаруживаютъ изумительное искусство владѣть русскими, небывавшими еще въ печати словами, хотя вообще по-русски выражаются очень плохо.... Не многіе возвращаются съ кладбища добрымъ порядкомъ. Большую часть усердныхъ поминальщиковъ малолѣтки отвозятъ домой, взваливъ ихъ на телеги ви́стѣ съ пустыми пивными и винными боченками, какъ бы нарочно для того, что бы они въ лицахъ представили народную русскую поговорку: *фляга ты моя фляга! спѣж-ка я возлѣ тебя лягу; ты меня не оставь, а я тебя не покину**).....

Несраннымъ пристойнѣе, трезвѣе и цѣломудреннѣе ведутъ себя Чуваши на поминкахъ, бывающихъ въ *ноябрь* мѣсяцѣ и на *Пасхѣ*. Поминки эти совершаются въ домахъ, въ честь всѣхъ умершихъ родственниковъ. Обряды въ этомъ случаѣ соблюдаются почти такіе же, какъ и въ сорочины на домашнихъ поминкахъ. По закатѣ солнца за обставленный разными кушавьями и сосу-

*) Впрочемъ въ казанской губерніи воспрещено Чувашамъ отправлять поминки *въ семьѣ* на кладбищахъ. Начальство при этомъ случаѣ имѣло въ виду прямую пользу самихъ Чувашъ, которыхъ нерѣдко обирали русскіе крестьяне, обыкновенно являвшіеся на поминки къ заключительной свалкѣ, когда у каждого насосавшагося до положенія ризъ Василия Ивановича можно выманить или отнять все, что угодно.

дами съ пивомъ и виномъ столъ садится старшій въ семействѣ и прилѣпляетъ къ волоковому окну за каждаго изъ отшедшихъ родственниковъ по одной зажженной восковой свѣчѣ. Потомъ руками отдѣляетъ отъ каждаго изъ кушаньевъ по куску, отдѣляетъ половину самъ, а другую раздѣляетъ на части по числу поминаемыхъ родныхъ и кладетъ въ пустую чашку, провознося притомъ: *айте-не*, *анне-не*, *ничче-не*, *аппа-на болдыръ* (да будетъ это батюшкѣ, матушкѣ, братцу сестрицѣ и т. д.). То же дѣлаетъ съ пивомъ и виномъ. Такимъ же образомъ поминаютъ умершихъ и всѣ прочіе члены семейства. Отдѣленные умершимъ кушанья и пиво женщины выносятъ на дворъ и выливаютъ собакамъ. Послѣ того всѣ члены семейства за исключеніемъ малолѣтнихъ и дряхлыхъ стариковъ, взявъ съ собою състныхъ и питейныхъ запасовъ, уходятъ къ своимъ родственникамъ; для такого же поминовенія, и такъ. обр. цѣлую ночь переходятъ изъ дома въ домъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ замѣтить, что прежде пасхальные поминки обыкновенно совершались въ среду на страстной недѣлѣ (*калымъ-конъ*), и что съ ними у Чувашъ-язычниковъ соединялось жертвоприношеніе въ честь высшаго Бога; а за этимъ жертвоприношеніемъ слѣдовалъ обрядъ изгнанія пайтана и вообще всѣхъ злыхъ духовъ изъ домовъ и деревень. На это соединеніе указываетъ самое слово: *калымъ-конъ**). Но въ послѣдствіи времени *калымъ-конъ*, среда страстной недѣли, назначена была только для поминовенія усопшихъ, а жертвоприношеніе высшему Богу и изгнаніе пайтана перенесено на субботу страстной недѣли. Въ вечеру этого дня въ каждомъ домѣ варили ячменную кашу, ѣли

*) *Конъ* — день, *калымъ* отъ татарскаго *калимъ* собственно значить вино, деньги, платимыя женихомъ за невѣсту, потомъ воздаваніе, благодареніе.

се и пили пиво во имя высшего Бога, а потомъ съ крикомъ и визгомъ были рабиновыми палками по всѣмъ угламъ избы, по печи, подъ печью и по подполью, выбѣгали на дворъ, на карды, въ амбары и тамъ также съ-плеча колотили по всему, что ни попало, отворяли ворота и, какъ бы выгоняя и преслѣдуя кого-либо, бѣжали до перваго оврага, либо до ближайшей рѣчки. Тутъ бросали палки, раскланивались съ злыми духами, дарили ихъ хлѣбцами сырцами, яйцами и проч., и, возвратясь домой, сѣтно праздновали освобожденіе отъ лукаваго.

ХІ

Хоть бы Вы, любезнѣйшій Ал. Ив., и еще два раза при-
слали ко мнѣ горячія посланія съ просьбою описать черты
лица и душевныя качества Чувашъ, — я не послушаюсь Васъ.
Къ чему это?.... Для Казани, для благополучнаго города, имѣющаго
завидную честь и неоцѣненное счастье каждую среду, каждую
пятницу и каждое воскресенье и слышать, и созерцать на своихъ
пшести базарахъ и Татаръ, и Черемисъ, и Чувашъ, и Мордву, и
Вотяковъ, — для такого города, или лучше для органа его —
Губернскихъ Вѣдомостей вовсе не нужно описаніе наружности
моихъ пріятелей. Кто изъ казанскихъ жителей не знаетъ, что
Чуваши по большей части роста средняго, что лица у нихъ
смуглыя, съ немного выдавшимися скулами, глаза черные съ
увкопрорѣзанными рѣсницами, лобъ узкій, волосы на бородѣ и
на головѣ черные, либо черноватые, носъ остроконечный, ротъ
и губы правильные, что походка у Чувашъ тяжелая и неуклюжая,
а у Чувашекъ — смѣшная, похожая на утиную? Къ чему говорить
обо всемъ этомъ въ Вашихъ Вѣдомостяхъ? — Развѣ для того
только, чтобы при сей вѣрной оказіи выставить на видъ ка-
занской читающей публикѣ, что знаменитый *Ө. Х. Эрдманъ* въ
наружности или вообще тѣлосложеніи (*Körperbau*) ихъ совершенно
напрасно отыскивалъ какіе-то небывалые слѣды финскаго про-
исхожденія Чувашъ?*)... Это совершенная правда.

*) См. Erdmann's Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland.
Erst. Th. S. 109.

Да и о нравственных качествах моих пріятелей что я Вамъ скажу? — Чувашенинъ отлично гостепріименъ для всѣхъ, кто не выше его, отличный работникъ, хорошій семьянинъ, но снабженъ очень покатыми горышками, — это дѣло уже извѣстное. Онъ добръ отъ природы, но золь пьяный и мстителенъ во гнѣвѣ, — это также извѣстно всему свѣту. Теперь онъ уже далеко меньше прежняго суевѣренъ, — онъ знакомъ съ началами истинной религіи, но за то любитъ пользоваться суевѣріями другихъ и превосходно знаетъ, когда его либо некрещенному, либо не вполне обращенному единоплеменнику нужна для жертвоприношенія буря, или черная, или пестрая корова, а при случаѣ пожалуй и самъ не только въ видѣ юмси опредѣлить этотъ цвѣтъ, но и корову свою привести на дворъ доса, да и слупить съ него за идоложертвенное животное втридорога. — Онъ не такъ дикъ, не такъ боязливъ, не трепещетъ передъ каждымъ Русскимъ, какъ прежде; но за то если онъ торговецъ, то цѣлю своей торговли, если мастеровой, то цѣлю своего мастерства, если извозчикъ, то цѣлю всей своей извозничьей дѣятельности поставлеть непремѣнно надуть Русскаго изъ одного чисто эстетическаго наслажденія — надуть. Онъ пожалуй не украдетъ у Васъ денегъ, хоть бы онѣ плохо лежали, — оборони Богъ, — это грѣхъ; но взять съ Васъ безбожную цѣну за товаръ, либо за извозъ не сочтетъ за грѣхъ. Онъ читаетъ со словъ священника своему сыну моральныя правила о трезвости; но его же пожалуй прибить, если тотъ опуститъ случай накатиться у пріятели даровымъ угощеніемъ. — Онъ страшно боится уже не судей, но самаго процесса суда; но за то на допросъ необыкновенно увертливо старается сбить съ толку слѣдователя: то прикинется дурачкомъ, незнайкой, то отвѣчаетъ на одну половину вопроса, какъ бы не слыша другой, и отпирается отъ своего отвѣта подъ предлогомъ, что хочетъ дать полную силу второй половинѣ вопроса, то взведетъ небывальщину на себя

самого, то отведеть слѣдователя къ другому, чѣмъ всего минимому преступленію. — Но чтожъ такое всѣ эти качества? — Просто случайность. Посмотрите, какую мораль, или лучше, какое отсутствіе всякой морали нашла у Чувашъ г-жа Фуксъ^{*)}). . . Лѣтъ двадцать пять тому назадъ описаніе ея въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было и вѣрно, и натурально, а теперь оно — анахронизмъ. Такъ за какія же благи мнѣ распространяться о томъ, что, можетъ быть, и раньше 20 лѣтъ сдѣлается — анахронизмомъ?

Нѣтъ, — въ сторону моральныхъ качества современной Чувашландіи. Давайте лучше пѣть чувашскія пѣсни!

— Какъ пѣсни? — спрашиваете Вы. — Да вѣдь г-жа Фуксъ говоритъ, что пѣсни Чувашъ спрятаны въ ихъ воображеніи, что когда они идутъ лѣсомъ, то поютъ, не приговаривая, пѣснь лѣсу; плывутъ по рѣкѣ — и поютъ похвалу ей; идутъ по дорогѣ — и восхваляютъ ее и все случившееся на ней было и небылицы.^{**)}

— Это сказано прекрасно. Чувашаи точно весьма часто импровизируютъ свои пѣсни. Но не менѣе справедливо и то, что у нихъ есть пѣсни, переходящія отъ одного поколѣнія къ другому. Да и сама г-жа Фуксъ приводитъ и прекрасно переводитъ двѣ изъ нихъ, извѣстныя всему чувашскому міру. Такихъ пѣсень въ молодости я зналъ много, но потомъ позабылъ. Теперь нѣкоторые изъ нихъ, услышавъ изъ устъ Чувашъ, я вспомнилъ, другія узналъ вновь частію отъ товарища моего путешествія по Чувашландіи, студента нашего Университета Н. И. Золотницкаго,

^{*)} Записки о Чув. стр. 57 — 58.

^{**)} Записки о Чув. стр. 82.

уроженца Чебоксарскаго уѣзда, частию отъ самихъ народныхъ пѣснопѣвцовъ, и составилъ порядочную коллекцію.

Прежде, чѣмъ станете читать выборку изъ моей коллекціи, потрудитесь припомнить вторую изъ приводимыхъ г-жею Фуксъ чувашскихъ пѣсенъ. По характеру своему она какъ двѣ капли воды похожа на сообщаемыя мною. Тѣже звукоподражанія, подобія, сравненія; таже почти постоянная парономазія, игра словами. Рѣчь всегда отрывистая; переходы быстрые. Вотъ Вамъ нѣсколько примѣровъ эротическихъ пѣсенъ.

1.

Пыть, пыть, подене!

Шта каядынъ, подене?

Хорама-ла каядыгъ.

Хорамалда минь ись боръ?

Толыхъ-тыны боръ дессе.

Толыхъ-тыны минь хак-ра?

Сюръ сиримъ бусъ дессе

Сюрбю-синче сюръ сіона,

Сюръ сіона-ра перь хирь сіокъ:

Пиринъ ял-да перь бахча;

Перь бахча-ра сакыръ хирь,

Сакыръ хирь да сара-минь,

Чорныгъ-сарышъ хора-минь.

1.

Пыть, пыть, перепелка!

Куда летишь, перепелка?

Въ Кармалы*) я лечу.

*) Подъ названіемъ *Кармаловъ* извѣстны четыре села, одно за Камою, къ которому безъ сомнѣнія не относятся слова

А что дѣлать въ Кармалахъ?
 Торица есть, говорятъ.
 Дорога-ли торица?
 Да рубль двадцать говорятъ.
 Въ Цивильскѣ*) есть сто саней
 Да въ нихъ нѣтъ ни дѣвушки;
 Въ нашемъ селѣ одинъ садъ,
 Въ одномъ саду восемь дѣвушекъ,
 Восемь да все бѣленькихъ;
 А та изъ бѣленькихъ, которую я люблю, черновата.

2.

Хора хирь-зэне
 Хора Тора сіоратны;
 Хирле хирь-зэне
 Херле Тора сіоратны.
 Хирь-зэмъ хизирь болаесъ-рань
 Пире Тора сіоратны. —
 Хора хирь-зэне
 Хора корга-ба сыра барась!
 Хирле хирь-зэне
 Хирле корга-ба сыра барась!

этой пѣсни, другое въ Цивильскомъ уѣздѣ, третье въ Че-
 боксарскомъ (оно же и Шутнерево), лежащее близъ знаме-
 нитаго въ чувашской сторонѣ Андреевскаго базара. Наконецъ
Хоромалъ Чуваши зовутъ и село Вязовое, (недалеко отъ
 Свияжска) потому-что *хорама* значитъ вязъ. Вѣроятно здѣсь
 разумѣется третье.

*) Въ русскомъ переводѣ здѣсь не видно связи, но въ по-
 длинникѣ она есть. Сочинительъ привязывается въ употре-
 бленному въ предыдущемъ стихѣ слову *сюръ* (сто) А оно
 есть корень чувашскаго названія Цивильска — *Сюрью*.

2.

Брюнетокъ дѣвушекъ
 Черный богъ родилъ;
 Красивыхъ дѣвушекъ
 Красивый богъ родилъ.
 А чтобы дѣвушки не были безплодны,
 Для того насъ Богъ родилъ. —
 Чернымъ дѣвушкамъ
 Чернымъ ковшомъ пива поднести!
 Краснымъ дѣвушкамъ
 Краснымъ ковшомъ пива поднести!

3.

Чолъ-хола-ра чонъ вылять,
 Пиринъ хола-ра іонъ вылять.
 Симбиръ котлыхъ-чинъ котлыхъ,
 Хазанъ ксерэ — хора ксерэ,
 Сіюль кюскетые ву іорать;
 Хонимынъ хирь-хора хирь
 Сюрь кюскетые ву іорать;
 Пиринъ окся хонимъ ра.

Хонимъ хирь *мртъ* - туре,
 Хозанъ ксерэ *хртъ* - туре,
 Симбиръ котлыхъ *мртъ* туре.

3.

Въ Нижнемъ душа играетъ,
 Въ нашемъ городѣ кровь играетъ.

Симбирскія шлеи — ременные шлеи,
 Казанская лошадь — ворона лошадь,
 Дорогу сократить она годится;
 Тестева дочь — черная дѣвушка,
 Ночь сократить она годится,
 (Потому что) наши деньги (калымъ) у тестя.

(Услышавъ это), тестева дочь фыркнула,
 Казанская лошадь брыкнула,
 Симбирская шлея тррр.. оборвалась,

4.

Кикирикъ, саръ-алданъ,
 Хорынъ-туры бошмаки!
 Качъ, качъ, качагга!
 Качагга-подики карда-ра,
 Барни-сарни арча-ра,
 Вахи-дваки бичке-ре.
 Айда ингге чукъ-симе,
 Досымъ бавы тор-лажа,
 Тор-лажа чукъ-гурымъ;
 Таву, таву, хирь-зэмъ,
 Тату, хирь-зэмъ!!

4.

Кикирику, пѣтушокъ,
 Бересчатый башмачокъ!
 Цыба, цыба ты, коза!
 Козлята малые въ хлѣвъ,

Дареный сарни*) въ сундукѣ
 Мелочи всѣ въ кадкѣ.**)
 Пойдемъ, молодка, чукъ есть,
 Мнѣ досушка гнѣдого дагъ,
 Гнѣдымъ конемъ я чукъ дѣлагъ.
 Да здравствуютъ же дѣвушки!
 Да здравствуютъ дѣвушки!!

5.

Ква, ква, кувагалъ!
 Шта каядынъ, кувагалъ?
 Хорамала каядымъ.
 Хорамалда минъ тувасъ?
 Онда манымъ бива боръ.
 Бива-сивъче мискеръ боръ?
 Бива-синъче симарда боръ.
 Симарда-синъче мискеръ боръ?
 Симарда сивъче ыиръ боръ...
 Тыdryмъ, пыхрымъ-хошки боръ,
 Углавдымъ, кайрымъ ял-тавра,
 Тохресъ ьид-зэмъ вирьмешкынъ,
 Тохресъ хиръ-зэмъ чармашкынъ.
 Хирле пить-ле хиръ кордымъ,
 Чонымъ хиръ-не чобъ-турымъ.
 Никама, дерымъ, ан-кала.

*) Не помню, объяснял-ли я Вамъ, Ал. Ив., что сарни—женский нарядъ, надѣваемый на спину и доходящій до ладвей.

**) Здѣсь рѣчь идетъ о приданомъ чувашскихъ невѣстъ, которое обыкновенно кладется въ кадку, называемую *юпсл* или просто *бичке* (бочка),

Кидемъ, кайрымъ шоръ шюре,
 Шора шюртъ-ре шора стель...
 Шора стель-де шось чашка,
 Шось-чашка-ра шора полъ,
 Шора пола тыдмашкынъ,
 Атна-коси керле она.
 Атна-косъ-не тумашкынъ,
 Тимервъ-ывыъ керле она.
 Тимервъ-ывы-не сидерме,
 Колачь-ба читнай керле она.
 Колачь читнай писерме,
 Падша-хиръ керле она.
 Падша хиръ-не вирентме,
 Тор-ранъ сюмүлхъ керле она.
 Падша-хиръ-не саятарма,
 Поръзинъ пужа керле она.
 Поръзинъ пужа саятмашкынъ,
 Кюмюль иргахъ керле она.
 Кюмюль иргахъ саямашкынъ,
 Кюмюль бревне керле она.
 Кюмюль бревне кюмешкынъ,
 Падша лажи керле она.
 Падша лажа-не сидерме,
 Уда-ба сюлю керле она.

5.

Ква, ква, утка!
 Куда летишь, утка?
 Въ Кармады я лечу. —
 А въ Кармадахъ что дѣлать?

Да тамъ мое гнѣздо есть. —
 А что въ томъ гнѣздѣ есть?
 Въ томъ гнѣздѣ есть яйца. —
 А что въ томъ яйцѣ есть?
 Въ яйцѣ жеребенокъ. —
 Поймалъ, смотрю — съ лысиной!
 Сѣлъ, поѣхалъ вокругъ села,
 Собаки лаять выбѣгли,
 Унижать ихъ вышли дѣвушки.
 Вижу тутъ красотку-дѣвушку,
 Въ губки чмокъ милашку-дѣвушку.
 Да молчи, сказалъ, не сказывай!
 Взялъ да взошелъ въ бѣлый домъ,
 Въ бѣломъ домѣ — бѣлый столъ...
 На томъ столѣ чашка жестяная,
 Въ жестяной чашкѣ — рыба бѣлая.
 Рыбу ловить бѣлую,
 Для этого сѣть нужна.
 Чтобъ такую сѣть вязать,
 Кузнеченка звать надобно.
 Кузнеченка накормить
 Калачъ съ ситнымъ надобно.
 Калачъ съ ситнымъ испечи
 Княжью дочь надобно.
 Княжескую дочь выучить,
 Просить надо божьей помощи.
 Княжью дочь побить,
 Кнутъ надобно шелковый.
 Чтобъ связать этотъ кнутъ,
 Нуженъ крюкъ серебряный.
 Чтобъ вколотить этотъ крюкъ,

Нужно бревно серебряное.
 Чтобъ привезть то бревно,
 Лошадь нужна княжая.
 Чтобъ кормить лошадь княжую,
 Овесъ съ сѣномъ надобны.

Вотъ Вамъ и примѣръ элегической чувашской пѣсни. Молодой Чувашенинъ выражаетъ жалобу на злую судьбу, которая насылаетъ на него неудачу во всемъ.

6.

Кошъ, кошъ, вурманъ, кошъ, вурманъ!
 Миньма туджахъ кошлатъ ву?
 Сиолень торатъ хожасъ деть.

Кошъ, кошъ, хумушъ кошъ, хумушъ!
 Миньма туджахъ кошлатъ ву?
 Сиолень сыппаларасъ деть.

Кирь, кирь, халыхъ, кирь халыхъ!
 Миньма кирьзеть савъ халыхъ?
 Сиолленегъ чіонъ хожасъ деть.

Атте боны хор-лажа;
 Тыдамъ, кюлемъ-день-чочне...
 Юманъ-каска болза вытрре.

Атте баны шоръ-ине,
 Тыдамъ, сувамъ-день-чохне...
 Хорынъ-каска болза вытрре.

Атте баны херле сорыхъ,
 Тыдамъ илемъ сюмне день-чохне...
 Херле ягаръ болза выртре.

Атте баны поръзинъ пизихи;
 Тыдамъ, сиграмъ-день-чохне...
 Пожитъ-чиле болза выртре.

Атте баны поръзинъ тодыръ.
 Тыдамъ, сиграмъ-день-чохне...
 Вирене-сюльчи болза выртре.

6.

Шумить, шумить дубровушка!
 За чѣмъ же все шумить она? —
 Сучки родить собирается.

Шумить, шумить камышокъ!
 За чѣмъ шумить онъ все? —
 Колѣнца ставить думаетъ...

Шумить народъ, волнуется!
 За чѣмъ же тотъ народъ шумить? —
 Душъ прибавлять думаетъ.

Далъ миѣ батюшка ворона коня;
 Дай впрягу, подумалъ я: —
 Дубовой колодой конь сдѣлался..

Далъ миѣ батюшка корову бѣлую;
 Нутка подою, подумалъ я. —
 Березовой колодой она сдѣлалась..

Далъ мнѣ батюшка овцу;
Сниму шерсть съ нея, подумагъ я...
Гнилушкой красной она сдѣлалась.

Далъ мнѣ батюшка кушакъ шелковый;
Дай подвяжу, подумагъ я...
Лыкомъ кушакъ сдѣлался.

Далъ мнѣ батюшка платокъ шелковый;
Дай подвяжу, подумагъ я....
Кленовымъ листомъ платокъ сдѣлался.

Приведу еще *обрядовую* пѣсню. Ее поютъ, когда женихъ беретъ невесту изъ дома отца.

7.

Ай, ай интге, Куль-интге
Хора-рахъ да шатра-рахъ:
Ахъ, ахъ, астуманъ,
Астумазыръ ильны она.

Сара-каикъ туратьченъ
Сарни тордса-сигынче;
Ахъ, ахъ, астуманъ,
Астумазыръ ильны она.

Хвель хирельзе-тогатьченъ
Питьне турза скювинче;
Ахъ, ахъ, астуманъ,
Астумазыръ ильны она.

Шора-коракъ туратьченъ
Шоръ сарпанне сырнынче;

Ахъ, ахъ, астуманъ,
 Астумазыръ ильны она.
 Вить-вить-каикъ туратъченъ
 Вить салмине турычъ;
 Ахъ, ахъ, астуманъ,
 Астумазыръ ильны она:
 Хора-корахъ туратъченъ.
 Хорав-не сюва саггынче,
 Ахъ, ахъ, астуманъ,
 Астумазыръ ильны она.
 Вильтрень каикъ туратъченъ
 Витрене сюклезе турычъ;
 Ахъ, ахъ, астуманъ,
 Астумазыръ ильны она.

7.

Молодая Акулинушка
 Черновата, рябовата!
 Ахъ, ахъ, позабыли,
 Позабывшись, взяли ее!
 До просыпу жолтянки
 Пусть сарни свой подвяжетъ;
 Ахъ, ахъ, позабыли,
 Позабывшись взяли ее!
 До восхода солнушка
 Пусть встанетъ, умоется;
 Ахъ, ахъ, позабыли,
 Позабывшись, взяли ее!
 До просыпу вороны
 Пусть сартанъ обернетъ;

Ахъ, ахъ, позабыли,
 Позабывшись, взяли ее!
 До просыпу мелкихъ птицъ
 Пусть салму накрошить;
 Ахъ, ахъ, позабыли,
 Позабывшись, взяли ее!
 До просыпу ворона
 Котель вымывши подѣснить;
 Ахъ, ахъ, позабыли,
 Позабывшись, взяли ее!
 До просыпу крапивника
 Пусть ведра (воды) принесеть.
 Ахъ, ахъ, позабыли,
 Позабывшись, взяли ее!

Вотъ бранная или, если угодно, *сатирическая* пѣсня, которую
 на свадьбахъ поютъ свахи недовольныя либо угощеніемъ, либо
 подарками.

8.

Хирь чиберь-и?-тыла пось!
 Качь чиберь-и?-мукъ согалъ!
 Эберъ она каламарымъ:
 Той-ачи-земъ каларесь. —
 Ку хозянынъ сыра тутла,
 Пичиксе хумла калаймесь. —
 Ку хозянынъ лѣпка ланхъ,
 Пердакъ туваръ калаймесь. —
 Ку хозянынъ кинь чиберъ,

Пичиксе сорпанъ хора-рахъ. —
 Ку хозяйныъ хиръ чиберь.
 Пердакъ чалма хора-рахъ. —
 Ку хозяйныъ ытыгъ ламхъ,
 Пердакъ сюсь-не вурманъ юстерны.

8.

Хорошаль невѣста? — кочка!
 Хорошъ ли женихъ? — мохъ-борода!*)
 Не мы это сказали;
 Дѣти это сказали. —
 У этого хозяина пиво сладко,
 Да хмѣлю тутъ недоложили. —
 У этого хозяина *лишка* хороша,
 Да соли тутъ не доложили. —
 У этого хозяина сноха красива,
 Да немного у нея *сарпанъ***) черноватъ. —
 У этого хозяина дочь красива,
 Да немного у нея *чалма**** черновата. —
 У этого хозяина сынъ хорошъ,
 Да волосы великоньки отрослигъ.

*) Т. е., женихъ очень старъ.

**) И опять-таки не помню, въ прежнихъ письмахъ моихъ сказать ли я Вамъ, любезнѣйшій Ал. Изв. что *сарпанъ* — рѣдкое, прозрачное полотно, однимъ концомъ котораго у женщины обертывается голова, а другой опускается на спину и прикрѣпляется къ поясу. *Сарпанъ* черный — это верхъ нарядности.

**) Подобно Татарамъ — мужчинамъ, чувашскія дѣвушки обертываютъ голову полотномъ поверхъ *тогмы* или шитой бисеромъ тюбетейки. Разница въ томъ только, что у *хирекъ* эта обивка не такъ густа, какъ у Татаръ.

Есть у Чувашъ бранныя пѣсни далеко рѣзче этой, но всѣ онѣ уже отзываются сильнымъ вліяніемъ руссизма и пересыпаны тѣми русскими выраженіями, которыхъ стыдится печать. Странная вещь эти выраженія. Бродя по окрестностямъ Петербурга, я видалъ преподобныхъ нѣмецкихъ колонистовъ, которые плохо говорили по-русски, но съ достоюющею отчетливостію въ случаѣ нужды разражались этими выраженіями. Теперь тоже вижу и у Чувашъ, и у Черемисъ, и у Татаръ.

Впрочемъ не думайте, чтобы и въ приведенной мною пѣсни брань была легкая. Нѣтъ, сорокъ разъ нѣтъ. Сказать, что у Чувашенина нѣтъ хмѣлю, соли, что онъ скупится на нихъ — это значить отпустить ему презлой сарказмъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ замѣтить, что устройство чувашскаго стиха — тоническое. Первое условіе и основаніе чувашской версификаціи составляетъ логическое удареніе, другое — игра словъ и аллитерація, занимающая у Чувашъ мѣсто нашей рифмы; только рифма эта бываетъ у нихъ не на концѣ стиха, но въ началѣ или срединѣ, какъ это можно видѣть изъ вышеприведенныхъ примѣровъ.

ХІІІ.

Вопросъ о чувашскомъ языкѣ и его происхожденіи доселѣ не приведенъ къ окончательному рѣшенію. Большинство филологовъ слишкомъ поспѣшно рѣшило, будто онъ есть *финское* нарѣчіе, образовавшееся подъ сильнымъ вліяніемъ тюркскаго и славянскаго языковъ. Я утверждаю совершенно противное, и готовъ доказать, что чувашскій языкъ есть чисто-тюркское нарѣчіе, съ примѣсю словъ арабскихъ, персидскихъ и русскихъ, и почти безъ всякой примѣси словъ финскихъ; потому-что по точномъ изслѣдованіи оказывается, что и весьма немногія выраженія, сходныя съ финскими, какъ напр., *вий* (ф. войма, сила), *кориа* (ф. кауга, ковшъ), *олымъ* (ф. олки, солома), *хумла* (ф. гумала, хмѣль), очевидно заимствованы съ черемисскихъ: *вы* (сила), *корка* (ковшъ), *оломъ* (солома), *умла* (хмѣль). Притомъ нельзя не замѣтить, что происхожденіе двухъ послѣднихъ словъ очень подозрительно. *Оламъ* — это едва-ли не наша *солома*, подобно тому и *умла* едва-ли не русское *хмѣль*.

Да нельзя не сознаться и въ томъ, что доселѣ ученые мало имѣли надежныхъ пособій къ изученію чувашскаго языка. Правда, теперь уже нѣсколько книгъ переведенно на этотъ языкъ и напечатано русскими буквами, какъ напр., *Катихивись*, сочиненный митрополитомъ Платономъ (1804), *Проповѣдь о воспитаніи*

дѣтей, свящ. Алонзова (1819); Четвероевангеліе (1820) и проч.; но все это переводы подстрочные, въ которыхъ мало обращалось вниманія на духъ языка и на внутренній механизмъ его. Такъ въ Четвероевангеліи многія славянскія слова, непонятныя и для многихъ Русскихъ, а тѣмъ больше для Чувашъ, оставлены вовсе безъ перевода. — Для нѣкоторыхъ изъ нихъ — скажутъ мнѣ, — въ бѣдномъ чувашскомъ языкѣ не можетъ быть равносильныхъ выраженій. — Вѣрю: но чтожъ тутъ за бѣда? Употребите перифразъ: вы растанете рѣчь, но за то сдѣлаете ее понятною, слѣд., приблизите къ цѣли. — Далѣе строеніе и складъ рѣчи здѣсь большею частію не чувашскіе. Наконецъ, что всего страннѣе, переводчики по неизвѣстной причинѣ боятся употреблять условную форму глагола, столь обыкновенную въ устной рѣчи, и безъ всякой нужды пестрятъ текстъ русскимъ *если*, тогда какъ союзъ этотъ вовсе неизвѣстенъ Чувашамъ. Если бы теперь кто-либо захотѣлъ изучить чувашскій языкъ по этимъ переводамъ, то онъ составилъ бы себѣ столь же вѣрное понятіе о немъ, какое могъ получить о черемисскомъ языкѣ г. Ф. I. Видеманнъ, учитель греческаго языка въ Ревелѣ, по черемисскому переводу Евангелія составившій грамматику: *Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache nach dem in der Evangelischen Uebersetzung von 1821 gebrauchten Dialecte* (Reval. 1847^{*)}. Что именно въ книгѣ г-на Видеманна заимствовано 1) изъ грамматики черемисской, изданной въ Петербургѣ въ 1775 году, 2) изъ грамматики о. Альбинскаго, напечатанной въ Казани въ 1837 году, 3) изъ книги г-на Кастрена: *Elementa grammatices Tscheremissae*, изданной въ Кюпио въ 1845 году, — и что новаго и вѣрнаго онъ

*) Замѣчательно, что тотъ же г-нъ Видеманнъ составилъ, по переводу Евангелія Св. Маттея, зырянскую грамматику: *Versuch einer Grammatik der syrianischen Sprache nach dem Uebersetzung des Evangelium Matthäi gebrauchten Dialecte*.

самъ, не знающій живого и разговорнаго языка*) и, какъ по всему видно, никогда не бывшій въ здѣшной сторонѣ, придумалъ отъ себя, какія странныя правила относительно духа и механизма языка извлекъ изъ своего изученія черемисскаго перевода Четвероевангелія, — обо всемъ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ нашемъ сочиненіи, — въ *Исследованияхъ о Черемисахъ*; а теперь обращаемся къ оцѣнкѣ печатныхъ пособій для изученія чувашскаго языка.

Въ 1772 году издана книга подъ названіемъ: *Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ чувашскаго языка*. Въ ней заключается очень краткая грамматика съ еще болѣе краткою переченью именъ и глаголовъ. Книга эта — ниже критики.

Въ 1836 году явилось: *Начертаніе правилъ чувашскаго языка и словарь, составленный для духовныхъ училищъ Казанской епархіи*. Это трудъ ученаго о. протоіерея В. П. Вишневскаго. Позвольте мнѣ нѣсколько подробнѣе поговорить объ этой грамматикѣ. — Главы 1 о буквахъ и 2 о знакахъ удареній изложены въ ней основательно. Авторъ является здѣсь установителемъ чувашской орфографіи, довольно затѣливой. — Въ главѣ 4-й читаемъ нѣсколько дѣльных замѣчаній объ идиотизмахъ чувашскаго языка. Но на стр. 8-й встрѣчаемъ слѣдующее примѣчаніе: »имена *ача* — дитя, *мылм* — сынъ, *хирь* — дочь, *посъ* — голова, въ звательномъ падежѣ принимаютъ приращеніе *мъ*, на пр., *ачамъ* — дитятко, *мылымъ* — сынокъ, *хирымъ* — дочка, *посымъ* — головушка, овѣ же и уменьшительныя.« Здѣсь, какъ мнѣ кажется, небольшое недоразумѣніе. *Мъ* есть притяжательное татарское мѣстоименіе 1-го лица, и значить

*) Авторъ самъ сознается, что при составленіи грамматики софтовался съ какимъ-то матросомъ изъ Черемисъ, умѣвшимъ впрочемъ забыть свой языкъ. Vorwort. S. V.

мой. Слѣд. ачамъ значить не дитято, а дитя мое, мылымъ — не сынокъ, а сынъ мой, хиримъ — не дочка, а дочь моя, посимъ — не головушка, а юлова моя и т. д. Формы уменьшительной тутъ вовсе нѣтъ. — Принятое авторомъ дѣленіе существительныхъ именъ на 3 склоненія совершенно произвольно. Я думаю, что у Чувашъ одно склоненіе. Стоитъ взглянуть на приведенныя авторомъ деклинаціонныя формы, чтобы убѣдиться въ этомъ. Онъ сдѣлалъ 3 склоненія, основываясь на различныхъ окончаніяхъ именъ въ падежахъ прямыхъ. Метода слишкомъ устарѣлая! Если слова въ падежахъ косвенныхъ имѣютъ одинаковыя окончанія и разнятся только въ прямыхъ, то къ какой стати тутъ дѣленія на разные склоненія? — Въ главѣ объ имени прилагательномъ многое не обдѣлано надлежащимъ образомъ, и встрѣчаются значительныя невѣрности. Такъ на стр. 15 авторъ говоритъ, что »нѣрѣдко имена существительныя, поставленныя въ родительномъ падежѣ, имѣютъ значеніе прилагательныхъ.« — Это неправда. — Съ большою отчетливостію изложены главы о мѣстоименіи и особенно о глаголѣ, хотя и здѣсь не обошлось дѣло безъ промаховъ. Такъ на стр. 36-й авторъ говоритъ, что »повелительное наклоненіе дѣлается изъ неопредѣленнаго, отбрасывая слогъ *асъ* или *лсъ*, и въ приѣмѣ приводитъ глаголъ *излсъ* (пить), который будтобы въ повелительномъ наклоненіи имѣеть: *изъ*. — Но слово—*изъ* Чувашамъ вовсе неизвѣстно; они говорятъ: *исъ* (пей), а не *изъ*.

Синтаксисъ автора очень коротокъ: онъ весь помѣщается на 4-хъ страничкахъ разгонистой печати. Это бы конечно еще не бѣда. Но авторъ держится устарѣлой грамматической методы и отдѣливается общими мѣстами тамъ, гдѣ необходимо нужно было бы примѣняться къ дѣйствительнымъ особенностямъ и условіямъ живого языка. Говоря, на пр., объ употребленіи падежей, онъ ограничивается только пресловутою замѣткой, что именитель-

ный падеж составляется по вопросам: кто или что, родительный — *кого* или *чего* и т. д. — Вот почти все, что авторъ говоритъ объ управленіи словъ. — Но вѣдь это свойство всѣхъ языковъ въ мірѣ и нисколько не объясняетъ существующихъ свойствъ языка чувашскаго. — Увлечшись своими вопросами: кто, *кого*, кому и т. д., авторъ утверждаетъ, что именительный падежъ употребляется *иногда* родительнаго, на пр., *баръ мана перъ ластыкъ сюкуръ*, дай мнѣ кусочекъ хлѣба. — Трудно согласить это съ логикой языка. Скорѣе можно предположить, что слова: *перъ ластыкъ сюкуръ* здѣсь слиты въ одно понятіе, и въ винительномъ падежѣ стоитъ *сюкуръ*. И у насъ въ старинныхъ нѣсияхъ встрѣчаются подобныя грамматическія формы: на пр., *коломи стрѣлы изъ тростъ дерева*; или: *воротись миль надежа*, *воротись друи* и т. п. — Понятія: *тростъ-дерево* и *надежа друи* здѣсь слиты, и отъ того въ первомъ примѣрѣ *изъ* не управляетъ притяжаніемъ, и во второмъ *надежа*, какъ эинтеть *друи*, принимаетъ родъ сего послѣдняго. Это особенная грамматическая фигура, извѣстная филологамъ подъ именемъ *аттракціи*. — Далѣе на стр. 68-й авторъ говоритъ, что во фразѣ: *баръ мана сюкуръ*, послѣднее слово стоитъ въ *именительномъ* падежѣ. — Это опять неправда. Вѣдь и у насъ есть слова, изъ которыхъ одиѣ въ именительномъ и винительномъ, а другія въ родительномъ, дательномъ и предложномъ падежахъ, не смотря на шумныя прещенія грамматиковъ, благоволятъ имѣть одно и тоже окончаніе. Тутъ много толковать нечего: лучше допустить сходство именительнаго падежа съ винительнымъ, нежели предполагать, будто бы вопреки законамъ и логики, и здраваго смысла, и обще-философской грамматики, дѣйствительный глаголъ могъ требовать именительнаго падежа.

Къ грамматикѣ о. прот. Вишневаго приложенъ *словарь*, составляющій ея главное достоинство. Это первый дѣльный опытъ

чуашской лексикографіи, который стыдно и сравнивать съ Миллеровскимъ изуродованнымъ сборникомъ. Трудъ почтеннаго о. протоіерея доселѣ по всѣмъ правамъ пользуется честію быть руководительною книгой въ духовныхъ училищахъ. Но если авторъ задумаетъ приступить ко второму изданію своего очень полезнаго труда, то мы приняли бы на себя смѣлость просить его сдѣлать слѣдующія перемѣны. *Во первыхъ* не опускать изъ виду употребительнѣйшихъ словъ, каковы, на пр., *воласть*, читать, *смысланастъ*, приближаться и нѣкоторые другіа, непомѣщенные въ словарь. *Во вторыхъ* или не пестрить свое произведеніе исковерканными на чувашскій манеръ русскими словами, или тутъ же для пользы учащихся объяснять ихъ происхожденіе, присовокупляя, на пр., что чувашское *азра* есть русское *зря*, *овракъ* — оврагъ, *рытвина*, *клейма* — клеймо, *клука* — клушка, *кнене* — книга, *коба* — копна, *кожака* — кошка, *корбука* — горбатый, *кранъ* — грань, граница, *кранле* — грабли, *кукшумъ* — кувшинъ, *курка* — курица, *кутра* — кудрявый, *кюсле* — гусли, *мука* — мохъ, *падакъ* — батога, *палка*, *пружина* — пружина, *пробой*, *прусъ* — брусокъ, оселокъ, *сажанъ* — сажень, *погѣнница*, *сала* — сало, *саладъ* — солодъ, *саплакъ* — заплатить вѣтхое платье, *саламык* — заплата, *соха* — соха, *сонаска* — саласки, *стель* — столъ, *хитре* — хитрый, мудреный, красивый, *хымакъ* — кумачъ и проч. *Въ третьихъ* исключить изъ словаря чувашскаго ни за что, ни про что попавшія въ него русскіа слова. Таковы: *клетъ*, *капуста*, *макъ* (вѣха), *моръ* (зараза), *ракъ*, *сазанъ* и проч.

Но исполнѣ удовлетворительными грамматика и словарь о. Вишневскаго были бы только тогда, когда бы онъ и въ той, и въ другомъ постоянно слѣдилъ и указывалъ на сродство чувашскаго языка съ тюркскими нарѣчіями. Сродство это и притомъ самое ближайшее не подлежитъ никакому сомнѣнію. Уже и

въ прежнихъ письмахъ моихъ я неоднократно указывалъ на одинаковыя слова у Татаръ и у Чувашъ. Можно распространить это лексикографическое сходство отъ перваго до послѣдняго слова въ чувашскомъ языкѣ, исключивъ только вышеприведенныя русскія выраженія, равно какъ арабскія, персидскія и монгольскія *) Чтобы

*) Вотъ слова, перешедшія изъ арабскаго языка въ чувашскій: *аваль* (первый, древній), *айванъ* (ар. хайванъ, скотъ), *амъ* (позоръ), *амла* (ар. амбу, виноватый), *іумуръ* (ар. умыръ, жизнь), *кабиръ* (надмѣнный, гордый), *каламъ* (ар. кагиль, лѣнивый), *лаикъ* (ар. лаикъ, приличный), *мыскара* (ар. масхари, насмѣшка), *нухратъ* (серебряныя деньги), *саатъ* (ар. саатъ, часъ), *саламъ* (почтеніе, миръ), *селимъ* (ар. салимъ, здоровый, хорошій), *телей* (ар. тал'ейя, собственно гороскопъ, счастье, судьба), *тохъ* (ар. такіа, повязка, родъ діашины), *ухмакъ* (ар. акмакъ, глупый), *хадеръ* (ар. хадзеръ, то, что есть, запасъ), *хакъ* (цѣна), *халъ* (мочь, сила), *халъ* (теперь), *халалъ* (ар. халяль, то, что позволено, въ переносномъ смыслѣ наслѣдство), *халанъ* (ар. халафъ, басня), *халымъ* (народъ) *хаманъ* (ар. аманъ, пощада, спасеніе, здоровье), *хотъ* (письмо, почеркъ), *хыбаръ* (ар. хабаръ, извѣстіе). — Монгольскаго происхожденія суть слова: *абачъ* (мать моя), *алдасъ* (мон. мадху, копать, рыть), *ама* (мон. эме, самка), *иня* (мон. унье, корова), *іорлымъ* (мон. зерлыкъ, тат. ярлыкъ), *олбутъ* (мон. олпхутъ, господинъ), *орна* (бѣшеный), *таръ* (мон. дару, порохъ), *тилыбе* (мон. диль - бегге, возжи), *торду* (мон. орду или урду, родъ, племя, отсюда — орда), *чиолъ* (мон. чигунъ, камень), *ири* (мон. зирге, рядъ, порядокъ. — Изъ персидскаго въ чувашскій языкъ перешли: *ача* (бече, ребенокъ), *досъ* (достъ, другъ), *іумутъ* (пер. умидъ, надежда), *кизыя* (пер. киса, карманъ, кисеть), *кююртъ* (пер. кувертъ, горячая сѣра), *начаръ* (отъ пер. на, не, и чаръ, неимѣющей средствъ, бѣдный, худой), *парна* (отъ пер. паре, часть, кусокъ, уменьшит. парче, кусочекъ, отсюда наша *парча*), *падша* (пади-шахъ, царь), *пызыкъ* (пер. бузуркъ, большой), *сасъ* (голосъ, звукъ), *сымчиръ* (пер. занчиръ, цѣпь), *сюварнасъ* (отъ пер. сюваръ, всадникъ), *таза* (чистый), *тучманъ* (пер. душманъ, врагъ, злодѣй), *уста* (пер. устадъ, мастеръ), *хавасъ* (желаніе), *хоза* (ходжа, господинъ, хозяинъ), *чонъ* (пер. лжонъ, душа). —

убѣдиться въ этомъ , стоитъ только принять въ соображеніе слѣдующія діалектическія признаки обоихъ нарѣчій.

а) Перемѣните чувашскія окончанія неопредѣленнаго наклоненія *асъ* и *лзъ* на татарскія окончанія того же наклоненія *макъ* и *макъ*, — и вы получите чисто-татарскія слова. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Чувашскія слова:

Татарскія:

Авланасъ	Авлямакъ, жениться
анасласъ	иснамакъ, позывать,
астарасъ	аздырмакъ, обманывать, соблазнять
бирасъ	бирмакъ, давать,
биясъ	биймакъ, знать,
боласъ	болмакъ, быть,
бырасъ	бермакъ, быть, приходить, годится,
виясъ	ульмакъ, умирать,
десъ	диммакъ, говорить, откуда наше <i>дескать</i> ,
казасъ	канмакъ, рѣзать, рубить,
махтанасъ	мактамакъ, хвалиться, по монгольски <i>мактаху</i> , по арабски — <i>мадаха</i> ,
олдалинасъ	олданмакъ, обманывать,
пидересъ	бидермакъ, оканчивать,
пизересъ	пизермакъ, варить,
торасъ	торамакъ, чесать,
сивасъ	сивмакъ, любить,
табасъ	ташмакъ, лить,
тивасъ	тимакъ, трогать,
тордасъ	тормакъ, тянуть,

тухтась	тухтамакъ, ждѣть,
хвалась	кваламакъ, гнѣть.

б) Слова, въ татарскомъ языкѣ начинающіеся съ звукомъ *о* или *у*, въ чувашскомъ принимаютъ въ началѣ букву *е*, напр.:

Чувашскія слова:

Татарскія:

вилимъ	улимъ, смерть,
вилясь	ульмякъ, умирать,
вода	утунъ, дрова,
вотъ	утъ, огонь,
вуръ	урушъ, война, сраженіе, брань,
вурзясь	урушмакъ, браниться, спорить,
вурлясь	угрламакъ, воровать,
вурю	угры, воръ.

с) Измѣнивъ въ чувашскихъ словахъ букву *и* въ *б*, мы получимъ однозначущія съ чувашскими татарскія слова. Вотъ примѣры:

Чувашскія слова:

Татарскія:

пабакъ	бабка, дѣтенокъ,
пага	бога, дорогой, важный,
пагарды	багырь, печень,
паланъ	баланъ, калина,
паттырь	батуръ, или батырь, сильный, откуда наше богатырь,
перъ	биръ, одинъ,
перле	бирля, вмѣстѣ, съ,
пить	лицо,

пить	бикъ, очень,
планъ	буланъ, олень (не отсюда ли и наше <i>бу- ланый</i> ?)
подене	бутне, перепелка,
пожа	бошъ, пустой, незавятой,
позасъ	басмакъ, класть, давить, печатать; отсюда <i>басмаки</i> , печатники, носившіе съ собою <i>бас- му</i> , изображеніе ханское,
пола	балыкъ, рыба,
поръ	буръ, мѣлъ,
порне	бирмакъ, палець,
посъ	башъ, голова,
посъ-порне	башъ - бирмакъ, голова - палець, т. е. большой палець,
пошмакъ	башмакъ,
путу	буткә, каша,
пурзя	бурчакъ, горохъ,
пуры	бурай, полба,
пуанъ	баянъ, богатый,
пызыкъ	бузуркъ, большой,
пылъ	балъ, медъ,
пыльчикъ	балчакъ, грязь,
пюзюръ	бусыръ, грыжа.

d) Татарскій звукъ *з* въ чувашскомъ языкѣ переходитъ въ *р*.
Напримѣръ:

Чувашскія слова:

Татарскія:

маръ	мызъ, безъ,
зыръ	сызъ, безъ,

кюрь	кюзь, осень,
пурь	бузь, ледь, градъ, морозъ,
сузырь	исамъ-сызъ, нездоровый,
хирь	кызъ, дочь,
сюрь	юзъ, сто,
сюлдырь	юлдузь, звѣзда.

е) Слова, начинающіеся въ татарскомъ языкѣ звуками и, дж, л, ю, въ чувашскомъ принимаютъ звукъ с. Напримѣръ:

Чувашскія слова:

Татарскія:

силь	иль, или джилъ, вѣтеръ,
симарда	юмурта, или джумурта, яйцо,
сине	ине, новый,
сирь	ирь, или джирь, земля,
сиримъ	джигирма, двадцать,
сирь-олма	ирь-олма, земляное яблоко, картофель,
ситшилъ	итмышъ, семьдесятъ,
сіюкъ	іюкъ, нѣтъ,
сіюль	юль, дорога,
сіюль-поси	юль баши, голова дороги, провожатый,
сіюмырь	іюмырь, дождь,
сіюранъ	юранъ, пѣшій,
сіюртъ	юртъ, домъ,
сюленъ	иланъ, или джиланъ, змѣй,
сюрги	юрга, иноходецъ. —

ф) Татарскія слова, начинающіеся звукомъ к, въ чувашскомъ имѣютъ х. Напримѣръ:

Чувашскія слова:

Татарскія:

хачь	качь, ножницы,
хваласъ	кваламакъ, гнать,

хирь	кызъ, дочь,
хобахъ	кабакъ, родъ военной игры,
хозахъ	казакъ, вольный, холостой,
хора	кора, черный,
хорагъ	караулъ,
хорамъ	корама, вязъ,
хорандашъ	корындашъ, братъ, родственникъ,
хортъ	куртъ, червякъ, пчела,
хорчка	карчка, ястребъ,
хуна	кунакъ, гость,
хуракъ	курукъ, сухой,
хырымъ	кырымъ, брюхо,
хыяръ	кыяръ, огурецъ.

Прочія чувашскія слова по большой части или совершенно сходны съ татарскими, или допускаютъ только такія измѣненія, въ которыхъ, если будемъ имѣть въ виду 6 вышеизложенныхъ правилъ, найдемъ не опроверженіе, а доказательство тюркскаго происхожденія Чувашъ.

Еще болѣе убѣдительное доказательство тому представляютъ грамматическія формы того и другого языка. Отдѣльныя слова и выраженія одинъ народъ можетъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ заимствовать у другого совершенно разноплеменнаго. Но формъ грамматическихъ ни одинъ народъ вполне не заимствуетъ отъ другого. Слѣд., если два языка и два народа въ нихъ сходствуютъ, это уже не два языка и не два народа, а два нарѣчія одного первоначальнаго основнаго языка, два племени одного корня. Примѣнимъ это положеніе къ чувашскому и татарскому нарѣчіямъ.

Формы склонений въ обоихъ нарѣчіяхъ очень сходны. Возьмемъ въ примѣръ общее тому и другому языку слово: *халмы*.

Чувашское склоненіе:

Ед. ч.

И. халыгъ (народъ),

Р. халыганъ

Д. халыгта

В. халыгне

Т. халыгъ-ба

Татарское:

Ед. ч.

халкъ

халкнынъ

халкта

халкни

халкъ-бирля и проч.

Еще яснѣе открывается это сходство изъ законовъ образованія именъ прилагательныхъ.

Въ чувашскомъ языкѣ онѣ образуются:

1) Изъ существительныхъ чрезъ прибавленіе слоговъ *ла* и *ди*. — Въ татарскомъ онѣ составляются чрезъ прибавленіе слоговъ *лу*, или *лы*.

2) Изъ нарѣчій чрезъ прибавленіе слова *и* напр., *авалъ*, древо, — *авали*, древній. — Тоже правило соблюдается и въ татарскомъ языкѣ: *авалми*, первый.

3) Имена прилагательныя, значущія недостатокъ, отрицаніе, въ чувашскомъ языкѣ образуются изъ существительныхъ чрезъ прибавленіе слога *зыръ* (безъ), напр., *хал-зыръ* (нездоровый). Но это формація чисто-татарская. И у Татаръ въ этомъ случаѣ присоединяется къ именамъ частица *сызъ*, напр. *хал-сызъ* нездоровый, *куш-сызъ* (по чувашски *кось-сыръ*), безглазый.

4) Сравнительная степень образуется въ чувашскомъ языкѣ

чрезъ прибавленіе къ положительной *дарахъ*, сокращенно *рахъ*, напр., *озал-рахъ*, хуже; и по-татарски хуже — *узал-рахъ*.

5) Сравнительная степень въ чувашскомъ языкѣ нерѣдко замѣняется положительною. Это случается тогда, когда къ имени прибавленъ предлогъ *данъ*, напр., *вуль онъ-данъ асла*. Это также татарскій идиотизмъ. Татары въ этомъ случаѣ говорятъ: *уль онъ-дымъ улукъ*.

Мѣстоименія чувашскія также сходны съ татарскими. *Я* — по чувашски *аби*, по-татарски — *башъ* или *манъ*, *меня* — и по-чувашски и по-татарски *мининъ*, *мнѣ* — *мана*, *мана*; *онъ* — по-чувашски *вуль*, по-татарски — *уль*, *его* — и по-чувашски, и по-татарски — *онынъ* и т. д. Легкія измѣненія принимаютъ въ чувашскомъ языкѣ немногія изъ мѣстоимѣній, напр., *пиринъ*, тат. *бизынъ*, нашъ; *сиринъ*, тат. *сизынъ*, вашъ и нѣк. др. — Но здѣсь прошу припомнить, что было сказано мною выше о переходѣ въ чувашскомъ языкѣ буквъ *б* въ *п* и *з* въ *р*.

Имѣя въ виду это правило о переходѣ буквъ, можете усмотрѣть сходство и спрягательныхъ формъ того и другого нарѣчія.

Остается заключить отсюда, что чувашскій языка есть тюркское нарѣчіе.

Но что за народъ были сами Чуваши, подъ какимъ именемъ они могли быть извѣстны въ древности и что значитъ настоящее ихъ имя, — объ этомъ я поговорю въ слѣдующемъ письмѣ, а потомъ обращусь къ Черемисамъ.

XIV.

Чуваши — народъ довольно многочисленный, разбросанный густыми группами на пространствѣ четырехъ губерній: казанской (гдѣ ихъ считается до 300,000 человекъ), оренбургской (57,243 человекъ), симбирской (101,370 человекъ) и саратовской*). Само собою разумѣется, что это разсыпаніе ихъ по столь обширному пространству произошло въ позднѣйшія времена, въ слѣдствіе политическихъ переворотовъ, и что прежде они жили нераздѣльно, въ одной массѣ. Весьма естественно также предположеніе, что они не могли быть неизвѣстны путешественникамъ и особенно арабскимъ историкамъ и географамъ, столь хорошо знакомыхъ съ азіатскою мѣстностію и этнографіею. Но ни у нихъ, ни у русскихъ лѣтописцовъ до 1551 года не встрѣчается имени Чувашъ. Прямое заключеніе отсюда то, что народъ этотъ извѣстенъ былъ въ старину подъ другимъ названіемъ. Подъ какимъ же именно?

Мы не будемъ отыскивать Чувашъ между финскими племенами, по причинамъ изложеннымъ въ предыдущемъ письмѣ; а

*) Число Чувашъ, живущихъ въ саратовской губерніи (въ уѣздахъ петровскомъ и кузнецкомъ), мнѣ неизвѣстно. Г. Леопольдовъ говоритъ, что тамъ новокрещенныхъ Чувашъ вмѣстѣ съ Татарами считается 65,542 души, но не показывается, сколько въ этомъ числѣ Чувашъ.

лучше приведемъ мнѣнія объ этомъ предметѣ новѣйшихъ писателей, которые уже признали незаконнымъ родствомъ Чувашъ съ Чудью Бѣлоглавою.

А. А. Фуксъ говоритъ: »удивительно, что Несторъ, въ своей народной генеалогіи, говоря о всѣхъ народахъ, нигдѣ не упоминаетъ о Чувашахъ, тогда какъ этотъ народъ всѣхъ многочисленнѣе. . . . Я начинаю соглашаться съ мнѣніемъ, что Чуваша въ самомъ дѣлѣ не потомки—ли Хазары, — и что у Нестора Хазары тоже, что наши Чуваша (*)).

Но у г-жи Фуксъ нѣтъ средняго термина, и отъ того сидлогизмъ ея невѣренъ. Несторъ не упоминаетъ о Чувашахъ; слѣд. это были Хазары! — Но почему же именно Хазары, а не Булгары, Печенѣги, Торки или другой какой-либо народъ? на это нѣтъ отвѣта въ *Запискахъ о Чувашахъ*, да, кажется, не можетъ и быть.

П. С. Савельевъ видитъ въ Чувашахъ потомковъ Волжскихъ Булгаръ, и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ слѣдующія доказательства:

1) Г-жа Фуксъ, описывая чувашскій торжекъ, происходившій въ десяти верстахъ отъ деревни, въ полѣ, при большой дорогѣ, замѣчаетъ, что Чуваша не любятъ прилива постороннихъ жителей въ ихъ селенія. »Это, — говоритъ г-нъ Савельевъ, — едва-ли не древнее обыкновеніе Булгаръ: и они, кажется, не любили видѣть чужестранцевъ въ своихъ селеніяхъ. Руссы на время болгарской ярмарки жили на берегу, близъ своихъ людей, далеко

*) Записки о Чувашахъ стр. 32.

отъ города, потому-что Булгаръ былъ верстахъ въ *десяти* отъ Волги. Даже послы Халифа не были допущены въ столицу и въ продолженіе нѣсколькихъ дней оставались въ полѣ, верстахъ въ *десяти* отъ города^{*)}.

Слѣдуетъ увѣрить почтеннаго автора, что чувашскіе торжки не имѣютъ ничего общаго съ болгарскими ярмарками, и что торжки эти происходятъ въ полѣ, на большихъ дорогахъ отнюдь не въ подражаніе древнимъ Булгарамъ, а со временемъ въ слѣдствіе распоряженій виннаго откупа. Главная принадлежность чувашскаго базара — кабакъ; если онъ построенъ такъ удачно, что къ нему рукой подать изъ многихъ окрестныхъ деревень, то возлѣ него непременно устраивается базаръ, обыкновенно бывающій по пятницамъ и воскресеніямъ; а извѣстно, что для откупа строить кабаки гораздо выгоднѣе на большихъ дорогахъ, чѣмъ въ селахъ. Во *столы*хъ торжки эти бываютъ на большихъ дорогахъ потому, что ихъ нѣконимъ образомъ нельзя завести въ чувашскихъ селахъ и деревняхъ по причинѣ крайне безпорядочной ихъ постройки и отсутствію всего, что хоть сколько-нибудь походило бы на площадь или на правильную улицу. Завести же базары близъ селъ значить лишиться либо выгона для скота, либо пахотной земли. Слѣд. и для самихъ Чувашъ выгоднѣе имѣть базары на большихъ, обыкновенно очень широкихъ дорогахъ. Выходитъ, что здѣсь все зависитъ отъ обоюдныхъ выгодъ откупа и самихъ Чувашъ, а не отъ древняго обыкновенія Булгаръ, какъ утверждаетъ г-нъ Савельевъ, и не отъ того что Чуваша не любятъ прилива постороннихъ жителей въ ихъ селенія, какъ полагаетъ г-жа Фуксъ. — Не могу умолчать и о томъ, что меня очень соблазняетъ въ вышеприведенномъ доказательствѣ ученаго оріенталиста слово *десять*,

^{*)} Мухаммедаанская Нумизматика, стр. 100.

употребленное имъ трижды и всякій разъ напечатанное курсивомъ. Очевидно, тутъ было у автора особенное намѣреніе. Булгары отстояли на *десять* верстъ отъ Волги, на берегу которой Руссы жили во время ярмарки, близъ своихъ людей, далеко отъ города: чувашскій торжекъ Семикъ происходитъ также въ *десяти* верстахъ отъ деревни (?). Сближеніе, думалъ вѣроятно авторъ, не случайное: ужь не всѣ-ли болгарскія и чувашскія ярмарки происходили и происходятъ не менѣе, какъ въ *десяти* верстахъ отъ жилыхъ мѣстъ? — Но напрасно авторъ думаетъ будто древній Булгаръ стоялъ въ *десяти* верстахъ отъ Волги:*) онъ находился на самомъ берегу этой рѣки. *Абульфеда* ясно говоритъ, что Волга, протекая близъ столицы Булгаръ, огибала ее съ сѣвера и запада, и это вполне подтверждается мѣстностію развалинъ города. Татарская рукопись *Тегарикъ-удъ-даваръ* (гѣтопись круговъ или вѣковъ) и восточные писатели *Раузъ-эль-митара* и *Ибнъ-эль-Вардіа* опредѣляютъ даже и время, когда Волга приняла другое направленіе (спустя 54 года по завоеваніи Булгаръ Тимуромъ*). Да и авторитеты здѣсь, кажется, вовсе не нужны. Если бы авторъ самъ побывалъ на развалинахъ Булгаръ и осмотрѣлъ ихъ мѣстность; то твердо убѣдился бы, что въ старину Волга *должна* была проте-

*) И нынѣ развалины Булгаръ отстоятъ отъ Волги въ шести или много семи верстахъ, да и тѣ мѣрала старуха клюкой, да махнула рукой. — Надобно сказать также, что *Ибнъ-Фодланъ*, на которомъ основывается авторъ, говоритъ только, что за два фарсанга (за 8 верстъ) отъ столицы царь Булгарскій встрѣтилъ посольство Халифа, а объ разстояніи Волги отъ Булгаръ у него, кажется, нѣтъ ни слова.

**) Энциклоп. Лекс. т. VII. 292. — Волга въ здѣшней губерніи и теперь продолжаетъ напирать на правый берегъ, а лѣвый заноситъ пескомъ и иломъ. Уже на моей памяти многіе большіе протоки ея на лѣвой сторонѣ или обмелѣли, или вовсе занесены пескомъ. Не упоминая о множествѣ примѣровъ этого рода, укажемъ только на Казанскую пристань — Бакалду.

каты мимо этого города. — Напрасно также авторъ извращаетъ слова г-жи Фуксъ, которая говоритъ, что чувашскій базаръ происходилъ въ десяти верстахъ отъ нашей деревни, т. е. отъ ея русской вотчины, отъ ея помѣстья; а г-нъ Савельевъ, гонимый за роковымъ словомъ *десять*, выпустилъ мѣстоименіе *нашей*, отъ чего рѣчь приняла другой смыслъ, изъ котораго можно заключить, будто чувашскіе торжки располагаются въ десяти верстахъ отъ всякаго жилья. Напротивъ они бывають и въ селахъ, и въ деревняхъ, только русскихъ, удобно расположенныхъ, и на большихъ дорогахъ въ разстояніи одной, двухъ, трехъ, четырехъ и т. д. верстахъ отъ чувашскихъ деревень.

2) Еще страннѣе второе доказательство автора. О. И. Сенковский, чтобъ объяснить и согласить повидимому противорѣчивыя сказанія восточныхъ писателей о племени, къ которому принадлежали Волжскіе Булгары, развилъ и сдѣлалъ весьма вѣроятною гипотезу, что въ составъ болгарскаго государства входили турецкіе, славянскіе и финскіе народы, которыхъ соединила между собою власть одной династіи, вѣроятно турецкой, но *ослабнвшей* въ Булгарахъ, населенныхъ преимущественно Славянами*) Имѣя въ виду это предположеніе, г-нъ Савельевъ говоритъ: »Чуваши сохранили своимъ торжкамъ древнее славянское названіе *семики*, т. е., *сеймики*, малый сеймъ«**).

Это совершенно несправедливо. На языкѣ Чувашъ слово *семики* никогда незначило и незначитъ торжокъ, базаръ.... Но, Боже мой, отъ какихъ пустыхъ, ничтожныхъ случаевъ и поводовъ возникаютъ иногда наши предположенія, наши гипотезы, наши до-

*) Энциклоп. Лексик. т. VII, стр. 303.

**) Мухом. Нумизм. стр. 100.

казательства, наши ученые рѣшенія и заключенія! Посудите сами: г-жа Фуксъ, изображая картину чувашскаго рынка, *описалась*, поставила маленькую букву тамъ, гдѣ слѣдовало быть большой (семикиъ, вмѣсто: Семикъ), и изъ ореографической ошибки ея, произошло для г-на Савельева новое доказательство, что Чуваши суть потомки Булгаръ. Дѣло вотъ въ чемъ: дѣйствительно не далеко отъ Чебоксаръ есть чувашскій торжокъ, называемый *Семикъ-базаръ*. Названіе это происходитъ отъ перваго цѣловальника, смѣшшаго въ кабаки этого базара, подобно тому какъ названіе Эндри-базаръ происходитъ отъ цѣловальника же Андрея. Семикъ-базаръ, Эндри-базаръ значить — *Семикин базаръ, Андреевъ базаръ*. А ученый оріенталистъ, благодаря нетвердую ореографію г-жи Фуксъ, изъ *Семки* сдѣлалъ семикиъ, сеймикиъ, малый сеймиъ, съѣздъ, сходку, сборъ и заставилъ вышеупомянутаго *Семку* происходить отъ санскритскаго *sam*, собирать, и родниться съ нѣмецкимъ глаголомъ *zusammen*, собирать, — что впрочемъ безъ вѣдома автора, вышло довольно остроумно и мѣтко, потому — что Семка на своемъ вѣку безъ сомнѣнія *собралъ* съ пьющихъ не малую дань.

3) Приведа изъ г-жи Фуксъ описаніе чувашскаго базара, ученый оріенталистъ выводитъ изъ него такое заключеніе: «если бы не трубка и табакъ, которыхъ Булгары не знали, можно бы принять эту картину за описаніе въ маломъ видѣ болгарской ярмарки X вѣка. Тѣ же мѣстныя произведенія, о которыхъ говорятъ Арабы, — кожи, рогожи, рыба, яблоки; тѣ же издѣльныя произведенія, бисеръ, проназки, шерстяныя и бумажныя издѣлія, ожерелья, серебряныя монеты въ видѣ украшеній»^{*)}.

Но вѣдь тѣ же самыя произведенія и на татарскихъ, и на

^{*)} Мухам. Нумизм. стр. 103.

черемисскихъ, и на вотяцкихъ, и на мордовскихъ, и на сельскихъ русскихъ базарахъ....Выходить и Татары, и Черемисы, и Вотяки, и Мордва, и Русскіе суть потомки Болгарь? странная логика !!

И такъ если нѣтъ никакой достаточной причины, никакого повода считать Чувашъ потомками Хазарь и Булгарь; то не имѣютъ-ли они родства съ третьимъ народомъ, жившимъ въ X вѣкѣ на берегахъ Волги, — съ Буртасами? Представимъ въ извлеченіи главнѣйшія свѣдѣнія о послѣднемъ народѣ, наложенныя О. И. Сенковскимъ, въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, въ статьѣ: Буртасы.

Буртасы, по словамъ Масъуди, Идриси, Ибнъ-Халледуна, и другихъ арабскихъ писателей, обитали между Хазарами и Булгарами, на правомъ берегу Волги, вдоль по ея теченію. Арабскій географъ Якутъ пишетъ, что длина буртасской земли простиралась на двадцать дней ѣзды, т. е., вся страна имѣла въ длину 750 верстъ. Слѣд. Буртасы занимали по теченію Волги, нынѣшнія губерніи саратовскую и симбирскую. У нихъ было два города *Буртасъ* и *Сизаръ*. Они строили себѣ деревянные дома, но жили въ нихъ только зимою, а на лѣто расходились по кочевьямъ. Часть ихъ, по словамъ персидскаго писателя XII вѣка Ахмеда-Туси, исповѣдывала мухаммеданскую вѣру. Буртасы занимались преимущественно земледѣліемъ и звѣроловствомъ: въ честь ихъ названы были буртасскими (буртасіе) мѣха чернобурыхъ лисицъ, которые славились по всему мусульманскому востоку и продавались такъ дорого, что одни только цари могли покупать ихъ.

Въ этихъ свѣдѣніяхъ заключается многое, что заставляетъ насъ предполагать тождество Буртасъ и Чувашъ. Вотъ данныя, на которыхъ мы основываемъ свою гипотезу:

1) Чуваши и до нынѣ населяютъ сѣверную часть земли буртасской. Въ XII вѣкѣ приливомъ монгольскихъ племенъ они вытѣснены только изъ южной ея части, равно какъ на сѣверѣ съ береговъ Волги, и принуждены были селиться въ лѣсахъ и оврагахъ.

2) Самое имя *Буртасы* или *Бурнасы* объясняется изъ чувашскаго нарѣчія. *Буртасъ* есть древняя и правильная форма нынѣ употребляемаго глагола *бурнасъ*, жить, быть осѣдлымъ; что первая форма правильнѣе послѣдней, — это доказывается большею близостию ея къ корню *юртъ*, жилищъ. *Сы* или *сы* есть чувашское партиципiальное окончаніе. Слѣд. *Буртасы* или *бурнасы* будетъ значить — обитаемое, т. е., мѣсто, жилище, становище, или то же, что татарское *юртъ*, живущій, осѣдлый. Вѣроятно отъ имени главнаго своего зимняго становища, или отъ главнаго города, и самый народъ получилъ свое названіе. Этотъ главный городъ, т. е. Буртасъ, находился по мнѣнію г-на Сенковского въ окрестностяхъ нынѣшняго Саратова.

3) Настоящее названіе *Чуваши*, составлявшее доселѣ камень преткновенія для изслѣдователей, по моему мнѣнію есть просто буквальный переводъ слова *Буртасы*. Оно происходитъ отъ татарскаго *изъ* или *джизъ*, домъ, откуда *джизавишъ*, *чизавишъ*, *чувашишъ*, живущій домомъ, осѣдлый, также мирный; въ послѣднемъ значеніи слово *изавишъ* и доселѣ сохранилось въ чувашскомъ языкѣ.

4) Другой городъ буртасскій, *Сиваръ*, также, какъ и Буртасъ, носить на себѣ признаки чувашскаго происхожденія. *Сиваръ* или *сиваръ* будетъ повелительное наклоненіе отъ *сиврасъ*, спать, отдыхать, покоиться; слѣд. употребленное вмѣсто имени существительнаго слово это будетъ означать мѣсто покоя, отдохновенія.

5) Хазарская крѣпость, пограничная съ буртасскою землею, носила вѣроятно заимствованное отъ Буртасы чувашское названіе — *шора-киль*, бѣлый домъ, что Греки, не имѣвшіе буквы *ш*, превратили въ *Саркель*, а Руссы буквально съ чувашскаго перевели словами: Бѣлая-Вѣжа. Можетъ быть, сами же Буртасы, признавшіе надъ собою верховную власть хазарскаго хана, и выстроили для него подъ руководствомъ греческихъ инженеровъ эту крѣпость.

6) Въ древнемъ мѣстѣ своего жительства Буртасы оставили свои названія мѣстностей, селъ и рѣкъ, которыя объясняются изъ формъ чувашскаго языка. Таковы: *Лотрыкъ*, деревня и рѣка, отъ лотра, низкій; *Сокуръ*, рѣчка и деревня, отъ сокуръ, кривой, извилистый, не прямой (въ саратовскомъ уѣздѣ); селенія: *Хура*, отъ хура, сухая трава (въ волжскомъ уѣздѣ); *Чувашка* (въ хвалынскомъ уѣздѣ, гдѣ впрочемъ давно нѣтъ ни одного Чувашенина); *Сюзюмъ*, отъ сюзе, ива, или отъ сизимъ, молнія; *Чиберлей*, отъ чиберъ*) — хорошій, красивый (въ кузнецкомъ уѣздѣ), *Кондалъ*, отъ кондалги или кондаллы, здѣшній, мѣстный, туземный; *Каржманъ*, отъ кюрюжъ, сосѣдъ; *Вырыпавска*, отъ выры — середина и пуанъ — богатый (въ петровскомъ уѣздѣ**).

7) Сѣверную границу буртасской земли первоначально, составлялъ, кажется, городъ *Симилей*, отъ чув. сл. *сине*, новый, и *киль*, домъ, новый домъ, а потомъ *Симбирскъ****), отъ чув. сл. *сине*

*) Того же корня и *Сибирчи* или употребительнѣе Чибирчи, деревня Свияжскаго уѣзда, третья станція по дорогѣ изъ Казани въ Симбирскъ.

**) *Каржманы* и *Вырыпавска* есть въ Симбирской губерніи; подъ первымъ именемъ извѣстно село ардатовскаго уѣзда, а подъ вторымъ — деревня въ 6-ти верстахъ отъ Симбирска.

***) Замѣчательно, что Симбирскъ, помня свое этимологическое

и юрте, жилище новое жилье, новая крѣпость. Но бывъ покорены Монголами вѣроятно въ одно время съ Булгарами, т. е. около 1236 г., Буртасы, тѣснимые побѣдителями, мало по малу двигались одни на сѣверо-западъ и постепенно заселили нынѣшніе уѣзды: буинскій, курмышскій, цивильскій, чебоксарскій, ядринскій и козымодемьянскій. Другая часть ихъ перешла на лѣвый берегъ Волги, направилась на сѣверо-востокъ и водворилась въ нынѣшнихъ уѣздахъ: самарскомъ, ставропольскомъ, спасскомъ, чистопольскомъ, меназелинскомъ, бугульминскомъ, бугурусланскомъ, бѣлебеевскомъ, стерлитамакомъ, уфимскомъ и оренбургскомъ. Ниже Сингилей и Симбирска во время этого движенія осталась третья часть Буртась, и изъ нихъ жившіе въ городахъ, богатые торговцы и исповѣдывавшіе исламизмъ вѣроятно слились съ Монголами, когда тѣ приняли мухаммеданскую вѣру, а остальные язычествующіе, въ числѣ довольно незначительномъ, удержались въ нынѣшнихъ уѣздахъ: сызранскомъ, кузнецкомъ и петровскомъ. — Такъ образовалось нынѣшнее заселеніе Чувашъ или Буртась.

8) То, что говорятъ арабскіе писатели о занятіяхъ и промыслахъ Буртась, легко можетъ быть отнесено и къ Чувашамъ: они славились какъ отличные земледѣльцы и звѣроловы еще и въ позднѣйшія времена, находясь уже въ состояніи одичаломъ; эти качества еще нашелъ въ нихъ и Миллеръ. Больше, чѣмъ вѣроятно, что Чуваша, по дѣламъ торговли имѣли непосредственныя сношенія и съ Аравитянами, и съ Персами, которымъ продавали свои дорогіе шѣха. Иначе какъ бы столь значительное количество арабскихъ и персидскихъ словъ попало въ языкъ народа, жившаго въ глуши, незнавшаго ничего на свѣтѣ дальше своихъ лѣсовъ?

происхоженіе, до текущаго столѣтія постоянно писался:
Симбирскъ.

9) Слова Якута: »Буртасы имѣютъ свой собственный языкъ, отличный и отъ хазарскаго, и отъ болгарскаго«, — могутъ отнестись къ діалектическимъ разностямъ этихъ тюркскихъ нарѣчій и къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя въ нихъ произвело вліяніе другихъ языковъ. Очень вѣроятно, что въ болгарскомъ языкѣ преобладалъ элементъ славянской, въ хазарскомъ — еврейскій, въ буртасскомъ или чувашскомъ — монгольскій. И въ теперешнемъ чувашскомъ языкѣ гораздо больше слѣдовъ монгольскаго элемента, чѣмъ въ другомъ какомъ-либо изъ тюркскихъ діалектовъ; всего меньше слѣды эти видны въ языкѣ нашихъ некрещенныхъ Татаръ*).

10) Сами Русскіе въ старину отождествляли Буртасъ съ Чувашами. Вытѣсная послѣднихъ съ выгодныхъ мѣстъ и селась на нихъ по праву господствующаго народа, они называли свои новыя селенія именемъ Буртасы. Таково происхожденіе двухъ русскихъ селъ Буртасъ, одного въ свѣжскомъ, другого — въ цѣвильскомъ уѣздѣ.

11) Наконецъ припомнимъ и то, что мы сказали выше о *регрессивномъ* движеніи Чувашъ въ религіозномъ и умственномъ отношеніяхъ. Загнанные въ дремучіе лѣса, принужденные скрывать отъ своихъ побѣдителей, лишенные всякой возможности имѣть прежнія торговыя связи съ образованными народами, отброшенные во внутрь страны съ береговъ Волги, которая нѣкогда была ихъ важнѣйшимъ торговымъ путемъ, они естественно должны были дойти и доплы до состоянія дикости.

*) Татарскій языкъ по замѣчанію ученаго оріенталиста нашего, И. Н. Холмогорова, сохранился въ наибольшей чистотѣ у старокрещенныхъ Татаръ, нежелающихъ пестрить свой языкъ арабскими и персидскими фразами и оборотами, которыми любятъ щеголять некрещенные, особенно ученые Татары. Нерѣдко послѣдніе вовсе не понимаютъ своихъ крещеныхъ единоплеменниковъ и наоборотъ.

Въ заключеніе скажу , что я гипотезою о тождествѣ Буртасъ и Чуващъ хотѣлъ дойти до рѣшенія историческаго вопроса: куда вдругъ дѣвался съ береговъ Волги народъ многочисленный, торговый и довольно образованный (Буртасы), и откуда, спустя нѣсколько столѣтій потомъ, почти на тѣхъ же мѣстахъ, вдругъ появился народъ невѣжественный, грубый, но говорящій языкомъ. въ которомъ видно сильное вліяніе образованныхъ націй (Чуваши)? Успѣлъ-ли я въ своемъ намѣреніи, — пусть судятъ люди, болѣе меня знающіе въ этомъ дѣлѣ.

Quid potui, feci: faciant meliora potentes.

*(Изданіе изслѣдованій о друиыхъ инородцахъ казанской губерніи за
смертію автора прекращается.)*

10 ОТДѢЛЬНЫХЪ ОТТИСКОВЪ ЮРИДИЧЕСКАГО СБОРНИКА Д. МЕЙЕРА:

1. *Челокова П.* Объ органахъ судебной власти въ Россіи отъ основанія государства до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича. Казань, 1855 г., цѣн. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к.
 2. *Кури В.* О прямыхъ налогахъ въ древней Руси. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р.
 3. *Станиславскаго А.* Изслѣдованіе началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнихъ памятникахъ Русскаго законодательства. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.
 4. *Капустина С.* Древнее Русское поручительство. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ пер. 1 р. с.
 5. *Жидлова К.* Опытъ ученой разработки купчихъ грамотъ, помѣстныхъ въ актахъ юридическихъ. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с. Съ перес. 1 р. с.
 6. *Бржозовскаго О.* Историческое развитіе Русскаго законодательства по почтовой части. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.
 7. *Чулкова М.* Исторія законодательства о табачной промышленности въ Россіи до Екатерины II. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.
 8. *Осокина Е.* Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи Русскаго финансоваго права. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.
 9. *Мейера Д.* Древне Русское право залога. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.
 10. *Ею-же*—Юридическія изслѣдованія относительно торговаго быта Одессы. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.
- О юридическихъ вымыслахъ и предположеніяхъ, о скрытыхъ и притворныхъ дѣйствіяхъ, Д. Мейера. Казань, 1854 г., цѣн. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к. с.
- О значеніи практики въ системѣ современнаго юридическаго образованія, Д. Мейера. Казань, 1855 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.
- Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи, проф. Императорскаго казанскаго университета, доктора политическихъ наукъ, Е. Осокина. Казань, 1850 г., цѣн. 75 к., съ перес. 1 р. с.
- Ею-же*—Объ организациіи финансоваго управленія въ Азіяхъ. Казань, 1854 г., цѣн. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. с.
- Объ историческихъ народныхъ пѣсняхъ Сербовъ, соч. А. Соколова. Казань, 1854 г., цѣн. 40 к. с., за перес. за 1 ф.
- Общій взглядъ на классъ животныхъ наукообразныхъ, и частное описаніе одной изъ формъ, къ нему принадлежащихъ, Н. Вакера, испр. долж. адъюнктъ проф. въ Императорскомъ казанскомъ университетѣ. Казань, 1854 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. с.

Джонъ-То, или финансовый кризисъ Франціи въ первые годы регенства, соч. Н. Бауста. Москва, 1852 г., цѣн. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к. с.

Обще понятіе о хронографѣхъ и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ, хранящихся въ бібліотекахъ санктпетербургскихъ и московскихъ. Отрывокъ изъ пропедевтики Русской исторіи, сост. орд. проф. Императорскаго казанскаго университета, Николаемъ Ивановымъ. Казань, 1843 г., цѣн. 2 р. 50 к. с., съ перес. 3 р. с.

Ею-же—Краткій обзоръ Русскихъ временниковъ, находящихся въ бібліотекахъ санктпетербургскихъ и московскихъ. Казань, 1843 г., цѣн. 75 к., съ перес. 1 р. с.

О гальванической проводимости жидкостей, соч. А. Савельева, доктора физики, экс. орд. профессора Императорскаго казанскаго университета. Казань, 1853 г., цѣн. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к.

Исторія философіи, архимандрита Гавриила, въ 6 частяхъ. Казань, 1839 — 1840 г., цѣн. 3 р. с., съ перес. 4 р.

Ею-же—Поучительныя слова и рѣчи, въ 2 частяхъ. Казань, 1850 г., цѣн. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к. с.

Ею-же—Философія правды. Казань, 1843 г., цѣн. 75 к. с., съ перес. 1 р. сер.

Ею-же—Понятіе о церковномъ правѣ и его исторіи. Казань, 1844 г., цѣн. 50 к. с. и съ пересылкою.

Ею-же—Историческое описаніе казанскаго успѣнскаго 2 го класса Зилантова монастыря и казанскаго памятника. Казань, 1840 г., цѣна 75 к. с.

Лобачевскаго. Н. Алгебра или вычисленіе конечныхъ. Казань, 1834 г., цѣн. 2 р. с.

Ею-же—Воображаемая геометрія. Казань, 1835 г., цѣн. 75 к., съ перес. 1 р. с.

Ею-же—Примѣненіе воображаемой геометріи къ нѣкоторымъ интеграламъ. Казань, 1836 г., цѣн. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к. с.

Ею-же—Способъ увѣряться въ исчезаніи безконечныхъ строкъ и приближаться къ значенію функций весьма большихъ чиселъ. Казань, 1835 г., цѣн. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к. с.

Грамматика Монгольско-Татарскаго языка, соч. А. Бобровникова, бакалавра казанской духовной академіи. Казань, 1849 г., цѣн. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. с.

Букварь Русско-татарскій, сост. Вагабовымъ. Казань 1856 г., цѣн. 25 к., съ перес. 50 к. с.

**UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY**

**Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.**

2000'50m.3

JUL 28 1951

LD 21-100m-7,'52(A2528s16)476